

ISSN 2949-1010
ISSN 2949-2025

KOREANOLOGY

#2(7)

КОРЕЕВЕДЕНИЕ

Журнал новейших исследований в области корееведения для экспертов в области международной политики, экономики, истории, и интересующихся Кореей.

ИЮЛЬ 2024

Федеральное государственное автономное учреждение науки
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук
(ИКСА РАН)
www.iccaras.ru

Научный информационно-аналитический журнал «**Корееведение**» издаётся ежеквартально с 2022 г. Журнал посвящён новейшим исследованиям в области корееведения и будет актуален как для экспертов в области международной политики, экономики, истории, так и для широкого круга читателей, интересующихся странами Корейского полуострова. Все научные статьи проверяются на плагиат, рецензируются и получают DOI.

Учредители: Институт Китая и современной Азии РАН, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

URL: <https://www.koreanology.ru>

- Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
Научную электронную библиотеку eLibrary.ru

Главный редактор: Асмолов К.В., к.и.н. (Россия).

Редакционная коллегия: Дьячков И.В., к.и.н, доц. (Россия); Жебин А.З., к.полит.н. (Россия); Ким Ен Ун, к.филос.н. (Россия); Самсонова В.Г., к.э.н. (Россия); Семина Л.И. (Россия); Стрельцов Д.В., д.и.н., проф. (Россия).

Редакционный совет: Бабаев К.В. (*председатель*), д.филол.н., проф. (Россия); Акуленко В.С., к.и.н. (Россия); Воронцов А.В., к.и.н., доц. (Россия); Захарова Л.В., к.э.н., доц. (Россия); Кистанов В.О., д.и.н. (Россия); Кукла М.П., к.э.н. (Россия); Курбанов С.О., д.и.н., проф. (Россия); Петровский В.Е., д.полит.н. (Россия); Портяков В.Я., д.э.н. (Россия); Соловьев А.В. (Россия); Синякова А.Ф., к.э.н., доц. (Россия); Толорая Г.Д., д.э.н., проф. (Россия); Толстокулаков И.А., д.и.н., проф. (Россия); Ом Гу Хо (Сеул, Республика Корея); Чхвэ Чжэ Док (Иксан, Республика Корея).

Редакция: Иванова Н.И., Проткова Е.В., Тарасов С.Ю., Федюнина М.А., Шкатов Д.Е.

Отрасли науки:

07.00.00 Исторические науки и археология

08.00.00 Экономические науки

23.00.00 Политология

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business

5.06 Political science

6.01 History and archaeology

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

ISSN 2949-1010 электронная версия

ISSN 2949-2025 печатная версия

DOI: 10.48647/ICCA.2024.40.61.001

© ИКСА РАН

© МГИМО МИД

Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences
(ICCA RAS)
www.iccaras.ru

The scientific information and analytical periodical “**Koreanology**” is published quarterly since 2022. The journal is dedicated to the latest research in Korean studies and will be relevant both for experts in the field of international politics, economics, history, and for a wide range of readers interested in the countries of the Korean Peninsula. All academic articles are checked for plagiarism and peer-reviewed, and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of China and Contemporary Asia RAS,
Moscow State Institute of International Relations (university) of the Ministry
of Foreign Affairs of Russia

URL: <https://www.koreanology.ru>

- Included in Russian Science Citation Index (RSCI), Russian Scientific Digital Library “eLibrary.ru”

Editor-in-chief: Asmolov K.V. (Russia), PhD (History)

Editorial Board: Dyachkov I. (Russia), PhD (History); Zhebin A. (Russia), PhD (Political science); Kim En Un (Russia), PhD (Philosophy); Samsonova V. (Russia), PhD (Economics); Semina L. (Russia); Streltsov D. (Russia), DSc (History).

Editorial Council: Babaev K. (Russia), DSc (Philology), Prof., (*Chairman*); Akulenko V. (Russia), PhD (History); Vorontsov A. (Russia), PhD (History); Zakharova L. (Russia), PhD (Economics); Kistanov V. (Russia), DSc (History); Kukla M. (Russia), PhD (Economics); Kurbanov S. (Russia), DSc (History), Prof.; Petrovsky V. (Russia), DSc (Political Science); Portyakov V. (Russia), DSc (Economics); Solovyov A. (Russia); Sinyakova A. (Russia), PhD (Economics); Toloraya G. (Russia), DSc (Economics), Prof.; Tolstokulakov I. (Russia), DSc (History), Prof.; Gu Ho Eom (Seoul, Republic of Korea); Chong Soo Park (Seoul, Republic of Korea); Jae Duk Choi (Iksan, Republic of Korea).

Editors Office: Ivanova N.I., Tarasov S.Y., Fedyunina M.A., Shkatov D.E., Protkova E.V.

Branch of Science (in the Russian Federation):	OECD Fields of Science:
07.00.00 Historical sciences and archeology	5.02 Economics and business
08.00.00 Economic sciences	5.06 Political science
23.00.00 Political science	6.01 History and archaeology

The Editorial Board's opinion may not coincide with the authors' point of view.

ISSN 2949-1010

ISSN 2949-2025

DOI: 10.48647/ICCA.2024.40.61.001

© ICCA RAS

© MGIMO University

СОДЕРЖАНИЕ

История

<i>Лешаков П.С., Терехин Н.Н.</i> Помощь Советского Союза голодающему крестьянству Кореи в 1925 году	5
<i>Логиновский Е.Л.</i> Северокорейская историография истории внешней политики КНДР: сопоставительный анализ сочинений Ким Ир Сена и научного комментария к ним	14
<i>Сон Ж.Г.</i> Правовое регулирование деятельности трудовых иммигрантов-корейцев российским императорским правительством в годы Первой мировой войны (на английском)	40
<i>Шуплецова К.В.</i> Распространение синтоизма в Корею в колониальный период	55

Политика

<i>Асмолов К.В.</i> Комментарии по поводу заключения Договора о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между РФ и КНДР	65
<i>Иванов Е.Д., Соловьев А.В.</i> Эрозия санкционного режима Совета Безопасности ООН против КНДР (на английском)	84

CONTENTS

History

<i>Leshakov P.S., Terekhin N.N.</i> Soviet Aid to the Starving Korean Peasantry in 1925	5
<i>Loginovskii E.L.</i> North Korean Research in History of DPRK's Foreign Policy: A Study of Key Features Represented in an Academic Commentary on Kim Il Sung's Works	14
<i>Son Z.G.</i> Legal Regulation of the Korean Labor Immigrants by the Russian Imperial Government in World War I	40
<i>Shupletsova K.V.</i> Spread of Shintoism in Korea During the Colonial Period	55

Politics

<i>Asmolv K.V.</i> Comments on the Conclusion of the Comprehensive Strategic Partnership Treaty between the Russian Federation and the DPRK	65
<i>Ivanov E.D., Solovyov A.V.</i> The Erosion of the UN Security Council Sanctions Regime Against the DPRK	84

П.С. Лешаков, Н.Н. Терехин

Помощь Советского Союза голодающему крестьянству Кореи в 1925 году

Аннотация. В статье впервые в отечественной историографии на основе ранее неизвестных архивных документов рассматривается малоизученная тема взаимоотношений Крестьянского интернационала (Крестинтерна) и корейского крестьянства на примере финансовой помощи пострадавшему от наводнения корейскому крестьянству. В 1925 г. на Корейском полуострове случилось достаточно мощное наводнение, которое поставило тысячи крестьянских домохозяйств на грань гибели. Одним из первых на просьбу о помощи откликнулся Крестинтерн, который начал проводить кампанию по сбору средств в СССР. Основной целью этой кампании по сбору и отправке помощи было усиление влияния Крестинтерна на корейские крестьянские организации, что в последующем должно было привести к установлению связей между ними и организацией. Несмотря на все трудности, с которыми столкнулась эта кампания, цели последней были достигнуты. *Во-первых*, деньги, хоть и имеется предположение, что они были перехвачены японским комитетом помощи, были доставлены корейскому крестьянству и оказали определенную поддержку. *Во-вторых*, цель усиления влияния все же была достигнута, поскольку о факте того, что Советский Союз и Крестьянский интернационал заняты сбором и отправкой помощи, знали как представители корейских газет, так и члены общественно-религиозной организации Чхондогё, которая в 1926 г. становится корейской секцией организации.

Ключевые слова: Крестьянский интернационал, наводнение 1925 г., финансовая помощь, советско-корейские отношения, колониальная Корея, корейское крестьянство.

Авторы: Лешаков Павел Семенович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Центр корейских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0002-8282-9933. E-mail: pleshakov@hse.ru
Терехин Никита Николаевич, магистрант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». ORCID: 0009-0007-2271-250X.
E-mail: revmark-agit@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лешаков П.С., Терехин Н.Н. Помощь Советского Союза голодающему крестьянству Кореи в 1925 году // *Корееведение*. 2024. № 2 (7). С. 5—13. DOI: 10.48647/ICCA.2024.32.74.002.

P.S. Leshakov, N.N. Terekhin

Soviet Aid to the Starving Korean Peasantry in 1925

Abstract. For the first time in the Russian historiography, based on previously unknown archival documents, the article examines the less-researched topic of the relationship between the Peasants' International and the Korean peasantry using the example of financial assistance to the Korean peasantry affected by the 1925 flood. In 1925, the Korean peninsula was hit by a powerful flood that brought thousands of peasant households to the edge of destruction. One of the first to respond to the request for help was the Peasant International, which started a fundraising campaign in the Soviet Union. The main objective of this fundraising campaign was to strengthen the influence of the Peasants' International on Korean peasant organizations, which would subsequently lead to the establishment of a link between them and the Peasants' International. In spite of all the difficulties faced by this campaign, it achieved its aims. Firstly, the money, although it is believed that it was intercepted by the Japanese relief committee, was delivered to the Korean peasantry and provided some support. Secondly, a certain influence was still gained, since the fact that the Soviet Union and the Peasants' International were engaged in collecting and sending aid was known both to Korean newspapers and to members of the socio-religious organization Cheondogyo, which in 1926 became the Korean section of the Peasants' International.

Keywords: Peasants' International, flood of 1925, financial aid, Soviet-Korean relations, colonial Korea, Korean peasantry.

Authors: Pavel S. LESHAKOV, PhD (Economics), senior researcher, Center for Korean Studies, Institute of China and Contemporary Asia, the Russian Academy of Science. ORCID: 0000-0002-8282-9933. E-mail: pleshakov@hse.ru
Nikita N. TEREKHIN, Master's student, HSE University.
ORCID: 0009-0007-2271-250X. E-mail: revmark-agit@mail.ru

Conflict of Interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citations: Leshakov P.S., Terekhin N.N. Pomoshch' Sovetskogo Soyuza golodayushchemu krest'yanstvu Korei v 1925 godu [Soviet Aid to the Starving Korean Peasantry in 1925]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2024, 2 (7): 5—13. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2024.32.74.002.

Отношения Советской России и затем Советского Союза с корейским народом достаточно хорошо изучены в отечественной историографии. Особое место в советский период занимали темы связи Коммунистического интернационала и корейского коммунистического движения¹. После так называемой архивной революции, прошедшей в 1990-х годах и открывшей для исследователей ранее засек-

¹ Например, работа Ф.И. Шабшиной [Шабшина, 1988], выпущенная в 1988 г. под грифом «Для служебного пользования», является фундаментальной работой по истории корейского коммунистического движения и превосходит многие западные исследования на данную тематику.

реченные документы, в изучении связей нашей страны и корейского народа в первой половине XX в. появились новые темы. Например, связь Советской России и Временного правительства Республики Корея в Шанхае [Пак, 2006, с. 73—116], а также участие российских корейцев в революционном и коммунистическом движении корейского народа¹. Прошлые же темы получили новое освещение². Однако до сих пор остаются неизвестными некоторые страницы в истории отношений между нашими странами. Наиболее интересной, на наш взгляд, является тема связей между корейским крестьянством и Крестьянским интернационалом (Крестинтерн), который представлялся советским руководством как центр «движения крестьян всего мира» [РГАСПИ Ф. 535. Оп. 1. Д. 57. Л. 21—22]. В отечественной историографии этой теме посвящены всего две работы — статья С. Севрюгина [Севрюгин, 2022] и кандидатская диссертация В.В. Хегай [Хегай, 1995]. Однако в обеих работах взаимоотношения между Крестинтерном и корейским крестьянством освещаются бегло, уделяется достаточно мало внимания его политической, организационной и финансовой помощи корейским крестьянам и их организациям. В нашей статье мы попытались впервые в отечественном корееведении пролить свет на один из эпизодов финансовой помощи Крестинтерна корейскому крестьянству на примере поддержки пострадавших от наводнения 1925 г. Кроме того, также впервые вводятся в научный оборот некоторые документы Крестинтерна, хранящиеся в Российском архиве социально-политической истории (РГАСПИ).

Наводнение 1925 года и его последствия

Наводнения были одним из самых опасных стихийных бедствий для корейского крестьянства. Происходившие почти ежегодно, они приводили к разрушению крестьянских домохозяйств, уничтожению посевов и урожая и т. д. Особенно тяжелыми стали 1924—1925 гг., в течение которых случились крупные наводнения в южных районах Корейского полуострова. Наводнение же 1925 г. фактически привело к угрозе массового голода на юге полуострова.

Летом указанного года Корейский полуостров накрыли мощные муссонные ливни, приведшие к ранее невиданному наводнению. В период с 8 по 11 июля и с 15 по 18 июля сильные дожди привели к резкому поднятию уровня воды в р. Ханган. Как сообщают британские дипломаты, на протяжении нескольких дней Сеул фактически был отрезан от внешнего мира, были разрушены средства связи и т. д. [Korea: Political..., 2005, p. 483] Ливни и вызванные ими разливы рек затронули не только Центральную Корею, но и весь Корейский полуостров.

¹ Особо стоит выделить серию «Российские корейцы», в рамках которой были опубликованы работы о таких видных деятелях корейского коммунистического движения, как Хён Мёнсе, Ким Мангым и А.П. Ким-Станкевич.

² Например, в 2007 г. был опубликован сборник архивных документов, касающихся отношений между Коминтерном и корейским коммунистическим движением [ВКП (б), Коминтерн..., 2007]. Кроме того, появились публикации, в которых рассматривалась реакция советской печати на события июня 1926 г. [Июньская демонстрация..., 2003]

Согласно официальным данным корейского генерал губернаторства, в результате наводнения урон был следующим [Korea: Political..., 2005, p. 484]:

- погибли 377 человек;
- пострадали 55 человек;
- пропали без вести 215 человек;
- смыто 5383 дома и примерно 10 360 га полей;
- полностью разрушено 19 944 дома;
- затоплено 49 788 домов и 32 330 га полей;
- разрушено наполовину несколько сот тысяч домов;
- стали беженцами 883 756 человек.

Как видно из приведенных данных, летние наводнения 1925 г. принесли достаточно большой ущерб. От стихии пострадало около 5 % всего населения Корейского полуострова, а если учитывать фактор разрушения построек и уничтожения полей, то число жертв может быть еще больше. Более того, согласно японским данным, лишь на восстановление поврежденных железных дорог требовалось около 14 млн иен [Korea: Political..., 2005, p. 484]. Основными районами, пострадавшими от наводнения, были южные провинции полуострова [Korea: Political..., 2005, p. 484], где большую часть сельского населения составляли арендаторы и полуарендаторы [Williams, 1982, p. 141, 161, 181, 201, 221, 241, 261]. По данным, которые приводил активный сторонник японского колониального господства Чхве Чханхён, даже «крепкое» арендаторское домохозяйство по итогам года имело отрицательный баланс [РГАСПИ Ф. 495. Оп. 135. Д. 153. Л. 43]. Более того, многие домохозяйства даже крестьян-собственников, согласно японским данным, имели очень незначительное положительное сальдо [Ли Сонсун, 2015, с. 289—291].

Учитывая достаточно бедственное положение домохозяйств арендаторов, полуарендаторов и не столь «твердое» положение некоторых домохозяйств крестьян-собственников данных районов, можно утверждать, что крестьяне из-за наводнения массово столкнулись с угрозой существования. Обладая и так отрицательным или очень незначительным положительным сальдо до наводнения, лишённые своих домов и своей земли, т. е. основных средств производства и существования, после наводнения они не могли восстановиться без посторонней помощи.

Крестьянский интернационал и помощь корейскому крестьянству

Информация о случившемся бедствии поступила в Москву почти сразу. Уже 27 июля 1925 г. на заседании Генерального секретариата Крестинтерна была заслушана информация о наводнении в Корее и предложено «обратиться с открытым письмом к Межрабпрому¹ и другим международным организациям помощи» [РГАСПИ Ф. 535. Оп. 1. Д. 57. Л. 26]. Через три дня, 30 июля 1925 г., секрет-

¹ Международная рабочая помощь — основанная в 1921 г. международная организация помощи рабочим всех стран. Ее штаб находился в Берлине, но организация была фактическим подчинена Коммунистическому интернационалу.

ное письмо было отправлено в Межрабпом и в Международную организацию помощи борцам революции (МОПР). Оба письма почти идентичны, поэтому мы приводим текст письма Крестинтерна в Межрабпом:

«В связи с постигшим Корею наводнением, которое является в этом году уже повторным стихийным бедствием, опустошающим наиболее плодородные местности Кореи, — следует ожидать голода и резкого экономического ухудшения в положении корейского крестьянства, и без того стонущего под беспощадным прессом японского оккупационного аппарата. По имеющимся в Крестинтерне данным, уже сейчас в Корее наблюдается усиление партизанского движения и спорадические вспышки крестьянских волнений, причем замечается тенденция к организации корейского крестьянства (к настоящему моменту, по данным съезда рабоче-крестьянских организаций, в Корее [их] имеется свыше 500 с общим числом 105 тысяч членов), которое впервые в истории корейского национального движения выступает против японских оккупантов организованно с централизованным руководством.

Крестинтерн считает крайне желательным, учитывая настоящее настроение в Корее, — оказать материальную поддержку пострадавшему корейскому крестьянству со стороны органов международной помощи, тем самым пропагандируя идеи международной солидарности и используя этот акт для развертывания Вашей деятельности и создания Ваших организаций, что имеет сугубое значение при настоящих событиях на Дальнем Востоке.

Ассигнованную Вами сумму просим перевести в распоряжение Крестинтерна для передачи ее тем организациям и крестьянским союзам в Корее, которые связаны с нами или находятся под нашим влиянием.

Препровождая эти деньги по назначению, мы выпускаем воззвание, посвященное работе Межрабпома» [РГАСПИ Ф. 535. Оп. 1. Д. 68. Л. 45—46].

В конце письма была также сделана приписка рукой, которая немного исправляет последний абзац: «Мы, препровождая эту сумму, выпустим специальное воззвание широко популяризуя Вашу организацию среди трудовых масс Кореи и примем все меры, чтобы Вы смогли создать здесь свои отделения» [РГАСПИ Ф. 535. Оп. 1. Д. 68. Л. 46].

Как можно видеть из текста письма, Крестинтерн предлагал оказать помощь корейскому крестьянству исходя не столько из «солидарности», но и преследуя вполне конкретные цели, а именно усиление своего влияния. Причем письмо предлагало взаимовыгодное сотрудничество между Крестинтерном, выступавшим каналом передачи денег, и Межрабпомом и МОПРом, которые должны были пожертвовать эти деньги. Другими словами, стороны преследовали вполне корыстные интересы. Однако интересным представляется то, что на момент лета 1925 г. Крестинтерн фактически не имел никакой связи с корейскими крестьянскими организациями; его влияние на корейское крестьянское движение начнется лишь с зимы 1926 г., после установления связи с общественно-религиозной организацией Чхондогё [РГАСПИ Ф. 535. Оп. 1. Д. 23. Л. 2—3]. Крестинтерн заведомо предлагал то, что не мог исполнить. В итоге различными организациями было собрано 60 000 руб. на помощь пострадавшему от наводнения корейскому крестьянству.

Почти сразу с планом Крестинтерна по переводу суммы начались определенные проблемы. Уже 20 августа 1925 г. организация посылает секретное письмо в Красный интернационал профсоюзов:

«Во избежание недоразумений при переводе денег, собранных рабочими организациями на помощь корейскому крестьянству, пострадавшему от наводнения (в случае, если эти переводы будут делаться не через нас и не через Коминтерн), рекомендуем направлять их в редакцию корейской газеты «Чосен Ирбо» («Чосон Ильбо». — П.С., Н.Т.) в Сеул с указанием: для передачи корейскому Помоглу от русских рабочих.

[...]

Предупреждаем Вас об этом ввиду того, что в настоящее время в Сеуле образован японским генерал-губернаторством Комитет помощи корейцам, который пытается захватить в свои руки пожертвования» [РГАСПИ Ф. 535. Оп. 1. Д. 68. Л. 47].

Почти сразу главным препятствием для перевода денег и последующего получения влияния за счет этого стало создание японскими властями комитета помощи пострадавшим от наводнения.

Другим препятствием стало отсутствие возможности напрямую переводить деньги корейским организациям, что привело к переводу суммы на счет Японского крестьянского союза. Насколько можно судить из имеющихся документов, Союз не был изначально проинструктирован, кому стоит передавать деньги. Например, в телеграмме Г.Н. Войтинского из Пекина от 17 сентября 1925 г. указывалось на необходимость его проинструктировать о том, что денежные средства требуется передать Сеульскому обществу помощи жертвам наводнения [РГАСПИ Ф. 535. Оп. 1. Д. 67. Л. 40].

Следуя указаниям Г.Н. Войтинского, Крестинтерн отправляет 21 сентября 1925 г. секретное письмо в ВЦСПС, Наркоминдел и Восточный отдел ИККИ, со следующей просьбой:

«Согласно телеграмме из Пекина 60000 рублей на помощь пострадавшим от наводнения в Корее переведены Японскому Крестьянскому Союзу, который предполагает передать их обществу Купунхе. Последнее не находится под контролем наших корейских товарищей. Поэтому просим проинструктировать организацию, на имя которой переведены деньги, чтобы переданные 60000 были переданы корейскому Помоглу в Сеул...» [РГАСПИ Ф. 535. Оп. 1. Д. 75. Л. 110].

В тот же день вместе с инструкцией ВЦСПС Крестинтерн самостоятельно посылает письмо в Японский крестьянский союз с указанием того, кому следует перечислить деньги [РГАСПИ Ф. 535. Оп. 2. Д. 196. Л. 5]. Через два дня уже ВЦСПС посылает письмо в адрес Японского крестьянского союза (от 23 сентября 1925 г.), в котором указывает, кому должны быть переведена перечисленная сумма [РГАСПИ Ф. 535. Оп. 1. Д. 75. Л. 113].

Итак, можно предположить, что после полученных инструкций, Японский крестьянский союз отправил деньги по правильному адресу. На этот счет мы не имеем каких-либо документов. Однако в телеграмме от 30 сентября 1925 г. представителями газеты «Чосон Ильбо» указывалось, что деньги еще не были получе-

ны [РГАСПИ Ф. 535. Оп. 2. Д. 91. Л. 18]. Более того, на заседании Бюро Президиума Крестинтерна от 15 апреля 1926 г. поднимался вопрос о наличии «слухов о задержке японскими властями денег, посланных на помощь Корее» [РГАСПИ Ф. 535. Оп. 1. Д. 24. Л. 40]. С другой стороны, в других документах указывается, что, во-первых, сумма была меньше 60 000 руб. и едва доходила до 2051 долл., а во-вторых, что сумма все же была получена [РГАСПИ Ф. 535. Оп. 1. Д. 109. Л. 76—78].

Заключение

Судьба посланных денег остается неизвестной. В имеющихся документах не имеется точного указания на то, были ли они получены или нет. Мы можем предположить, что все же определенная сумма была получена организацией помощи пострадавшим от наводнения, но не корейской, а японской. Такой вывод можно сделать исходя из следующих моментов. *Во-первых*, японцы полностью контролировали всю банковскую систему Корейского полуострова. *Во-вторых*, японской печати было известно, что Советский Союз переводит определенную сумму на помощь пострадавшим [РГАСПИ Ф. 535. Оп. 1. Д. 109. Л. 76—78]. *В-третьих*, японские власти вряд ли могли допустить открытую помощь со стороны Советского Союза, ведь это привело бы к росту его популярности и, следовательно, росту популярности левых идей на Корейском полуострове. Яркой иллюстрацией этого является факт того, что, например, журнал общественно-религиозной организации Чхондогё «Кебёк» был закрыт на неопределенное время в августе 1926 г. лишь за публикацию нейтральной статьи об открытии в Москве Международного аграрного института [РГАСПИ Ф. 535. Оп. 1. Д. 88. Л. 164].

Итак, если посланные деньги были в итоге получены японским комитетом помощи пострадавшим от наводнения, то все же можно говорить, что корейские крестьяне получили эти деньги. Ведь, несмотря на все недостатки, определенная система социальной защиты в колониальной Корее все же существовала [Чхве Окчхэ, 2013]. Согласно имеющимся данным, уже в первых числах октября 1925 г. с помощью корейского генерал-губернаторства было распределено 200 000 иен [РГАСПИ Ф. 535. Оп. 1. Д. 109. Л. 37].

Другим вопросом является то, получил ли Крестинтерн какое-либо влияние на Корейском полуострове за счет данной финансовой помощи. На наш взгляд, все же отправка денег дала ему определенное влияние, поскольку информацией о посылке денег Советским Союзом корейские журналисты «Чосон Ильбо» владели [РГАСПИ Ф. 535. Оп. 2. Д. 91. Л. 18], а сами сношения проводились в основном через Крестинтерн. Более того, Пак Чинсун, очень важный и ключевой участник установления связи между Крестинтерном и Чхондогё, заявлял в июле 1926 г., что «в Корее вследствие наводнения намечался большой голод, и первым на помощь корейскому народу откликнулось крестьянство СССР и Крестинтерн, а также был сделан призыв к своевременному сбору пожертвований в пользу корейских крестьянских масс» [РГАСПИ Ф. 535. Оп. 1. Д. 23. Л. 72]. Вполне возможно, что такую линию он проводил и в 1925 г., когда был в Корее и как

член Чхондогё занимался пропагандой идеи вхождения данной организации в Крестинтерн. Другими словами, Крестинтерн все же получил влияние, и данная помощь была полезна для дальнейшей истории взаимоотношений между ним и корейским крестьянством.

Библиографический список

- ВКП (б), Коминтерн и Корея: 1918—1941. М.: РОССПЭН, 2007. 814 с.
- Документы из Российского архива социально-политической истории (*РГАСПИ*).
- Июньская демонстрация 1926 года в Корее: статьи и материалы. М.: «Первое марта», 2003. 193 с.
- Пак Б.Д. СССР, Коминтерн и корейское освободительное движение: 1918—1925. М.: ИВ РАН, 2006. 415 с.
- Северюгин С. Особенности корейской религиозной организации «Чхондогё» и причины ее сотрудничества с коммунистами // Государство, религия, церковь в России и за рубежом, 2022. № 40 (2). С. 128—145.
- Хегай В.В. Крестьянское движение в колониальной Корее (1910—1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 1995. 214 с.
- Шабшина Ф.И. История корейского коммунистического движения (1918—1945 гг.). М.: Институт Востоковедения АН СССР, 1988. 299 с.
- Korea: Political and Economic Reports, 1882—1970. Vol. 8 (1922—1926). Cambridge: Cambridge Archive Editions, 2005. 677 p.
- Williams F. H. Rationalization and Impoverishment: Trends Affecting the Korean Peasant Under Japanese Colonial Rule, 1918—1942. Master Thesis, University of Hawaii, 1982. 400 p.
- 이충순. 1920—30년대 전반기 식민지 조선의 농가경제 분석 [Ли Сонсун. Анализ крестьянского домохозяйства в колониальной Корее в первой половине 1920-х и 1930-х гг.] // 사학연구, 2015. Т. 119. С. 281—328. (На кор.).
- 최옥채. 일제강점기 농민복지 [Чхве Окчэ. Благополучие крестьянства в период японского колониального господства] // 한국사회복지학, 2013. Т. 65. № 2. С. 287—311. (На кор.).

References

- VKP (b), Komintern i Koreya: 1918—1941. [All-Union Communist Party (Bolsheviks), Comintern and Korea]. Moscow: ROSSPEN, 2007. 814 p. (In Russian).
- Documents from Rossijskogo arhiva social'no-politicheskoy istorii (*RGASPI*). (In Russian).
- Iyun'skaya demonstraciya 1926 goda v Koree: stat'i i materialy [The June 1926 demonstration in Korea: articles and materials]. Moscow: «Pervoe marta», 2003. 193 p. (In Russian).
- Pak B.D. (2006) SSSR, Komintern i korejskoe osvoboditel'noe dvizhenie: 1918—1925 [The USSR, the Comintern and the Korean National Liberation Movement: 1918—1925]. Moscow: IV RAN. 415 p. (In Russian).
- Sevryugin S. (2022) Osobennosti korejskoj religioznoj organizacii «CHkhondogyo» i prichiny ee sotrudnichestva s kommunistami [Characteristics of the Korean Religious Organization Cheondogyo and the Reasons for its Cooperation with the Communists]. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom*. No. 40 (2). Pp. 128—145. (In Russian).

Hegaj V.V. (1995) Krest'yanskoe dvizhenie v kolonial'noj Koree (1910—1945 gg.) [Peasant Movement in Colonial Korea (1910—1945)]. Ph.D. diss., Moscow. 214 p. (In Russian).

Shabshina F.I. (1988) Istoriya korejskogo kommunisticheskogo dvizheniya (1918—1945 gg.) [History of the Korean Communist Movement (1918—1945)]. Moscow: Institut Vostokovedeniya AN SSSR. 299 p. (In Russian).

Korea: Political and Economic Reports, 1882—1970. Vol. 8 (1922—1926). Cambridge: Cambridge Archive Editions, 2005. 677 p.

Williams F. H. Rationalization and Impoverishment: Trends Affecting the Korean Peasant Under Japanese Colonial Rule, 1918—1942. Master Thesis, University of Hawaii, 1982. 400 p.

*이송순 (2015). 1920—30년대 전반기 식민지 조선의 농가경제 분석 (Yi Song-sun. 1920—30nyeondae jeonbangi singminji joseonui nonggyeongje bunseok). [Yi Song-sun. The analysis of Joseon's farm household economy in 1920s — early 1930s, the Japanese Colonial period]. *The Review of Korean History*, Vol. 119: 281—328. (In Korean).*

*최옥채 (2013). 일제강점기 농민복지 (Choe Ok-chaе. Iljegangjeomgi nongminbongni) [Choe Ok-chaе. Farmers' Welfare during Japanese Colonial Rule]. *Korean Journal of Social Welfare*, Vol. 65. No. 2: 287—311. (In Korean).*

Поступила в редакцию: 13.05.2024

Принята к публикации: 14.06.2024

Received: 13.05.2024

Accepted: 14.06.2024

Е.Л. Логиновский

Северокорейская историография истории внешней политики КНДР: сопоставительный анализ сочинений Ким Ир Сена и научного комментария к ним

Аннотация. Настоящая статья призвана выявить ключевые особенности в подходах учёных КНДР, освещающих проблемы внешней политики государства в годы жизни Ким Ир Сена. Основой для анализа выступает Полное собрание сочинений Ким Ир Сена издания 1992—2012 гг. и исследование о внешней политике 2011 г., которое в виде книги подготовили авторитетные историки Ким Хёк Мо и Ли Гван Сам.

В исследовании описаны неизвестные факты об отношениях КНДР с 22 государствами и межгосударственными движениями по всему миру. Сопоставление данного текста с перечнем работ Ким Ир Сена о внешней политике, опубликованных в собрании сочинений, подтверждает, что описанные факты привели к открытию ряда неизвестных элементов письменного наследия вождя. Несмотря на то, что рассматриваемое собрание сочинений примерно на четверть составлено из работ, имеющих отношение ко внешней политике, книга Кима и Ли фактически носит характер комментария к указанному собранию, поскольку системно реконструирует историю отношений официального Пхеньяна с зарубежьем, в особенности на ранних этапах.

Работа 2011 г. существенно дополняет представления о связях КНДР с широким кругом её зарубежных партнёров, заложенные в Полном собрании сочинений Ким Ир Сена. Большинство неизвестных прежде фактов касаются материальной поддержки вооружённой борьбы политических союзников республики в Африке, Азии и Латинской Америке, а иные свидетельства относятся к истории отношений вождя с важнейшими партнёрами — СССР и Китаем — и дружественными политическими группами из различных государств. Научный комментарий не только утверждает нормы академически более строгого подхода к исследованию, но и свидетельствует о сохранении стратегии КНДР на приоритет связей со странами глобального Юга.

Ключевые слова: КНДР, Ким Ир Сен, Полное собрание сочинений Ким Ир Сена, историография истории Кореи, внешняя политика, военная помощь.

Автор: Логиновский Егор Леонидович, магистр востоковедения, переводчик 2-й категории, ООО «ССК «Звезда». ORCID: 0000-0002-0753-5353.
E-mail: login-egor@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Логиновский Е.Л. Северокорейская историография истории внешней политики КНДР: сопоставительный анализ сочинений Ким Ир Сена и научного комментария к ним // Корееведение. 2024. № 2 (7). С. 14—39.
DOI: 10.48647/ISSA.2024.97.66.003.

E.L. Loginovskii

North Korean Research in History of DPRK's Foreign Policy: A Study of Key Features Represented in an Academic Commentary on Kim Il Sung's Works

Abstract. This study examines key features highlighted by North Korean researchers in their investigation of the DPRK's foreign policy under Kim Il Sung. The analysis focuses on Kim Il Sung's Complete Works, published from 1992 to 2012, and a 2011 book on the country's foreign policy history authored by Gim Hyeong Mo and Ri Gwang Sam. These historians, who have the unequivocal trust of their superiors, provide a detailed and authoritative account of North Korea's diplomatic strategies and relations. This book introduces a set of previously unknown factual evidence related to North Korea's ties with twenty-two states and inter-state movements throughout the world. Comparing the 2011 study with a list of diplomacy-related works by Kim Il Sung as provided in the Complete Works, one would find that the events in this group have indeed led several works to join Kim's personal archive. However, those sources were not included in Kim's written heritage at that time, despite nearly a quarter of the said collection reflecting the diplomatic activities of North Korea's founder. The book by Gim and Ri should be considered an academic commentary on the Complete Works, given that the authors offer more comprehensive records of Pyongyang's diplomatic history, with particular attention to the early years.

The 2011 contribution considerably broadens the concepts of North Korea's foreign relations promoted by the Complete Works. A vast majority of previously hidden facts represent the history of military assistance North Korea provided to its political allies in Africa, Asia, and Latin America, while the remaining evidence discloses the DPRK's ties with the Soviet Union and China, the country's principal partners, as well as political groups in various countries willing to cooperate with Pyongyang. The academic commentary on the Complete Works introduces better practices of research for domestic scholars while proving that the DPRK considered developing ties with Global South nations a primary diplomatic strategy.

Keywords: DPRK, Kim Il Sung, Kim Il Sung's Complete Works, historiography of Korean history, foreign policy, military aid.

Author: Egor L. LOGINOVSKII, Master of Arts (Asian & African Studies), translator (2 grade), Zvezda Shipbuilding Complex. ORCID: 0000-0002-0753-5353.
E-mail: login-egor@mail.ru

Conflict of Interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citations: Loginovskii E.L. Severokorejskaja istoriografija istorii vneshnej politiki KNDR: sopostavitel'nyj analiz sochinenij Kim Ir Sena i nauchnogo komentarija k nim [North Korean Research in History of DPRK's Foreign Policy: A Study of Key Features Represented in an Academic Commentary on Kim Il Sung's Works]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2024, 2 (7): 14—39. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2024.97.66.003.

Жители социалистических стран (как бывших, так и ныне существующих) хорошо представляют себе, что в период строительства социализма история государства незадолго до установления новой власти и в период построения нового общества описывалась, как правило, в работах по истории правящей партии. Данная тенденция получала существенное развитие в годы жизни политических руководителей, которых в наше время принято считать творцами тоталитарного единоличного правления: описание истории государства предпринималось зача-

стю в формате биографий и собраний сочинений высшего руководителя партии и государства, а очередные редакции таких текстов задавали, по существу, новые стандарты восприятия знания о новой и новейшей истории страны.

Источниковая база и методы исследования

Северокорейские власти предприняли по меньшей мере восемь попыток (1948, 1949 г., 1953—1954, 1960—1964, 1967—1994, 1979—1998, 1992—2012 гг., 2017 г. — н. в.) публикации письменного наследия Ким Ир Сена на основе принципа привлечения источников по широкому кругу тем. При этом наиболее продуктивной для исследовательской работы остаётся седьмая по счёту коллекция — Полное собрание сочинений Ким Ир Сена (*Ким Ир Сен чончжип*), выпущенное издательством Трудовой партии Кореи в 1992—2012 гг. в 100 томах¹. В пользу подобного выбора имеются объективные обстоятельства:

- данное собрание снабжено каталогом² [Каталог..., 2012], что позволяет независимо анализировать заголовки и подзаголовки, где приведены ценные данные, не всегда известные по ранним публикациям, и помещены исправленные (относительно «Сочинений» 1979—1998 гг.) указания на даты событий;

- завершённость ПСС обуславливает его беспрецедентную на текущий момент полноту, тогда как в составе дополненного издания трудов Ким Ир Сена³ выпущено 30 томов, которыми охвачен период с октября 1926 г. по декабрь 1957 г.⁴ В Республике Корея (РК) учтён лишь 21 том дополненного ПСС, и эти тексты поставлялись, очевидно, нерегулярно; ими охвачены периоды с октября 1926 г. по июль 1947 г., с февраля 1949 г. по август 1951 г. и с января 1954 г. по июнь 1957 г. (все данные по состоянию на июль 2024 г.) [Центр...];

- в ряде государств имеется доступ исследователей к первой редакции ПСС, хотя возможности обеспечения нормальных условий работы с ней различаются.

Прогресс в изучении официальной версии новейшей истории Северной Кореи заметно сдерживается внешними факторами. Так, в нашей стране доступ ко всем 100 томам ПСС не обеспечен даже в специализированных общедоступных хранилищах наподобие Российской государственной библиотеки (Москва), хотя в государствах, связи которых с официальным Пхеньяном устойчиво затруднены (к примеру, Япония), имеется возможность работы с первой редакцией ПСС в

¹ Далее — ПСС, первая редакция ПСС.

² Первый из известных нам каталогов работ северокорейских вождей — 위대한 수령 김일성동지의 로작목록 («Каталог трудов великого вождя товарища Ким Ир Сена») — был выпущен издательством ТПК в июле 1988 г., однако предназначение данного издания состояло, как следует из названия, в попытке охвата трудов вождя безотносительно конкретных коллекций источников, и потому каталог ПСС является первым в своём роде специализированным перечнем. Благодарим в.н.с. Центра корейских исследований ИКСА РАН, канд. полит. наук А.З. Желина за предоставленный фактический материал.

³ Далее — дополненное ПСС, вторая редакция ПСС.

⁴ 《김일성전집》 증보판 제1권 출판 [Выпущен 1-й том дополненного издания Полного собрания сочинений Ким Ир Сена] // ЦТАК. 13.04.2017; 《김일성전집》 증보판 제30권 출판 [Выпущен 30-й том дополненного издания Полного собрания сочинений Ким Ир Сена] // Нодон синмун. 13.06.2024.

полном объёме¹. Как следствие, проблемы физического доступа вынуждают специалистов в РФ, нуждающихся в анализе текстов ПСС, полагаться преимущественно на возможности северокорейских торговых организаций. В свою очередь, данные организации действуют при опоре на инфраструктуру Китая и потому, начиная с 2023 г., подвержены не зависящим от них факторам недоступности РФ как места назначения почтовых отправок, что продолжает влиять на возможности самостоятельного накопления фонда.

Несмотря на серьёзность существующих проблем работы с первой редакцией ПСС, новая версия письменного наследия Ким Ир Сена едва ли удобна для исследований в своём текущем виде. Дополненное ПСС в настоящее время чрезвычайно труднодоступно за пределами КНДР как по причине логистических затруднений, так и в силу сознательного отказа ряда учреждений в зарубежных государствах, не исключая и соседей республики по региону (Япония), приобретать это издание. Специализированное государственное учреждение РК ведёт работу по сбору второй редакции ПСС, однако фонды, где размещена указанная коллекция, не являются общедоступными для граждан РК и зарубежных государств² и, как указано выше, не располагают некоторыми из выпущенных томов. Таким образом, первая редакция ПСС сохраняет своё значение как сравнительно более удобный инструмент исследований идеологии и политики официального Пхеньяна даже в условиях продолжающегося развития корпуса важнейших текстов.

Упомянутая выше невозможность ознакомления со всеми частями ПСС в пределах РФ налагает серьёзные ограничения на исследователей, занятых формированием исчерпывающего списка элементов кимирсеновского письменного наследия по внешнеполитическим вопросам. В этих обстоятельствах ориентирами могут выступать только названия (заголовки и подзаголовки) позиций, приведённых в каталоге.

Согласно каталогу, в состав ПСС включено 3737 трудов, в том числе 57 работ, традиционно относимых к периоду борьбы против японского правления (октябрь 1926 г. — начало августа 1945 г.), 3679 документов периода государственного строительства (конец августа 1945 г. — июль 1994 г.), а также авторизованная часть воспоминаний «В водовороте века» (тт. 1—6, первое корейское издание 1992—1995 гг.) [Каталог..., 2012; Центр...]. В свою очередь, в составе 3679 работ, призванных формировать в исторической памяти жителей КНДР образ Ким Ир Сена как руководителя государства, можно отметить по меньшей мере 882 труда (23,6 % объёма ПСС), которые свидетельствуют о связях основателя КНДР с зарубежными государствами, группами государств, международными движениями, совещаниями политических активистов, общественно-политическими объединениями, отдельными лицами, а также с южнокорейскими политическими деятелями и официальными структурами [Каталог..., 2012, с. 9—411]³.

¹ За информацию о ситуации в Японии благодарим аспиранта Токийского университета (Япония) В.В. Лебедева.

² За информацию о ситуации в Японии и РК благодарим аспиранта Токийского университета (Япония) В.В. Лебедева.

³ Далее — внешнеполитическая часть ПСС.

Перечень вышеупомянутых 882 позиций каталога служит отправной точкой моего анализа и был составлен с декабря 2021 г. по середину мая 2024 г. Все эти источники объединены в семь групп по приоритетности. В силу ограниченного объёма настоящей работы сведения о группах приведены в сжатом описании ниже¹. Среди них документы:

1) возникшие в результате контактов с *представителями отдельных государств* и связанных с ними органов, учреждений, движений;

2) возникшие в результате контактов с *межгосударственными организациями и движениями*;

3) возникшие в результате контактов с международными *общественно-политическими движениями*, деятельность которых соответствовала политике КНДР в определённые периоды;

4) возникшие в результате контактов с непостоянно действующими *организациями* и с отдельными *лицами*, деятельность которых соответствовала политике КНДР в определённые периоды, а *географическая привязка определяется однозначно* (страна, континент);

5) возникшие в результате контактов с непостоянно действующими *организациями*, деятельность которых соответствовала политике КНДР в определённые периоды, а *географическая привязка не определяется однозначно*;

6) возникшие в результате контактов с этническими корейцами, проживавшими *за пределами Корейского полуострова*;

7) возникшие в результате контактов с этническими корейцами, постоянно проживавшими *на Корейском полуострове*.

Подчёркнём, что в составе 7-й группы рассматриваются позиции, которые призваны отразить контакты Ким Ир Сена с должностными лицами, политическими активистами, действовавшими на территории Корейского полуострова и участвовавшими в выработке линии Севера относительно Юга и/или государств мира. Сюда, как правило, относятся документы из истории:

- межкорейских отношений;
- народного хозяйства КНДР в части выработки руководящих установок во внешнеэкономической работе и развития соответствующей инфраструктуры;
- дипломатической службы;
- культурных мероприятий, имеющих целью демонстрацию отношения северокорейского руководства к государствам, недвусмысленно указанным в названии документа.

Поскольку нами отбирались позиции, которые остаются репрезентативными при сопоставлении упоминаний о работах внешнеполитической части ПСС с описаниями деятельности Ким Ир Сена в иных публикациях, то, соответственно, в качестве трудов, имеющих отношение к указанной части, не рассматривались:

- работы, где отражены контакты с представителями северокорейских властей по направлениям, отличным от четырёх перечисленных выше;

¹ Дискуссию о критериях отбора позиций внешнеполитической части ПСС я полагаю делом ближайшего будущего.

- работы, в названиях которых упоминаются противники КНДР в Корейской войне 1950—1953 гг.

В начале XXI в., в том числе и в апреле 2011 г., когда на корейском языке была выпущена обновлённая биография Ким Ир Сена, наиболее общие представления о противниках КНДР в войне, содержащиеся в высокостатусных элементах дискурса по новейшей истории государства, оставались неизменными: главным противником выступали США, тогда как Южная Корея (которая переходила к активным действиям только после указаний американского руководства) и Япония играли вспомогательные роли; всего же в боевых действиях участвовали войска США и 15 государств-сателлитов [Kim Il Sung Condensed..., 2001, p. 166—188; History of Revolutionary Activities of President..., 2012, p. 234—272]. Соответственно, анализ упоминаний трудов военного времени, в названиях которых фигурируют США (шесть позиций), Япония (одна позиция) и иностранные военнопленные из лагеря Чунганжин (одна позиция), не придал бы моей статье существенной научной новизны. Однако для других исследований может быть важным, что в тт. 12—15 ПСС (изданы в период с мая 1995 г. по октябрь 1996 г.) опубликовано 314 работ, относимых к периоду с 25 июня 1950 г. по 27 июля 1953 г., причём в названиях 16 позиций из этого множества обозначены союзники и зарубежные сторонники КНДР, а в названиях ещё восьми — противники республики, указанные выше [Каталог..., 2012, с. 91—125; Центр...].

Аналогично в апреле 2011 г. издательство Академии общественных наук КНДР выпустило работу «Великий вождь дела самостоятельности товарищ Ким Ир Сен» (т. 8), которую подготовили два профессора, доктора наук [Ким Хёк Мо, Ли Гван Сам, 2011]. Это часть 10-томного издания, выпущенного официально к столетию со дня рождения вождя, но за год до юбилея — с января по апрель 2011 г. Издание в целом повествует о «бессмертных заслугах великого вождя при проторении нового пути реализации дела самостоятельности и победного продвижения этого дела» [Каталог продукции..., 2022]. Читателю представлено теоретическое описание «дела самостоятельности» (т. 1); попытка взаимоувязки «дела самостоятельности» и политики *сонгун* при жизни Ким Ир Сена (т. 2); описание в парадигме «эпохи/дела самостоятельности» вопросов организации политических сил и общества в целом (тт. 3, 4) и преобразований в обществе до и во время строительства социализма (тт. 5, 6); описание вклада вождя в самостоятельное, мирное объединение Родины (т. 7); «дело самостоятельности человечества» (т. 8) и разрешение вопроса о «преемственности дела самостоятельности» (т. 9), а также очерк качеств Кима как «великого революционера и великого человека» (т. 10) [Ким Хёк Мо, Ли Гван Сам, 2011, с. 7].

Существование подобных работ, а в особенности тт. 1, 2, 7, 8, позволяет принять в качестве объекта исследования создаваемую в КНДР историографию истории внешней политики республики. При учёте того, что авторы т. 8 описывают отношения Ким Ир Сена с государствами вне Корейского полуострова, допустимо понимать критические подходы к официальной версии истории внешней политики КНДР как предмет исследования.

Начальный раздел книги двух профессоров наследует советским теоретическим обобщениям середины XX в. в части, описывающей международные отно-

шения после Второй мировой войны как борьбу лагеря сил демократии против лагеря реакции, движущей силой которого, в свою очередь, выступает монополистический капитал. Явно по советскому образцу авторы отмечают, что после войны социализм стал мировой системой, однако при этом центральным понятием субъекта дела самостоятельности выступают «мировые антиимпериалистические самостоятельные силы», которые становятся субъектом борьбы за самостоятельность в масштабах всего мира и включают в себя силы социализма, мировое социалистическое движение, национально-освободительное движение в колониях, Движение неприсоединения (ДН) и антивоенное, антиядерное движение за мир. Авторы книги указывают, что данные «оригинальные идеи о складывании субъекта борьбы за самостоятельность в масштабах всего мира путём тесного сплочения всех этих (см. выше. — *Е.Л.*) сил» исходили от Ким Ир Сена. Особо показана поддержка вождя силам социализма и первым трём движениям [Ким Хёк Мо, Ли Гван Сам, 2011, с. 8—132]. Во втором разделе кратко описана история распространения влияния западного военно-политического лагеря, включающую важные для советского дискурса второй половины 1940-х — начала 1950-х годов сюжеты превращения Греции и Турции в плацдармы США, формирования агрессивных военных блоков прозападной ориентации и финансовых вливаний в целях расширения сферы влияния последних. Особо обозначено место Корейской войны как «первой победы в антиимпериалистическом, антиамериканском противостоянии» [Ким Хёк Мо, Ли Гван Сам, 2011, с. 133—186]. В третьем разделе говорится о поддержке корейских партизан и впоследствии — северокорейского государства дружественным силам, которые уже добились создания своих государств (СССР, Вьетнам, Куба) или были на пути к этому (Китай и ряд иных стран Азии, Африка, Латинская Америка). Имеется в виду та помощь, что, как показано авторами книги, оказывалась корейской стороной её партнёрам [Ким Хёк Мо, Ли Гван Сам, 2011, с. 187—282].

Следует помнить, что возможность однозначно распознать (с позиции современного наблюдателя) свидетельства связей Ким Ир Сена с различными государствами, группами государств, организациями и лицами, включая этнических корейцев, при помощи каталога ПСС имеется не во всех случаях. Наблюдается несогласованность редакторов в подходах к репрезентации участников общения с вождём, даже если определённое множество людей объединено видом и предполагаемым временем создания документов, отражающих связи данных лиц с северокорейским лидером.

Рассмотрим для примера ряд корейских политических и военных деятелей второй половины 1940-х — начала 1950-х годов, представленных в ПСС как участников бесед с вождём. Беседы были опубликованы в томах издания 1992—1995 гг., и редакторы этих томов в некоторых случаях сообщали в названиях соответствующих позиций исключительно имена собеседников (Кан Рян Ук, Ким Гу, Лим Чхун Чху, Пак Дар и др.), хотя о высоком формальном или же моральном статусе этих лиц, равно как и о положительном отношении Ким Ир Сена к ним, северокорейская историография утверждает по меньшей мере с конца 1970-х годов. Напротив, для отдельных лиц того же ряда редакторы сочли необ-

ходимым указать как на имя, так и на род занятий: таков, к примеру, Рё Ун Хён — председатель Корейской народной партии (*Чосон инминдан вивончжан*). Представляется, что в случае с Рё считалось важным привести дополнительные детали, поскольку председатель партии упоминается в названиях других работ из ПСС [Каталог..., 2012, с. 18—90, 398; Центр...]; в то же время составляющие названия партии обладают устойчивым политическим значением для северокорейского строя, при этом сама *Чосон инминдан* явно не относилась к ведущим политическим организациям Северной Кореи того периода.

Небезынтересны и случаи бесед Ким Ир Сена с руководителем Корейской демократической партии (*Чосон минчжудан тансу*) 25 января 1946 г. и председателем Партии трудового народа (*Кылло инминдан вивончжан*) 27 мая 1950 г., чьи имена в названиях бесед по ПСС не приведены [Каталог..., 2012, с. 19, 90]. Две эти политические силы, как и *Чосон инминдан*, невозможно отнести к наиболее влиятельным в Северной Корее, однако описания свидетельств о встречах Ким Ир Сена с лидерами данных партий выполнялись уже по иному образцу, нежели в случае с Рё Ун Хёном.

Полное совпадение названия партии и должности собеседника из *Чосон минчжудан* в периодической печати (1946) и в т. 3 ПСС (1992) указывает, что им был Чо Ман Сик¹ [Каталог..., 2012, с. 19; Центр...]. При учёте свидетельств, оставленных представителями внешнеполитического аппарата США в Корее, которые отнесли задержание Чо Ман Сика к одному из дней в период с 6 по 15 января 1946 г. [Benninghoff, 1971], ясно, что беседа Кима и Чо состоялась не более чем через 19 дней после ареста последнего советской военной администрацией. Как известно, несостоявшийся руководитель правых сил севера Кореи погиб или был казнён в ходе отступления северокорейских войск осенью 1950 г.

Личность второго собеседника установить сложнее, однако в издании Института национальной истории РК «Синпхён Хангукса» («История Кореи» [в новой редакции], 1993—2002) отмечается, что после кризиса внутри *Кылло инминдан*, наступившего вслед за убийством её лидера Рё Ун Хёна 19 июля 1947 г., в качестве её председателя (*вивончжан*) и представителя на межпартийных совещаниях выступал Ли Ён [Пак Тхэ Гюн, 2002, с. 167]. Отношение к Ли в КНДР оставалось вполне комплиментарным: так, ему воздали почести непосредственно после смерти в 1960 г. [Ли Ён].

Известны случаи, когда имя опускалось и указывался только род занятий, хотя при текущем уровне знаний это не всегда возможно объяснить в рамках политической борьбы. Так, глава республики обращался к Ли Бён Наму, министру здравоохранения в 1948—1960 гг.², не менее пяти раз, но имя руководителя

¹ 行方不明云謂되는 曹晩植氏 保安局에 前宣教師 집에 拘禁 [Департамент безопасности удерживает господин Чо Ман Сика, местонахождение которого, по слухам, неизвестно, в бывшем доме миссионера] // Тонъя ильбо. 18.03.1946.

² В южнокорейских исследованиях упоминается, что в мае 1959 г. министром стал Чхве Чхан Сок, несмотря на то что Ли официально продолжал занимать данный пост до июня 1960 г. [Пак Юн Чжэ, Пак Хён У, с. 62]. Вероятно, в данный период Ли фактически не исполнял обязанности министра.

ведомства выносятся в название работы лишь однажды (указания от 15 января 1949 г.). Как следствие, Ли заметно уступает ряду других членов правительства — заместителей председателя Кабинета министров (преьера Административного совета), руководителей департаментов Кабинета министров, председателей Государственного планового комитета, министров и их заместителей — по частоте поимённых упоминаний в годы пребывания Ким Ир Сена у власти [Каталог..., 2012, с. 63—411; Пак Юн Чжэ, Пак Хён У, 1998, с. 62]. Усомниться в благонадёжности этого человека, однако, невозможно: Ли Бён Нам уже давно располагал официальным допуском предать гласности свидетельство о своей службе¹, где упоминаются и его вступление в должность в сентябре 1948 г., и наставления вождя о развитии здравоохранения месяцем ранее [Ли Бён Нам, 2011].

Почему первый министр здравоохранения остался не названным по имени при наиболее раннем упоминании в ПСС (беседа от 9 октября 1948 г.), остаётся на данный момент неясным. Во всяком случае, Ли не является фигурой, которую в северокорейских описаниях истории от основания КНДР до конца марта 1953 г., т. е. начала преследования «внутренней фракции» в руководстве республики, намеренно исключали бы из рассмотрения, в отличие от министров внутренних дел (Пак Ир У), иностранных дел (Пак Хон Ён), финансов (Чхве Чхан Ик), также имевших зафиксированные в ПСС контакты с вождём в то время, но репрессированных в 1953—1957 гг. [Каталог..., 2012, с. 65, 76, 92, 93, 98; Ким Сон Бо, 2002, с. 464; Ланьков, 2009, с. 32, 65, 248]

Из приведённых выше примеров ясно, что у корейских визави Ким Ир Сена, чьи имена были опущены редакторами ПСС, могли складываться радикально противоположные судьбы, и потому отсутствие имени в названии той или иной беседы Кима с корейскими политическими деятелями не может, например, однозначно свидетельствовать о репрессиях в отношении адресатов. Схожим образом, отсутствие указаний на имена зарубежных участников общения с первым лидером КНДР не является признаком специфически негативного отношения. Руководители государств, влиятельные деятели международных движений и национальных политических сил в большинстве случаев оставались не указанными в названиях трудов, хотя отсылки в текстах таких трудов делались в адрес конкретных лиц. Исключениями являются преимущественно фигуры, чей вклад в развитие связей с КНДР устойчиво признаётся корейской стороной на протяжении длительного времени (Нородом Сианук, И.Б. Тито), либо чьи заслуги известны в мировом масштабе (В.И. Ленин, И.В. Сталин, Г. Димитров, Мао Цзэдун и др.), либо чья деятельность вписывается в необходимый идеологический контекст (Носака Санджо², А.-Л. Стронг, У. Бэрчетт и др.).

¹ Воспоминания опубликованы в октябре 2011 г., датированы февралём 1976 г. и сопровождаются стандартным указанием: «Текст автора воспоминаний подвергался последующей редакции» [Ли Бён Нам, 2001, с. 125].

² По информации В.В. Лебедева, в воспоминаниях Носака Санджо нет указаний, прямо или косвенно подтверждающих факт общения Носака и Кима 21 декабря 1945 г., заявленный в ПСС [Каталог..., 2012, с. 17].

Данные для анализа

По данным ПСС, Ким Ир Сен имел контакты с представителями не менее чем 102 различных государств и не менее чем шести различных межгосударственных организаций, при этом зафиксировано 10 или более контактов (включая намеренные упоминания) с 12 государствами, одним межгосударственным движением и одной общественной организацией. Данные о контактах, для которых сохраняется минимальная вероятность ошибки распознавания, позволяют скорректировать известную из ПСС последовательность наиболее частых участников коммуникации с основателем КНДР (табл. 1¹).

Таблица 1. Данные о количестве контактов Ким Ир Сена с представителями иностранных государств, организаций, если в первой редакции ПСС содержится не менее 10 свидетельств таких контактов

Государства, организации	Ранее известные контакты	Вновь указанные контакты	Корректированный список участников коммуникации (количество контактов)
Чхонрён	144	<i>Нет</i>	Чхонрён (144)
Япония	66	1	Япония (67)
Китай	28	8	Китай (36)
США	26	<i>Нет</i>	СССР (29)
СССР	25	4	США (26)
Югославия	17	<i>Нет</i>	ДН (21)
ДН	15	6	Куба (17)
Индия	14	1	Югославия (17)
Куба	13	4	Индия (15)
Перу	12	<i>Нет</i>	Египет (14)
Франция	12	<i>Нет</i>	Перу (12)
Египет	11	3	Танзания (12)
Румыния	11	<i>Нет</i>	Франция (12)
Танзания	10	2	Румыния (11)

¹ Общие примечания к табл. 1—9:

1) прямым шрифтом приведены сведения по [Каталог..., 2012, с. 9—411], *курсивом* — из работы [Ким Хёк Мо, Ли Гван Сам, 2011] (все табл.), **полужирным** — суммарные данные о количестве контактов (табл. 1, 2) либо сведения, упоминаемые в обоих источниках без существенных расхождений (табл. 3—9);

2) вновь указанными контактами считаются контакты, не поддающиеся однозначному соотнесению с данными каталога ПСС;

3) приведены только те позиции, названия и описание которых в источниках содержат однозначные указания на государства, для которых известны вновь описанные эпизоды, либо, на мой взгляд, будут восприниматься жителями КНДР, обладающими базовыми знаниями об истории XX в., как связанные с приведёнными государствами.

Также при сравнении каталога ПСС и комментария обнаружены сообщения о событиях внешнеполитической деятельности КНДР, не отражённых в собрании сочинений 1992—2012 гг. и имеющих отношение к менее популярным государствам. Вновь выявлено от одного до семи эпизодов, которые, на мой взгляд, могли бы найти отражение в составе ПСС при намерении официального Пхеньяна на тот момент более интенсивно описывать историю связей с зарубежьем за рамками известных шагов публичной дипломатии (табл. 2).

Таблица 2. Данные о контактах Ким Ир Сена с представителями иностранных государств, организаций, дополняющие сведения о контактах с государствами и организациями, если в первой редакции ПСС содержится менее 10 свидетельств таких контактов

Государства, организации	Ранее известные контакты	Вновь указанные контакты	Корректированный список участников коммуникации (количество контактов)
Сирия	8	2	Алжир (12)
Камбоджа	6	3	Вьетнам (12)
Португалия	6	1	Сирия (10)
Алжир	5	7	Камбоджа (9)
Вьетнам	5	7	Португалия (7)
Мозамбик	5	1	Зимбабве (6)
СВАПО / Намибия	4	1	Мозамбик (6)
Палестина	3	2	Палестина (5)
Ирландия	2	1	СВАПО / Намибия (5)
Мали	2	1	Ирландия (3)
Никарагуа	2	1	Мали (3)
Буркина-Фасо	1	1	Никарагуа (3)
Зимбабве	1	5	Чили (3)
Чили	1	2	Буркина-Фасо (2)

Если рассмотреть историю двусторонних отношений КНДР с государствами, включая важнейших партнёров — СССР и КНР, и движениями из табл. 1 и 2, для которых известны вновь указанные контакты, возникает следующая картина (табл. 3—9).

Таблица 3. Контакты Ким Ир Сена с Советским Союзом

Месяц и год события	Описание события
Ноябрь 1945	Беседа с работниками, присутствовавшими на художественном выступлении по случаю 28-й годовщины Октябрьской революции
Ноябрь 1945	Поздравление в адрес Общества культурной связи с Советским Союзом по случаю его основания

Продолжение табл. 3

Месяц и год события	Описание события
Январь 1946	Лекция об итогах Московского совещания министров иностранных дел
Июль 1946	Поздравление в адрес журнала «Чо-Ссо мунхва» по случаю его основания
Январь 1947	Заключительная речь о работе Крестьянского союза и Общества культурной связи с Советским Союзом
Май 1947	Речь о вопросах деятельности Советско-американской комиссии по Корее
<i>Февраль—апрель 1949</i>	<i>Визит в Москву, переговоры с руководителями ВКП(б) и Советского правительства</i>
Март 1949	Беседа с корейскими студентами в Москве
Май 1949	Беседа с культурной делегацией
Май 1950	Беседа с корейскими работниками культуры на выставке, организованной деятелями искусств КНДР, посетившими СССР
Июль 1950	Письмо корейским студентам в СССР
Февраль 1954	Речь на Президиуме ЦК ТПК о мероприятиях в память И.В. Сталина
Апрель 1955	Статья в газете по случаю 85-й годовщины со дня рождения В.И. Ленина ¹
Июль 1956	Ответы на вопросы представителей СМИ
Октябрь 1957	Статья в газете по случаю 40-й годовщины Октябрьской революции
Ноябрь 1957	Статья в советском журнале «Международная жизнь»
<i>Середина 1960-х (?)</i>	<i>Приёмы Председателя Совета Министров СССР, секретаря ЦК КПСС, членов руководства КПСС</i>
<i>Лето 1965</i>	<i>Беседа с советским послом</i>
Апрель 1970	Статья в органе ЦК КПСС — газете «Правда» по случаю столетия со дня рождения В.И. Ленина
Март 1984	Беседа с представителями СМИ
Май 1984	Речь на приёме в Верховном Совете СССР
Июль 1984	Беседа с Я.Т. Новиченко
Август 1985	Беседа с делегациями Новосибирской области, Приморского края и г. Хабаровска
<i>Октябрь 1986</i>	<i>Визит в Москву</i>

¹ Для КНДР весьма характерно опускать названия изданий, где выходили работы вождей, и оформление указания на источник по образцу приведённого в табл. 3 описание статьи Ким Ир Сена в «Правде» от 16 апреля 1970 г. [Каталог..., 2012, с. 221] фактически является исключением. Названные в таблице работы публиковались, как правило, в «Правде».

Месяц и год события	Описание события
Февраль 1987	Ответы на вопросы представителей СМИ
Июль 1988	Ответы на вопросы представителей СМИ
Август 1990	Беседа с общественным деятелем и сопровождающими его лицами
Апрель 1991	Беседа с представителями корейской диаспоры

Четыре из шести упоминаемых в комментарии контактов (67 %) в ПСС не указаны.

Таблица 4. Контакты Ким Ир Сена с государствами Европы, Центральной и Южной Америки

Название государства	Месяц и год события	Описание события
Куба	Январь 1962	Письмо в адрес представителей СМИ
	<i>Октябрь (?) 1962</i>	<i>Распоряжение персоналу посольства КНДР о готовности к вооружённой обороне Кубы</i>
	Март 1963	Беседа с делегацией Национального комитета Коммунистического союза молодёжи
	Июль 1965	Ответы на вопросы представителей СМИ
	1966	<i>Указание дипломатическому работнику КНДР о готовности к вооружённой обороне Кубы</i>
	<i>Октябрь 1966</i>	<i>Приём партийно-правительственной делегации</i>
	Декабрь 1973	Беседа с делегацией Коммунистической партии
	Апрель 1979	Беседа с представителем председателя Госсовета
	<i>Не ранее июля 1983</i>	<i>Распоряжения по отправке военной помощи</i>
	Июнь 1985	Ответы на вопросы представителей СМИ (агентство) ¹
	Июнь 1985	Ответы на вопросы представителей СМИ (газета «Гранма»)
	Март 1986	Речь на приёме в честь визита партийно-правительственной делегации
	Февраль 1987	Ответы на вопросы представителей СМИ
	Май 1987	Беседа с работником ЦК Коммунистической партии
	Октябрь 1988	Беседа с председателем Комитета по охране окружающей среды
	Апрель 1994	Ответы на вопросы представителей СМИ
Июнь 1994	Беседа с общественным деятелем	

¹ Хотя в оригинале название источника указано как «Ответы на вопросы директора национального новостного агентства Кубы» 쿠바국제통신사 사장이 제기한 질문에 대한 대답 [Каталог..., 2012, с. 358], не вызывает сомнений, что имелось в виду агентство «Пренса Латина».

Окончание табл. 4

Название государства	Месяц и год события	Описание события
Чили	<i>Февраль 1972</i>	<i>Приём крупного деятеля проправительственных сил</i>
	Июнь 1972	Ответы на вопросы представителей СМИ
	<i>Июль 1974</i>	<i>Приём генерального секретаря Социалистической партии</i>
Португалия	Июнь 1972	Беседа с делегацией Коммунистической партии
	Ноябрь 1977	Беседа с делегацией Социалистической партии
	Июль 1981	Беседа с бывшим президентом
	Июль 1983	Беседа с бывшим премьером
	Январь 1985	Беседа с делегацией Коммунистической партии
	Май 1985	Беседа с бывшим президентом
	<i>Июль 1991</i>	<i>Приём генерального секретаря Коммунистической партии</i>
Никарагуа	Март 1983	Беседа с членом Национального командования Сандинистского фронта национального освобождения и Правительственной хунты национальной реконструкции
	<i>Апрель 1984</i>	<i>Приём военной делегации</i>
	Сентябрь 1986	Речь на приёме в честь визита партийно-правительственной делегации
Ирландия	Сентябрь 1984	Беседа с делегацией Рабочей партии
	Июль 1988	Беседа с генеральным секретарём Рабочей партии
	<i>Не ранее 1992</i>	<i>Беседа с председателем Национального исполкома Рабочей партии</i>

Девять из 13 упоминаемых в комментарии контактов (69 %) в ПСС не указаны.

Таблица 5. Контакты Ким Ир Сена, направленные на выстраивание отношений с представителями китайского культурного ареала (до 1 октября 1949 г.) и КНР

Месяц и год события	Описание события
Сентябрь 1945	Беседа с деятелями Корейской Народно-Революционной Армии, направляемыми на северо-восток Китая
<i>Ноябрь 1945</i>	<i>Визит в г. Даньдун</i>
<i>Весна 1946</i>	<i>Участие в выработке планов обороны освобождённых районов Восточной Маньчжурии</i>
<i>Март 1946</i>	<i>Участие в выработке планов подготовки к первой битве за освобождение Чанчуня</i>
Сентябрь 1947	Беседа с делегацией северокорейских хуацяо ¹
<i>Лето—осень 1948</i>	<i>Участие в выработке планов подготовки ко второй битве за освобождение Чанчуня</i>

¹ Хуацяо — лица китайского происхождения, постоянно проживающие за пределами Китая.

Месяц и год события	Описание события
Октябрь 1949	Телеграмма Мао Цзэдуну
Октябрь 1950	Беседа с командующим китайских народных добровольцев (КНД)
Январь 1951	Поздравительная телеграмма в адрес КНД
Январь 1951	Речь в адрес командиров и политработников сводных подразделений Корейской Народной Армии и КНД
Февраль 1951	Ответы на вопросы представителей СМИ
Апрель 1952	Беседа с культурной делегацией
Октябрь 1952	Статья в газете по случаю двухлетия прибытия КНД в Корею
Март 1958	Речь в адрес КНД
Сентябрь 1959	Статья в газете по случаю 10-летия образования КНР
<i>Апрель 1970</i>	<i>Приём премьер-министра Госсовета Чжоу Эньлая</i>
Апрель 1975	Речь на приёме в ЦК КПК и Госсовете КНР
Декабрь 1976	Беседа с делегацией работников КПК
Октябрь 1977	Беседа с делегацией официальных организаций
Май 1979	Речь на приёме в честь визита члена Политбюро ЦК КПК, заместителя председателя Постоянного комитета ВСНП Дэн Инчао
Октябрь 1979	Беседа с делегацией работников КПК
Апрель 1981	Ответы на вопросы представителей СМИ
Сентябрь 1982	Речь на массовом митинге по случаю визита в КНР
Май 1984	Речь на массовом митинге в честь визита генерального секретаря ЦК КПК
<i>Ноябрь 1984</i>	<i>Визит в КНР</i>
Апрель 1985	Беседа с родственниками Чжан Вэйхуа
Май 1985	Беседа с генеральным секретарём ЦК КПК
Март 1986	Беседа с делегацией представителей СМИ
Октябрь 1986	Речь на приёме в честь визита председателя КНР
Май 1987	Речь на приёме в честь визита и.о. генерального секретаря ЦК КПК и председателя КНР
Сентябрь 1987	Беседа с делегацией Всекитайского комитета НПКСК
Март 1990	Речь на приёме в честь визита генерального секретаря ЦК КПК
<i>Сентябрь 1990</i>	<i>Визит в КНР</i>
Апрель 1991	Беседа с представителями корейской диаспоры
<i>Октябрь 1991</i>	<i>Визит в КНР</i>
Май 1994	Беседа с лицом, связанным с антияпонской революцией в Китае

Восемь из 13 упоминаемых в комментарии контактов (62 %) в ПСС не указаны.

Таблица 6. Контакты Ким Ир Сена с иными государствами Азии

Название государства	Месяц и год события	Описание события
Индия	Октябрь 1955	Ответы на вопросы представителей СМИ
	Июнь 1956	Ответы на вопросы представителей СМИ
	Октябрь 1974	Беседа с парламентской делегацией
	Август 1975	Ответы на вопросы представителей СМИ
	Апрель 1977	Беседа с представителями СМИ
	Сентябрь 1979	Беседа с делегацией общества солидарности¹
	Июнь 1981	Беседа с делегацией общества солидарности
	Октябрь 1981	Беседа с делегацией учёных
	Ноябрь 1981	Беседа с представителями СМИ
	Июнь 1982	Ответы на вопросы представителей СМИ
	Июнь 1983	Беседа с делегацией учёных
	Сентябрь 1984	Беседа с парламентской делегацией
	Июнь 1985	Телеграмма по случаю первой годовщины памяти Индиры Ганди
	Сентябрь 1985	Речь на приёме в честь визита делегации Коммунистической партии
	<i>Не ранее 1992</i>	<i>Беседа с членом Политбюро Коммунистической партии (марксистской)</i>
Вьетнам	<i>Июль 1957</i>	<i>Приём президента Хо Ши Мина</i>
	<i>Октябрь 1964</i>	<i>Распоряжение о военной помощи южновьетнамским силам</i>
	<i>Ноябрь 1964</i>	<i>Визит во Вьетнам</i>
	<i>Май 1965</i>	<i>Обсуждение ряда мер военной помощи Вьетнаму</i>
	<i>Январь 1966</i>	<i>Участие в заключении соглашения о военной помощи Вьетнаму</i>
	Октябрь 1966	Беседа с военными КНДР, направленными в помощь Вьетнаму
	Февраль 1967	Беседа с вьетнамскими студентами, обучающимися в КНДР
	Май 1967	Поздравление военным КНДР, направленным в помощь Вьетнаму
	<i>Август 1967</i>	<i>Участие в заключении соглашения о военной помощи Вьетнаму</i>
	<i>Октябрь 1969</i>	<i>Награждение членов делегации южновьетнамских «молодых героев и истребителей янки»</i>
	Август 1971	Беседа с делегацией посетителей ²
	Сентябрь 1988	Речь на церемонии вручения государственной награды СРВ

¹ Я предлагаю объединять данной формулой все организации, которые рассматривают своей целью ведение пропагандистской и иной работы, соответствующей политическому курсу КНДР.

² См. название в оригинале: 월남지방견학단일행과 한 답화 [Каталог..., 2012, с. 227].

Название государства	Месяц и год события	Описание события
Камбоджа	Июль 1967	Беседа с парламентской делегацией
	Август 1968	Беседа с парламентской делегацией
	<i>Июнь 1970</i>	<i>Приём принца Нородома Сианука</i>
	Август 1971	Речь на массовом митинге в честь визита главы государства, председателя Национального единого фронта принца Нородома Сианука
	Ноябрь 1982	Речь на приёме в честь визита «президента Демократической Камбоджи» принца Нородома Сианука
	Июнь 1988	Беседа с «президентом Демократической Камбоджи»
	<i>Июнь 1990</i>	<i>Приём Нородома Сианука</i>
	Июнь 1991	Беседа с президентом Камбоджи
	<i>Март 1994</i>	<i>Приём военной делегации</i>
Сирия	<i>Октябрь 1973</i>	Телеграмма президенту
	Октябрь 1973	Беседа с военными лётчиками КНДР, направленными в помощь Сирии
	Сентябрь 1974	Беседа с президентом
	Октябрь 1974	Речь на приёме в честь визита партийно-правительственной делегации
	<i>Январь 1975</i>	<i>Приём военной делегации</i>
	Май 1975	Беседа с делегацией партии Баас
	Ноябрь 1975	Беседа с делегацией партии Баас
	Апрель 1977	Беседа с делегацией дружбы
	Июнь 1977	Беседа с делегацией общественных деятелей
	Ноябрь 1982	Ответы на вопросы представителей СМИ
Палестина	Июль 1977	Беседа с делегацией Организации освобождения Палестины (ООП)
	<i>Декабрь 1979</i>	<i>Приём делегации Народного фронта освобождения Палестины</i>
	Май 1984	Речь на приёме в честь визита председателя Исполкома ООП
	Июнь 1989	Беседа с президентом Государства Палестина
	<i>Май 1990</i>	<i>Приём Я. Арафата</i>

15 из 20 упоминаемых в комментарии контактов (75 %) в ПСС не указаны.

Ввиду многочисленности контактов Ким Ир Сена с подданными императора Японии и незначительности количества вновь упоминаемых в работе Ким Хёк Мо и Ли Гван Сама эпизодов такого рода приводится только перечень контактов вождя с деятелями политических партий (табл. 7).

Таблица 7. Контакты Ким Ир Сена с представителями политических партий Японии

Месяц и год события	Описание события
Декабрь 1945	Беседа с делегацией, включающей Носака Санджо от Коммунистической партии и сопровождающих его лиц
Сентябрь 1963	Беседа с делегацией депутатов национального парламента от Социалистической партии
Июнь 1972	Беседа с делегацией Комэйто
Июль 1975	Беседа с делегацией членов комиссии по корейским вопросам Социалистической партии
Июль 1975	Беседа с делегацией депутатов-добровольцев от Либерально-демократической партии
Июнь 1976	Беседа с делегацией молодёжных деятелей Социалистической партии
Май 1979	Беседа с депутатом Палаты советников от Либерально-демократической партии
Сентябрь 1980	Беседа с делегацией членов комиссии по корейским вопросам Социалистической партии
Март 1981	Беседа с председателем Центрального исполкома Социалистической партии
<i>Март 1981</i>	<i>Беседа с делегацией депутатов-добровольцев от Либерально-демократической партии</i>
Сентябрь 1984	Речь на приёме в честь визита делегации Социалистической партии
Сентябрь 1984	Беседа с делегацией Социалистической партии
Май 1985	Беседа с генеральным секретарём Центрального исполкома Социалистической партии
Июль 1987	Беседа с делегацией дружбы Социалистической партии и сопровождающими её лицами
Сентябрь 1987	Беседа с делегацией Социалистической партии

Один из четырех упоминаемых в комментарии контактов (25 %) в ПСС не указан. Также в одном из этих случаев сообщены прежде не известные данные.

Таблица 8. Контакты Ким Ир Сена с государствами Африки

Название государства	Месяц и год события	Описание события
СВАПО / Намибия	<i>Начало 1960-х</i>	<i>Приём председателя Народной организации Юго-Западной Африки (СВАПО) Сэма Нуйомы</i>
	Ноябрь 1975	Беседа с делегацией СВАПО
	Март 1985	Речь на приёме в честь визита делегации СВАПО
	Июнь 1986	Речь на приёме в честь визита делегации СВАПО при участии Сэма Нуйомы
	Сентябрь 1992	Беседа с президентом Сэмом Нуйомой

Название государства	Месяц и год события	Описание события
Мали	<i>Сентябрь 1963</i>	<i>Приём правительственной делегации</i>
	Июнь 1986	Беседа с президентом
	Декабрь 1992	Беседа с президентом
Египет	Сентябрь 1965	Ответы на вопросы представителей СМИ
	Сентябрь 1966	Беседа с представителями СМИ
	Май 1967	Беседа с парламентской делегацией
	<i>Сентябрь 1968</i>	<i>Приём правительственной делегации</i>
	Июль 1969	Беседа с общественным деятелем
	<i>Апрель 1973</i>	<i>Приём военной делегации</i>
	Май 1973	Беседа с военными лётчиками КНДР, направленными в помощь Египту
	<i>Сентябрь 1973</i>	<i>Приём правительственной делегации</i>
	Ноябрь 1973	Письмо военным лётчикам КНДР, направленным в помощь Египту
	Май 1975	Беседа с политическим деятелем
	Сентябрь 1975	Беседа с парламентской делегацией
Танзания	Ноябрь 1965	Беседа с правительственной делегацией
	Июнь 1968	Беседа с президентом
	<i>Октябрь 1969</i>	<i>Приём делегации работников образования</i>
	Май 1972	Беседа с делегацией партийной школы
	Декабрь 1976	Беседа с правительственной делегацией
	Март 1981	Беседа с президентом
	Ноябрь 1981	Беседа с работниками из КНДР, направляемыми в командировку в сельскохозяйственные организации
	Октябрь 1982	Беседа с работниками из КНДР, направляемыми в командировку в сельскохозяйственные организации
	Декабрь 1984	Беседа с делегацией Революционной партии
	Март 1987	Беседа с президентом
	Апрель 1988	Беседа с делегацией Революционной партии
<i>Июнь 1991</i>	<i>Беседа с делегацией Революционной партии</i>	
Алжир	<i>Январь 1970</i>	<i>Выступление по поводу командирования военной делегации КНДР</i>
	<i>Февраль 1970</i>	<i>Приём главы военной делегации КНДР по вопросам командировки</i>
	<i>Май 1973</i>	<i>Приём военной делегации под руководством командующего военным округом</i>

Название государства	Месяц и год события	Описание события
	<i>Март 1974</i>	<i>Речь на приёме в честь визита правительственной делегации под руководством Хуари Бумедьена</i>
	Март 1974	Беседа с правительственной делегацией
	Март 1974	Речь на массовом митинге в честь визита главы Революционного совета, председателя правительства Алжирской Народной Демократической Республики Хуари Бумедьена
	<i>Не ранее марта 1974</i>	<i>Выступление по поводу направления военной делегации КНДР на 20-летие алжирской революции</i>
	<i>Сентябрь 1974</i>	<i>Приём военной делегации под руководством командующего военно-морскими силами</i>
	Май 1975	Речь на церемонии присвоения почётного звания в Университете Алжира
	Май 1975	Речь на массовом митинге в честь визита партийно-правительственной делегации в АНДР
	Май 1975	Ответы на вопросы представителей СМИ
Мозамбик	<i>Сентябрь 1971</i>	<i>Приём председателя Фронта освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО), главнокомандующего Освободительной армии Саморы Мойзеса Машела</i>
	Март 1975	Беседа с председателем ФРЕЛИМО
	Октябрь 1977	Беседа с партийно-правительственной делегацией
	Май 1978	Беседа с президентом
	Июль 1984	Беседа с президентом
	Май 1988	Речь на приёме в честь визита президента
Зимбабве	<i>Май 1978</i>	<i>Приём представителя Африканского национального союза Зимбабве (ЗАНУ) [Роберта] Мугабе</i>
	<i>Октябрь 1980</i>	<i>Приём главы правительства Мугабе</i>
	<i>Апрель 1982</i>	<i>Приём президента Канаана Банана</i>
	<i>Август 1985</i>	<i>Приём Мугабе</i>
	Январь 1987	Беседа с парламентской делегацией
	<i>Апрель 1991</i>	<i>Приём парламентской делегации</i>
Буркина-Фасо	<i>Сентябрь 1985</i>	<i>Беседа с президентом</i>
	Июнь 1986	Беседа с делегацией Комитетов защиты революции

20 из 26 упоминаемых в комментарии контактов (77 %) в ПСС не указаны.

Таблица 9. Контакты Ким Ир Сена, направленные на выстраивание отношений с представителями Движения неприсоединения

Месяц и год события	Описание события
Сентябрь 1974	Письмо председателю IV саммита глав государств и правительств
Декабрь 1975	Статья в журнале (Аргентина)
<i>Не позднее мая 1976</i>	<i>Инструкции по вопросам предстоящей деятельности делегации КНДР на V саммите глав государств</i>
<i>Июль 1978</i>	<i>Выступление на совместном совещании Политического Комитета ЦК ТПК и Центрального Народного Комитета (ЦНК) КНДР по вопросам предстоящей деятельности делегации КНДР на встрече министров иностранных дел</i>
Июль 1978	Поздравительная телеграмма встрече министров иностранных дел
<i>Июль 1979</i>	<i>Выступление на совместном совещании Политического Комитета ЦК ТПК и ЦНК КНДР по вопросам предстоящей деятельности делегации КНДР на VI саммите глав государств</i>
Август 1981	Речь на приёме в честь делегаций, участвующих в симпозиуме неприсоединившихся и других развивающихся стран по вопросам увеличения продовольственного и сельскохозяйственного производства
Август 1981	Речь на совещании министров сельского хозяйства стран Африки, участвующих в симпозиуме неприсоединившихся и других развивающихся стран по вопросам увеличения продовольственного и сельскохозяйственного производства
Март 1982	Беседа с председателем Координационного комитета Пула информационных агентств неприсоединившихся государств
Май 1982	Речь на приёме в честь делегатов VII заседания Координационного комитета Пула информационных агентств неприсоединившихся государств
<i>Не позднее марта 1983</i>	<i>«Ценные указания» на «важных совещаниях в нашей стране» по поводу работы с иностранными главами государств и делегациями в преддверии VII саммита глав государств и правительств</i>
Сентябрь 1983	Речь на приёме в честь министров, участвующих в I конференции министров образования и культуры неприсоединившихся и иных развивающихся стран
Сентябрь 1983	Речь в адрес министров, участвующих в I конференции министров образования и культуры неприсоединившихся и иных развивающихся стран
Сентябрь 1985	Поздравительная телеграмма встрече министров иностранных дел
Июнь 1986	Заключительная речь на совместном совещании Политбюро ЦК ТПК и ЦНК КНДР в преддверии VIII саммита глав государств и правительств
Июль 1986	Речь на приёме в честь участников II конференции министров и высокопоставленных работников неприсоединившихся и иных развивающихся стран в сфере спорта
Июнь 1987	Приветственная речь на чрезвычайной конференции неприсоединившихся стран по сотрудничеству «Юг—Юг» на уровне министров

Месяц и год события	Описание события
Сентябрь 1987	Поздравительное послание участникам 1-го Пхеньянского кинофестиваля неприсоединившихся и иных развивающихся стран
Сентябрь 1987	<i>Выступление в связи с семинаром участников 1-го Пхеньянского кинофестиваля неприсоединившихся и иных развивающихся стран</i>
Июнь 1989	<i>Выступление на совместном совещании Политбюро ЦК ТПК и ЦНК КНДР в преддверии IX саммита глав государств и правительств</i>
Июнь 1993	Речь на 4-й встрече министров в сфере информации неприсоединившихся стран

20 из 26 упоминаемых в комментарии контактов (77 %) в ПСС не указаны.

Некоторые факты, сообщаемые в работе Кима и Ли, говорят, что история двусторонних связей КНДР с некоторыми государствами и движениями является более длительной, нежели показано в ПСС. К сожалению, данных, которые приводят авторы, недостаточно для выводов о том, что Ким Ир Сен выступил в форме, позволяющей редакторам собраний сочинений считать тот или иной продукт мысли возможным для публикации документом. Таковы, к примеру, упоминания о фактах направления «многих военных делегаций» в Уганду в 1970-е годы. Указанные события случились заметно раньше межгосударственных контактов в 1987 г. и 1990 г., однако открытые упоминания о принятых вождём мерах для командирования военных отсутствуют, в противоположность аналогичным случаям с Вьетнамом и Алжиром [Ким Хёк Мо, Ли Гван Сам, 2011, с. 275; Каталог..., 2012, с. 373, 389]. Фактически иллюстративными, ценными лишь как элементы контекста являются упоминания о контактах лидера КНДР с Лаосом и Замбией: хотя приводятся имена руководителей государств и другие подробности, указать точное время контактов вождя с представителями данных государств без тщательной подготовки не представляется возможным [Ким Хёк Мо, Ли Гван Сам, 2011, с. 251, 272]. Ту же роль играет и упоминание Всемирного конгресса за мир (Хельсинки, июль 1965 г.): участие в нём делегации КНДР изображено скорее как событие эпохи, нежели как результат действий главы государства [Ким Хёк Мо, Ли Гван Сам, 2011, с. 167; Каталог..., 2012, с. 373, 389].

Результаты деятельности вождя без указания конкретных обстоятельств упоминаются в связи с изложением курса официального Пхеньяна даже в отношении такого значимого партнёра, как ДН. В сентябре 1991 г. и феврале—сентябре 1992 г. оно провело четыре совещания, на которые Ким Ир Сен отреагировал путём выражения «мыслей» о стратегии и тактике ДН, а также отдачи инструкций делегациям, направленным в «Сирию, Иран, Пакистан и другие важные государства-члены (ДН. — *Е.Л.*)» [Ким Хёк Мо, Ли Гван Сам, 2011, с. 125—126]. Тем не менее в первой редакции ПСС отсутствуют документы, которые могли бы возникнуть в ходе действий, описанных в комментарии 2011 г. [Каталог..., 2012, с. 396—397, 399—402].

Заключение

Все проявления внешнеполитической деятельности первого лидера КНДР, не имеющие прямых аналогов в ПСС и освещённые в исследовании Ким Хёк Мо и Ли Гван Сама, можно разделить на следующие группы.

1. *Контакты с политическими силами и государствами, нуждающимися в подготовке собственного вооружённого сопротивления.* Данная группа включает ряд стран Африки (Алжир, Буркина-Фасо, Зимбабве, Мали, Мозамбик, Намибия), а также Камбоджу, Никарагуа и Палестину. В таких случаях Ким Ир Сен предоставлял вооружение и иную материальную помощь, а также поддерживал обмен информацией о необходимых дальнейших шагах в сфере военного сотрудничества.

2. *Контакты с государствами, которым КНДР в дополнение к военным поставкам направляла контингенты кадровых военных* для непосредственного участия в боевых действиях (Египет, Вьетнам, Сирия) либо, как показывают Ким и Ли, была готова не к отправке войск, а к мобилизации своих граждан в стране пребывания для целей обороны последней (Куба).

3. *Контакты с государствами, которые воспринимаются в КНДР одновременно и как исторические соседи, и как идеологические партнёры* (СССР, Китай). Традиционно при описании сюжетов такого рода усиленно подчёркиваются мотивы интернационализма и равноправия в международных отношениях. В то же время некоторые элементы рассмотренной работы 2011 г., будучи взятыми отдельно от остальных, создавались, скорее, с целью скрыть особое значение связей КНДР с Китаем (избирательное освещение истории взаимных визитов в 1970—1980-е годы) или же продемонстрировать приверженность «чучхейскому» подходу к великим державам вообще (история о беседе с советским послом в 1965 г., где вождь подчеркнул недостаточность усилий Москвы по оказанию помощи Ханюю).

4. *Контакты с политическими силами, которые искали идеологический ориентир* в годы острого кризиса и распада социалистического лагеря (Индия, Ирландия, Португалия, Танзания).

5. *Контакты с политическими силами, отношение к которым со стороны официального Пхеньяна было благожелательным*, что не исключало стремления руководства ТПК обращать внимание партнёров на разногласия по вопросам внутренней политики в их странах (Чили, Япония).

Научный комментарий позволяет лицам, ранее знакомым с ПСС, в заметной степени расширить представления о внешнеполитической деятельности Ким Ир Сена за счёт двух важнейших приёмов изложения, применяемых авторами книги: *восполнения лакун в истории ранних контактов* КНДР с широким кругом государств и организаций, а вместе с тем *настойчивой демонстрации поддержания регулярных отношений* с деятелями и движениями, чья тактика коренным образом зависела от успешного ведения вооружённой борьбы.

Корейская сторона вполне естественным образом стремится доказать незыблемость своей линии на поддержку идеологических союзников, что свидетельствует о сохранении в общих чертах взглядов на «мировые антиимпериалистические самостоятельные силы», выразившихся Ким Ир Сенем. Вместе с тем комментарий 2011 г. даёт наглядную возможность оценить развитие представлений

высокостатусных деятелей науки КНДР о реальных факторах, влияющих на жизнь партнёров республики.

Если в годы выпуска первой редакции ПСС история внешней политики КНДР заметно концентрировалась на контактах с государственными структурами даже там, где десятилетиями сохранялось состояние конфликта, то в комментарии приводятся факты тесной связи военных событий и «обычных» процессов работы государства. Так, пхеньянские учёные обнаруживают понимание того, что официальная администрация Палестины всё же не могла заменить собой силы сопротивления, возглавляемые Я. Арафатом, или что революционеры Никарагуа оказались способны поддержать двусторонние отношения с КНДР в 1986 г., пользуясь военной помощью, оказанной им Пхеньяном двумя годами ранее.

В ряде случаев известные сюжеты о северокорейской военной помощи обретают более широкое фактологическое основание, охватывая зачастую и ранние, и относительно поздние этапы развития связей КНДР с иностранными государствами и движениями. Становятся возможными рассуждения о более глубокой, нежели обычно принято считать, вовлечённости КНДР в войны на различных континентах, а также о том, что амбиции Пхеньяна по овладению политическим лидерством среди стран «третьего мира» проявлялись ещё в середине 1960-х годов.

Представляется убедительным, что разработки северокорейских обществоведов начала 2010-х годов, имеющие отношение к истории внешней политики в годы руководства Ким Ир Сена, следует рассматривать как самоценный вклад в науку. Конечно, работа Ким Хёк Мо и Ли Гван Сама, будучи подготовленной и выпущенной в годы политики *сонгун*, следует правилам того времени, поскольку описания помощи вождя вооружённой борьбе в различных странах мира занимают в книге значительный объём. Тем не менее предсказуемость формы не может скрыть значимости сдвигов содержания, поскольку комментарий 2011 г.:

- делает более репрезентативным описание истории внешней политики КНДР, представленное в ПСС, фактически приближая его к общемировым научным стандартам изложения;
- неявно отражает устойчивость внешнеполитических стратегий КНДР, переживших целый ряд тактических политических построений, включая саму политику *сонгун*. В ряду таких стратегий следует назвать управляемое дистанцирование от великих держав и усиленное развитие отношений со странами глобального Юга — как методами вооружённой поддержки, так и мирными политическими средствами.

Библиографический список

Ланьков А.Н. Август, 1956 год: Кризис в Северной Корее. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. 350 с.

Benninghoff, H.M. The Political Adviser in Korea (Benninghoff) to the Secretary of State. Seoul, January 23, 1946 // Foreign Relations of the United States. 1946. The Far East. Vol. VIII / Ed. Reid J.G., Fine H.A., gen. ed. Gleason S.E. Washington: United States Government Printing Office, 1971. Pp. 615—616.

History of Revolutionary Activities of President Kim Il Sung. Pyongyang: Foreign Languages Publishing House, 2012. 490 p.

Kim Il Sung Condensed Biography. Pyongyang: Foreign Languages Publishing House, 2001. 334 p.

金聖甫. 조선민주주의인민공화국의 수립 [Kim Son Bo. Образование Корейской Народно-Демократической Республики] // (신편) 한국사 52 대한민국의 성립 [История Кореи (в новой редакции): т. 52: Основание Республики Корея]. Квачхон: Кука пхёнчхан вивонхва, 2002. С. 424—465. (На кор.).

김일성전집목록 [Каталог Полного собрания сочинений Ким Ир Сена]. Пхеньян: Чосон нодондан чхульпханса, 2012. 834 с. (На кор.).

김혁포, 리광삼. 자주위업의 위대한 수령 김일성동지 8 / 류경삼 편집 [Kim Hёk Mo, Li Gwan Sam. Великий вождь дела самостоятельности товарищ Ким Ир Сен: т. 8 / ред. Рю Гён Сам]. Пхеньян: Сахва кваках чхульпханса, 2011. 302 с. (На кор.).

리병남. 인민의 총복이 되라고 [Ли Бён Нам. Становясь верным слугой народа] // 인민들속에서 98 / 강윤실 외 편집 [В народе: вып. 98 / ред. Кан Юн Силь [и др.]]. Пхеньян: Чосон нодондан чхульпханса, 2011. С. 118—125. (На кор.).

박윤재, 박형우. 북한의 의학교육제도 연구 [Пак Юн Чжэ, Пак Хён У. Исследование системы медицинского образования в Северной Корее] // 醫史學, 1998, Т. 7. № 1. С. 61—74. (На кор.).

朴泰均. 좌익 정치세력의 노선과 활동 [Пак Тхэ Гюн. Линия и деятельность левых политических сил] // (신편) 한국사 52 대한민국의 성립 [История Кореи (в новой редакции): т. 52: Основание Республики Корея]. Квачхон: Кука пхёнчхан вивонхва, 2002. С. 145—177. (На кор.).

이영 (李英) [Ли Ён] // 한국민족문화대백과사전 [Энциклопедия корейской народной культуры]. URL: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0045177> (дата обращения: 05.05.2024). (На кор.)

조선출판물목록 [Каталог северокорейской книжной продукции]. Б.м. 2022. (На кор.).

통일부 북한자료센터 [Центр северокорейских материалов Министерства объединения] // Министерство объединения Республики Корея. URL: <https://unibook.unikorea.go.kr> (дата обращения: 05.05.2024). (На кор.).

References

Benninghoff, H.M. (1971). The Political Adviser in Korea (Benninghoff) to the Secretary of State. Seoul, January 23, 1946, *Foreign Relations of the United States, 1946, The Far East, Vol. VIII* / Ed. Reid J.G., Fine H.A., gen. ed. Gleason S.E. Washington: United States Government Printing Office: 615—616.

History of Revolutionary Activities of President Kim Il Sung, Pyongyang: Foreign Languages Publishing House, 2012, 490 p.

Kim Il Sung Condensed Biography, Pyongyang: Foreign Languages Publishing House, 2001, 334 p.

Lankov, A.N. (2009). Avgust, 1956 god: Krizis v Severnoj Koree [Lankov, A.N. August, 1956: The Crisis in North Korea], Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), First President of Russia B.N. Yeltsin Foundation, 350 p. (In Russian).

金聖甫 (2002). 조선민주주의인민공화국의 수립 (Gim Seong Bo. Joseonminjujuuininmingonghwagugui surip) [Gim Seong Bo. Establishment of the Democratic People's Republic of Korea], (신편) 한국사 52 대한민국의 성립 (Sinpyeon Hanguksa 52 : Daehanmingugui seongnip) [History of Korea (New Edition): Vol. 52: Founding of the Republic of Korea]. Gwacheon: National Institute of Korean History: 424—465. (In Korean).

김일성전집목록 (Gim Il Seong jeonjip mongnok) [Catalogue of Kim Il Sung's Complete Works]. Pyongyang: Joseon rodongdang chulpansa, 2012, 834 p. (In Korean).

김혁모, 리광삼(2011). 자주위업의 위대한 수령 김일성동지 8 (*Gim Hyeong Mo, Ri Gwang Sam. Jajuwicobui widaehan suryeong Gim Il Seong dongji 8*) [*Gim Hyeong Mo, Ri Gwang Sam. Comrade Kim Il Sung, the Great Leader of the Cause of Independence: Vol. 8*], 류경삼 편집 [Ryu Gyeong Sam (ed.)]. Pyongyang: Sahoe gwahak chulpansa, 302 p. (In Korean).

리병남(2011). 인민의 총복이 되라고 (*Ri Byeong Nam. Inminui chungbogi doerago*) [*Ri Byeong Nam. Becoming a Loyal Servant of the People*], 인민들속에서98 [Inmindeulsogeseo : Vol. 98], 강윤실 외 편집[Gang Yun Sil et al. (ed.)], Pyongyang: Joseon rodongdang chulpansa: 118—125. (In Korean).

박윤재, 박형우(1998). 북한의 의학교육제도 연구 (*Bak Yun Jae, Bak Hyeong U. Bukanui uihakgyoyukjedo yeongu*) [*Bak Yun Jae, Bak Hyeong U. A Study of the Medical Education System in North Korea*]. *Korean Journal of Medical History*, Vol. 7, No. 1: 61—74. (In Korean).

朴泰均(2002). 좌익 정치세력의 노선과 활동 (*Bak Tae Gyun. Jwaik jeongchiseryeogui noseongwa hwaldong*) [*Bak Tae Gyun. The Line and Activities of Left Political Forces*]. 한국사 52 대한민국의 성립 (Sinpyeon Hanguksa 52 : Daehanmingugui seongnip) [History of Korea (New Edition): Vol. 52: Founding of the Republic of Korea]. Gwacheon: National Institute of Korean History: 145—177. (In Korean).

이영 (李英) [I Yeong]. 한국민족문화대백과사전 (Hanguk Minjok Munhwa Daebaekgwasa jeon). [Encyclopedia of Korean Culture]. URL: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0045177> (accessed: 05 May, 2024). (In Korean).

조선출판물목록 (Joseonchulpanmulmongnok) [Catalogue of North Korean Publications]. No place, 2022. (In Korean)

통일부 북한자료센터 (Tongilbu Bukanjaryosenteo) [Ministry of Unification Information Center on North Korea]. Ministry of Unification of the Republic of Korea. URL: <https://unibook.unikorea.go.kr> (accessed: 05 May, 2024). (In Korean).

Поступила в редакцию: 05.06.2024
Принята к публикации: 02.07.2024

Received: 05.06.2024
Accepted: 02.07.2024

Z.G. Son

Legal Regulation of the Korean Labor Immigrants by the Russian Imperial Government in World War I

Abstract. The article analyzes the conditions of labor migration of ethnic Koreans from Manchuria and China to the Urals of the Russian Empire in 1915–1916, and their experience of interaction with the local Russian authorities. The research is based on the archival materials of the State Archive of the Sverdlovsk region (GASO). This article focuses on the legal and social status of the Korean laborers, their living conditions, habitat, and local conflicts. The study draws on theoretical insights from a range of works on immigration, and the political and economic integration of immigrants. With the onset of World War I, conscription into the Russian Imperial Army drained the manpower reserves, especially in the industries in the Urals. Some industries were under threat of permanent closure. The local tsarist administration petitioned the Foreign Ministry to employ Chinese and Korean laborers in these regions. The results of the research show that the Imperial government did not have a coherent structural plan for the accommodation of Eastern immigrant workers. The government largely improvised, regulating the migration process by issuing various decrees aimed at creating a legal basis for the immigrants. The findings also contradict the earlier Soviet historiography hypothesis about the widespread oppression of ethnic minorities in the Russian Empire. Unlike the Chinese workers who eventually left Russia for Manchuria, the Korean workers chose to stay in Russia after their contractual obligations expired and enjoyed the same rights and privileges as local Russian workers. The research reveals evidence of mistreatment of Korean workers; however, the wrongdoers were local Russian Korean merchants who acted as intermediaries between the local administration and the hired Korean immigrant workers.

Keywords: World War I, the Russian Empire, Manchuria, China, Korean workers, labor migration.

Author: Zhanna G. SON, PhD (History), associate professor, HSE University. ORCID: 0000-0003-0665-1624. E-mail: jgson@hse.ru; jannason@mail.ru

Conflict of Interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citations: Son Z.G. Legal Regulation of the Korean Labor Immigrants by the Russian Imperial Government in World War I. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2024, 2 (7): 40–54. DOI: 10.48647/ICCA.2024.43.82.004.

Early Soviet historiography interpreted the Russian Empire’s interethnic and interconfessional relations as invariably oppressive. According to the ideological postulate of the Bolshevik state coined by Vladimir Lenin, “The Russian Empire is a prison of peoples and an absolute evil.” In this context, the study of labor immigration in the first half of the twentieth century from Northeast Asia, namely from Korea and Manchuria, is of academic interest, as the process of labor immigration of Koreans from Manchuria and

China during World War I to Russia, including the Urals, remains an understudied topic in historical scholarship. In addition, the Korean diaspora in Imperial Russia represents a unique case because they were not an autochthonous people but came as immigrants in the second half of the 19th century. Under these circumstances and according to the Soviet ideological cliché about the universal oppression of all nationalities, the Koreans should have been one of the most oppressed minorities in the Russian Empire.

The post-communist period offers a fresh chance to re-examine the historical heritage of Imperial Russia with new evidence coming from the previously closed Soviet archives. As a result, the novel interpretations of the imperial past appear, where the ethno-confessional policy in the Russian Empire emerges in a new light as quite flexible, stable, and aimed at preserving the unity of multi-ethnicity and multi-confessionalism. This article, based on archival material from the State Archive of the Sverdlovsk Region (GASO), examines the reasons and conditions for the immigration of Koreans laborers to the enterprises in the Urals during World War I. The research findings demonstrate that state authorities in pre-revolutionary Russia welcomed foreign migrants, in our case Koreans, and provided them with equal rights along with the local Russian population, which contradicts the Soviet thesis about universal and purposeful oppression of all nationalities in the Empire. The cases of mistreatment of Korean migrant workers uncovered by the research focus on Far Eastern Korean entrepreneurs who, acting as the recruitment agents between the migrant workers and the hiring company, often took advantage of their fellow countrymen because they did not speak Russian and did not understand local laws. In the long run, the actions of these agents had resulted in significant financial losses for both the migrant laborers and the hiring companies. In addition, the high social status, societal influence, and financial capital of these Korean entrepreneur-merchants, all of whom were first-generation migrants to the Russian Empire, cast a shadow on the historical validity of the perpetual ethnic oppression that supposedly characterized the Russian Empire.

At the same time, it is important to note that many Koreans did experience nationalist hostility firsthand while living in Russia. However, it is also instructive to emphasize that these nationalistic outbursts were symptomatic of the Soviet, and not the Imperial, period of Russian history. These incidents were the unfortunate byproduct of the state policy of industrialization and collectivization when masses of people were forcibly uprooted and moved across the vast expanses of the USSR as slave laborers, which inevitably led to clashes between local residents and the newly arrived workers. The Soviet authorities made strenuous efforts to mitigate this problem, albeit not always successfully [Son, 2023, pp. 173–208].

This study focuses on the following aspects: the legal basis for the use of Korean immigrant workers, their social environment, working and living conditions, and conflicts. The knowledge of these aspects reveals another previously unknown historical page and adds it to the historical canvas of the lives of Koreans in the Russian Empire, the USSR, and the Russian Federation.

The Russian imperial government adhered to the following guidelines in implementing state migration policy. The policy towards certain confessions and peoples was flexible and pragmatic in accordance with the ad hoc principle, i.e., depending on the circumstances. The government practiced extensive cooperation with local elites, who

mostly received the rights of the Russian nobility and were included in the administrative system of the empire. The Empire emphasized the predominance of social assimilation over ethnic assimilation proper, which positively affected the political loyalty of the integrated societies and their leaders. It also prioritized ethnic and confessional tolerance in the absence of discrimination, and even created some advantages in the legal position of “foreigners” compared to Russians [Mironov, 2017, pp. 115–186].

In the Russian Empire, the mass resettlement of Koreans in the early twentieth century was a matter of concern to the authorities and the public. The hard-working and enduring Koreans adapted to harsh conditions despite the hardships of the assimilation process. At the same time, they were a cheap labor force. Until 1915, Koreans were allowed to work in the Far East and Siberia, excluding the Ural Mountains [Park, Bugai, 2004]. Depending on the historical period, Russian archival documents grouped the Chinese and Korean migrants under the titles “yellow race,” “orientalists,” or a combination of “Chinese and Koreans.” Therefore, most of the documents refer to both Chinese and Koreans. However, the attitude of the Russian authorities toward Koreans differed because, unlike Chinese, Koreans were allowed to apply for Russian citizenship [RGASPI. Fund 82. Case 1265. Inv. 2. pp. 34–35].

The first information on the Koreans in the Urals, particularly in the Perm province, is mentioned in the newspaper Perm Province Bulletin dated June 2, 1904. Due to the war with Japan in the Far East (1904–1905), the Russian authorities did not allow Japanese subjects to stay in the war zone to avoid cases of Japanese espionage. The government of the Russian Empire issued a document signed by the emperor on the “Provisional Regulations on Prisoners of War in the Russo-Japanese War” [Kamenskikh, 2014, p. 28].

On June 2, 1904, a party of 478 Japanese civilians from the Russian Far East came to Perm. They were ranked as prisoners of war by the Russian authorities: among them were 308 men, 150 women, 20 children, as well as 13 Chinese and 15 Koreans. The arrival of another party consisting of 409 Japanese, Koreans, and Chinese was shortly expected. Newly arrived Koreans were settled in Perm (57), Nytva (17), Kamyshlov (9), and Ohansk (9). By October 22, 1904, the number of Koreans in Perm amounted to 298 people. After the end of the war, Koreans could return home, but all who wished were allowed to stay [Kamenskikh, 2014, pp. 29–30].

In Soviet-Russian historiography, researchers only mentioned the presence of Koreans in the Urals in 1914–1917. Kim Sŭng-hwa notes that Alexandra Petrovna Kim-Stankevich worked as an interpreter at the Urals factories where there were thousands of Korean workers at the time [Kim, 1965, p. 91; Aleksandra Petrovna..., 2008, pp. 23–24].

Boris Park writes that during the Civil War and foreign intervention (1918–1923), there were up to seven thousand Koreans in the European part of Russia and about five thousand in Western Siberia. Korean laborers worked in eighteen cities of European Russia: Moscow, Petrograd, Bakhmut, Kharkov, Taganrog, Yekaterinoslav, Alexandrovsk, Yekaterinodar, Rostov-on-Don, Novochoerkassk, Pyatigorsk, Armavir, Kiev, Astrakhan, Tsaritsyn, Saratov, Ufa, and Orenburg. Small groups of Korean workers were also present in Tashkent, Baku, Kurgan, Chelyabinsk, Tyumen, Yekaterinburg, Vyatka, Vologda, Yaroslavl, and Arkhangelsk [Park, Bugai, 2004, p. 131].

In 2008, Bella Park wrote about Alexandra Kim-Stankevich's revolutionary activities in the Urals. Presumably, in 1915–1916, Kim-Stankevich arrived at the Nadezhdinskii logging site as an interpreter among Chinese and Korean workers. According to the recollections of Kim Siyan, who worked in the Urals at that time, it follows that Kim-Stankevich was loved and respected by the Chinese and Korean workers because she defended their interests against the factory management. In the days of the February Revolution of 1917, Kim-Stankevich joined the ranks of the RSDRP(b) and soon became one of the leaders of the “Union of Urals Workers,” which included many Korean and Chinese workers [Aleksandra Petrovna..., 2008, pp. 23–24].

In 2014, Mikhail Kamenskikh published a monograph based on documentary sources from the Perm archives on the specifics of the formation, growth, and development of the Korean ethnic group in the Perm region in the 20th and early 21st centuries. He described in detail the stay of Koreans as prisoners of war during the Russo-Japanese War and provided a brief note about the migration of Koreans during World War I. In this book, much attention is given to the modern period of the history of Koreans living in Perm [Kamenskikh, 2014].

In 2021, a group of academics, including Andrei Avdashkin (Chelyabinsk State University, Chelyabinsk); Alexei Antoshin (Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin, Yekaterinburg); Mikhail Kamenskikh (Perm Federal Research Center of the Ural Branch of RAS, Perm); Sung-jae Lim, Irina Musinova, Sergei Smirnov (Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin, Yekaterinburg); So San-bom (Busan University of Foreign Languages, Busan); Valerii Thai (Deputy Chairman of the Ekaterinburg City Public Organization “National Cultural Autonomy of Russian Koreans,” Yekaterinburg); and Irina Fan (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS, Yekaterinburg), conducted research on the role of diaspora communities in the socio-economic and cultural development of Russia and Korea in the twentieth century. They published a monograph entitled “Russians in Korea and Koreans in the Urals: History and Modernity” [Russkie v Koree..., 2021, p. 192]. In the section on Koreans in the Urals, there is no information about Koreans from Manchuria and China who worked at the factories of the Yekaterinburg region during World War I. The next wave of Korean migration to Russia occurred during World War I, when the Urals factories experienced a shortage of workers due to mobilization. For the first time, this article introduces documents from the State Archive of the Sverdlovsk Region on the legal status of Korean workers, their social status, working and living conditions, and the conflicts with the factory management and local authorities involving Korean workers.

This article relies on methods that allow for a comprehensive analysis of the role of Eastern immigrant workers in the host community, namely historical, source study, and textual analysis. The problems of Eastern workers are considered from the perspective of the principles of historicism within the framework of the systematic approach. This methodology made it possible to analyze the relationship between the authorities of the Russian Empire and foreign immigrants based on the archival lists of Korean workers who arrived from Manchuria and China to the Urals.

Theory: This study draws on the theoretical insights of a number of existing works on immigration, immigrant integration, and ethnic economies, including, but not limi-

ted to, the work of Jose A. Cobas [Jose, 1987, p. 143—161], “Ethnic Enclaves and Middleman Minorities. Alternative Strategies of Immigrant Adaptation?”, the theory of immigrant enclaves proposed by Alejandro Portes and Robert D. Manning in *The Immigrant Enclave: “Theory and Empirical Examples”* [Portes, Manning, 2012, p. 216—227].

Methods: The chronological analysis allows us to trace the evolution and changes in immigration policy and identify the cause-and-effect relationships between these changes. The legal framework of Russia’s imperial migration policy and the normative framework for the political status of Korean immigrants were studied using a normative approach. To address the tasks set in the study, statistical analysis, following the methodology of descriptive statistics, was used based on official statistical resources, laws, and government documents.

Legislative Basis for the Use of Korean Labor in the Urals

With the outbreak of World War I, Russia’s domestic situation changed dramatically. Conscription led to a significant reduction in the number of workers in various industries in the Urals, Central Volga region, and Central Russia. As a result, the idea arose to replace the conscripted Russian workers with laborers from Asian countries, specifically Chinese and Koreans.

On March 15, 1915, in Petrograd, at the meeting of the Council of Ministers, the conditions for the use of “yellow race” labor in Russia were considered. These rules came into force on April 4, 1915. On April 22, 1915, the Minister of Trade and Industry received a petition from the General Directorate of the Estate, Prince S. Abamelek-Lazarev, for the delivery of several thousand Chinese and Korean workers to the Urals at the expense of the treasury. The petition stated that the Kizelov coal mines of Prince Abamelek-Lazarev, if provided with 3,000 workers, could increase the monthly production of coal by 3 million poods [Kitajskie rabochie..., 2010, p. 25].

In the circular of the Police Department of the Ministry of Internal Affairs dated August 31, 1915, number 41283, signed by Prince Shcherbatov, it was noted: “To Governors, Town Governors and Chiefs of Regions. By agreement with the Ministry of Foreign Affairs and on the basis of Article 158 of the Statute of Ministries, it is recognized as necessary, temporarily, until a special order, to allow unimpeded passage into the Empire of those Chinese subjects, as well as Koreans, who are invited to work for our metallurgical or coal mining enterprises, on the condition that these persons present their national passports, provided with a visa from our consular authorities. This visa must specify the name and surname of the person sent to Russia, his age, his nationality, as well as information on which factory or mines the person is invited to work at. No other passport formalities established for the Chinese and Koreans by the existing laws or orders of the higher local authorities, not excluding the obligation to exchange the documents by which they were admitted inside the Empire for Russian tickets, are not obligatory for the persons of the mentioned category”. [Kitajskie rabochie..., 2010, p. 25].

There were petitions and requests from various regions asking for permission for workers from the Republic of China and the Empire of Japan to enter European Russia. On October 26, 1915, the governor of Perm province, Lozina-Lozinskiĭ, issued a Man-

datory Resolution “On the Conditions of Admission to Work in the Industrial and Mining Enterprises of Perm Province of Chinese and Korean Workers.” This document applied only to one province, including the Nizhne-Tagilsk and Lunevsk district administrations. The petitions for the right to bring workers from Manchuria to the Tula province and the Donets Basin were rejected. The decree also forbade the employment of Chinese and Koreans who did not have national passports with visas from Russian consulates. The Perm governor personally approved a sample of the settlement books that established the conditions for the hiring of Chinese and Koreans. The terms of employment and internal regulations were approved by the district engineer or factory inspector and had to be obligatorily translated into a language understandable to each worker [Kitajskie rabochie..., 2010, p. 26].

Food and work equipment provided against wages could be issued by the enterprise only at prices approved by the mine or factory supervisors. It was forbidden for other factories to outsource Chinese and Koreans, who were specifically brought to work at the expense of the hiring enterprises. The Eastern workers hired to work in private enterprises of mining industries, as well as other industrial enterprises, had to obey the general rules of the internal order on an equal basis with the Russian workers. This included the length and distribution of working hours and the observance of all company management rules. Unauthorized avoidance of work, early demands for changes in terms of employment, and leaving work before the end of the term established in the employment contract were categorically forbidden. The supervision of compliance with the terms of this mandatory decree and the drawing up of protocols in case of violations were entrusted to the officials of the Mining and Factory Inspectorate and the police. Eastern workers who violated these terms were subject to administrative fines of up to 3,000 rubles or arrest for up to three months [GASO. Fund 621. Case 292. Inv. 1. p. 4ob.].

On December 10, 1915, Governor Lozina-Lozinskii issued a new, expanded Mandatory Resolution titled “On the Conditions of Admission of the Chinese, Koreans, and Persians to Work in Industrial, Mining, and Other Enterprises, for the Purchase of Forest Materials, as well as for Hire from Private Individuals within the Confines of the Perm Province” [GASO. Fund 621. Case 292. Inv. 1. pp. 1–3ob]. This document indicates that Persian nationals were added to the list of Chinese and Korean workers, and the scope of foreign labor was also expanded. The conditions for the admission of foreign workers to the Perm province became stricter regarding the required documents for entry into Russia and the certificates of medical examination for the workers. The initial experience of accepting Oriental workers revealed that many of them had fraudulent documents and were deemed unreliable [GASO. Fund 621. Case 292. Inv. 1. pp. 1–3ob]. The responsibility for strict control of documents was placed on the recruitment agents who hired and delivered the Eastern workers. This document requirement did not apply to individuals who already resided in Russia and had received certificates of trustworthiness from the police. Additionally, the importation of workers of other nationalities into the Perm province through intermediaries without special permission from the governor was prohibited.

The decree from December 10, 1915, consisted of twenty-six paragraphs detailing the conditions for admitting Chinese, Korean, and Persian workers into the Perm province. It also repealed the decree issued on October 26, 1915 [GASO. Fund 621. Case

292. Inv. 1. pp. 1—3ob]. A key requirement in this document was that those responsible for delivering foreign workers for specific jobs were obliged to recruit and bring to the Urals only those workers with the skills needed by the company that ordered the foreign workforce. If the worker brought in lacked proper documents, had documents in someone else's name, or did not possess the required profession, the contractor was obliged to deport the worker immediately at the contractor's expense after drawing up a report. If the “person to be removed” had been taken into custody by that time, the recruitment agent had to cover the costs of escorting the worker back to his homeland [GASO. Fund 621. Case 292. Inv. 1. pp. 1—3ob].

Each agent bringing Chinese, Korean, and Persian workers to the Perm province was required to make a deposit of no less than 1,000 rubles (for 500 people) to the local police department for each individual enterprise. Two rubles were to be paid for each worker. Settlements with hired workers were to be based on pay slips [GASO. Fund 621. Case 292. Inv. 1. pp. 1—3ob]. From the moment the payroll was issued, the workers were considered accepted by the company, and the agents who had delivered them were exempt from further liability. If the workers were not admitted to the enterprise, the agents were obliged to return them home at their own expense.

The heads of enterprises were strictly forbidden to employ: “1. those sick with contagious and ‘sticky’ diseases; 2. individuals in working conditions dangerous to life or harmful to health, without implementing the necessary precautions; 3. to allocate premises previously occupied by sick individuals without thoroughly disinfecting them, under the responsibility of a doctor” [GASO. Fund 621. Case 292. Inv. 1. pp. 1—3ob].

The heads of enterprises were required to maintain interpreters fluent in both Russian and the native language of the workers, at a rate of at least one interpreter per 100 workers. Additionally, enterprises were required to keep a sufficient number of guards, at their own expense, to maintain order and tranquility among the workers, as well as to guard the workers and prevent their escape, both at the workplace and during transportation. Factory management was obligated to provide the local police with information about all Chinese, Koreans, and Persians who had arrived, including their numbers, and to submit their documents within twenty-four hours. All documents of foreign workers were to be kept in the company's office and were not to be given to the workers under any circumstances. At the end of the hiring period, Eastern workers were to be sent home in an organized manner. Each enterprise was to establish a special fund to cover the cost of transporting these workers home, amounting to 30 rubles per foreign worker. This amount was to be withheld from the workers' earnings during the first six months of employment. Furthermore, it was emphasized that workers should not be lured from one enterprise to another [GASO. Fund 621. Case 292. Inv. 1. p. 2]. The responsibility for overseeing adherence to the rules of this mandatory decree, maintaining work order in industrial and mining enterprises, and preparing protocols for any violations fell to factory officials and the Mining Inspectorate, while the local police were responsible for other violations of the mandatory decree.

On May 1, 1916, the governor of Perm Province introduced amendments to his mandatory decree issued on December 10, 1915. The new requirements aimed to enhance the control exercised by local authorities. Korean and Chinese nationals arriving in the region were to be transferred from the recruitment agents to the factory managers.

It was the responsibility of those employing these foreigners to report all new arrivals within a 24-hour period and to maintain a daily record of all Oriental workers in the company. The document emphasized that the transfer of Chinese and Koreans from one employer to another was permitted only with special permission from the governor or his commissioner, granted on a case-by-case basis. Violations of this ordinance were subject to administrative penalties of up to 3,000 rubles, arrest, and imprisonment for up to three months [GASO. Fund 45. Case 274. Inv. 1. pp. 8–9].

On March 15, 1916, the Russian Council of Ministers adopted Rules consisting of ten articles regarding the use of Korean and Chinese labor in the Empire. The Rules stipulated that the closest supervision over the recruitment of the “Yellow Immigrants,” as well as reference and intermediary activities, was to be entrusted to the Reference Bureaus on the Labor Question in Vladivostok and Khabarovsk, under the authority of the Governor-General of Priamursk. These bureaus would also establish offices in Harbin, at the Manchurian Station, and other locations. The third article granted a privilege to the Yellow Immigrants, stating that “instead of national passports being taken away and sent to the place of work, the Party Chief will be given a certificate of identity” at the border point. This article significantly facilitated the entry of foreigners from Manchuria and China into the Russian Empire.

On September 27, 1916, additional rules for the use of “yellow race” labor were introduced. According to these rules, such labor was permitted in the European part of the empire, with the exception of the war zone. Workers received several benefits, including the following:

- 1) Russian passports were replaced by national passports with visas obtained at the Harbin Consulate General;
- 2) Transportation by railroads was provided in individual cars at the IV class tariff;
- 3) Food rations were provided at stopping points along the way;
- 4) Free medical care was available;
- 5) The right to duty-free passage for articles of clothing, footwear, household implements (boilers, grates, mats, blankets, etc.), and work tools intended for the workers;
- 6) The right to duty-free passage on the return of their earnings, regardless of the amount [GASO. Fund 45. Case 274. Inv. 1. pp. 10–12ob.].

Thus, the legislative basis for using the labor of Asian workers in Russia, in general, and in the Urals, in particular, was formed during the process of employing foreign labor as a forced measure caused by World War I. The resolutions issued on the use of Korean labor affected various aspects, including the passport regime, transportation of workers to their workplaces, working conditions, wages, food, and accommodation. All legislative and administrative decisions emphasized that the working conditions and wages of Korean workers should be exactly the same as those of Russian workers.

Koreans and Russian Passports

An interesting document discovered in the State Archives of the Sverdlovsk Region is the report of a worker recruitment agent named Ponosov, who was sent to the Far East by the Bogoslovskii Mining District. The author of this report made an agreement

with recruiting agents, or local entrepreneurs, namely Nikolai Kim, a merchant of the Vladivostok second guild; Ivan Kham; Mikhail Ogai; and Yakov Kim, a peasant of Yanchihinskaia volost', Krabe village, Primorskaia oblast'. These agents organized a partnership for the recruitment of workers from China. They were all naturalized, assimilated ethnic Koreans who became Russian citizens, lived on the outskirts of Vladivostok in the Korean slobodka, had their own houses, and were engaged in large enterprises such as logging, excavation work, and transportation.

Interestingly, Ponosov specifically emphasized that Nikolai Kim had no property (movable or immovable), but enjoyed great popularity among the Korean people [GASO. Fund 45. Case 263. Inv. 1. p. 7]. Ponosov's point about Kim is both intriguing and contradictory because Kim was a second guild merchant. According to the reform of 1785, a second guild merchant was supposed to have declared capital ranging between 5,000 and 10,000 rubles. This merchant rank also allowed for the ownership of commercial riverboats, industrial plants, and factories. Many Koreans had become wealthy by the beginning of World War I. For example, Ivan Kim, who lived on Blagoveshchenskaia Street, and Nikolai Kim, who interacted with Ponosov, owned houses in Vladivostok on Fontannaia, Kitayskaia, and Komarova Streets. Nikolai Tsai had houses on Aleutskaia and Pekinskaia Streets, and Elisei Khan owned houses on Svetlanskaia and Lazareva Streets [Petrov, 2001, p. 46, 135, 218, 295]. It appears that Ponosov misled the administration of the Bogoslovskii Mining District, either intentionally or unintentionally.

Further, Ponosov writes: "Why did I choose Koreans? Because they are the only ones who can guarantee a good day's work. Besides, according to the information I gathered during my travels across the Korean-Chinese border to forest concessions, I saw and heard that most Koreans are better woodcutters and gardeners than the Chinese. For other work, however, they are unfit and worse than the Chinese. For logging, the Chinese are not strong enough and generally do not like to work in forest concessions. I have received all of this information from more knowledgeable people in the field" [GASO. Fund 45. Case 263. Inv. 1. pp. 1–8ob].

According to Ponosov, Koreans willingly worked at enterprises with Russian management and refused to work for Japanese and Jews. Korean workers especially loathed the Japanese, who forced them to abandon their homeland and live in Russia on Russian passports. Before concluding a contract to recruit Koreans in accordance with the Perm governor's information circular on Chinese, Koreans, and Persians having national passports, Ponosov asked the vice-governor of the Primorskiï region for clarification. He was informed that Koreans enjoyed special rights with the Russian government and were issued passports signed by Russian consuls and vice-governors, granting them the right to reside throughout the Russian Empire. Koreans were issued annual passports at the vice-governor's office and paid eight rubles for each passport with a photo at the governor's cash desk. Koreans were also taken to regions forbidden to the Chinese and Persians, such as the Donets Basin and the region of Tula. At the end of the passport validity period, they were allowed to obtain a new passport at the office of the governor of the province where they lived and worked [GASO. Fund 45. Case 263. Inv. 1. pp. 1–8ob].

Labor shortages during World War I were felt around the world. The competition in the Chinese labor market was incredibly intense. Thousands of Chinese workers were sent to England and America, causing prices to soar. If the cost for recruiting one worker was 40—50 kopecks in 1915, including skilled laborers, then by 1916 the cost had risen to 2 rubles for skilled laborers, and the price of recruitment for an unskilled laborer rose to 1 ruble or more. In 1914, the average monthly salary of a single (non-married) male worker was 36 rubles in the Russian Empire, and a cow could be bought for 3 rubles [GASO. Fund 45. Case 263. Inv. 1. pp. 1—8ob].

These recruitment prices provide evidence of how much the local Korean recruiters earned for their middleman recruiting services. On May 2, 1916, a contract for the supply of one thousand healthy, hard-working, and knowledgeable lumberjacks for the Nadezhdinskiĭ Plant was signed by Ponosov, the director of the blast-furnace shop of the Nadezhdinskiĭ steelworks, the Bogoslovskii mining district, and the following recruitment agents: the two Kims, Ham, and Ogai. After the arrival of Korean workers in the Bogoslovskii Mining District, a contract was made between the same hiring agents and the Bogoslovskii Mining District Directorate on August 3, 1916 [GASO. Fund 45. Case 263. Inv. 1. pp. 1—8ob].

According to the contract, the 1,000 workers were distributed as follows:

1) 600 woodcutters were assigned to the Petropavlovsk forestry. The monthly felling norms were 8 cubic fathoms from October 1 to March 1, and 9 cubic fathoms per worker from March 1 to October 1.

2) 400 workers were assigned to other jobs in the district, paid in accordance with the established rates in the contract. The workers had pay-books in the statutory form, in which the terms of employment, advance payments, fines, etc., were recorded [GASO. Fund 45. Case 274. Inv. 1. pp. 8].

In this contract, the working and living conditions of the workers were specified in detail. It is important to note that workers received free meals from the company while they were meeting their logging quotas. The felling norms were as follows: from October 1 to March 1, 8 cubic fathoms per month, and from March 1 to October 1, 9 cubic fathoms per month. Each worker received the following provisions: flour — 10 pounds; salted fish (the cheaper kind) — 15 pounds; lean butter — 4 pounds; millet — 10 pounds; common cabbage or potatoes — 25 pounds; salted meat — 4 pounds; salt — 2 pounds; and various supplies (in money or in kind) — 1 pound. (For Koreans, the felling rate was reduced from 9.66 cubic meters to 9 cubic fathoms) [GASO. Fund 45. Case 274. Inv. 1. p. 8].

According to the terms of the contract, 24 rubles per month were paid for each worker. The recruitment agents were required to deliver 4,800 cubic fathoms of firewood per month from October 1 to March 1, and 5,400 cubic fathoms per month from March 1 to October 1. If the specified norm was reduced by 10 %, the industry management had the right to demand that the agents replace the underperforming workers with others within one to one and a half months. Sick workers received free treatment and meals during their illness [GASO. Fund 45. Case 274. Inv. 1. p. 8].

Strict control was established over the distribution of provisions. If surpluses of food were found to be given to other workers, the industry management could reduce the food rations. Workers were expected to build houses for themselves at their places of

work. When workers went on strike or refused to work, they were denied food and evicted from their homes. Within ten days, the recruitment agents were required to replace these workers [GASO. Fund 45. Case 274. Inv. 1. p. 9].

The firewood harvested was accepted by the management office twice a month: from the 1st to the 5th and from the 15th to the 20th. The office was required to have a sufficient number of accountants and clerks to account for and oversee the work of the loggers. Within three days, data on the receipt of firewood, workers' calculations, and payment lists were to be generated. In the event of a delay, the recruitment agents were fined 100 rubles [GASO. Fund 45. Case 274. Inv. 1. p. 9].

The work of Korean workers at logging sites was marred by several issues: they did not receive their wages on time, were unaware of the amounts they should be paid for their labor, and did not understand the deductions made from their wages. As a result, the Korean workers were anxious and unable to work in peace. Eventually, the Korean recruitment agents proposed to the county office that all payments be made directly to the Korean workers, bypassing the recruitment agents who were causing excessive problems and commotion [GASO. Fund 45. Case 274. Inv. 1. pp. 9–10].

On October 1, 1916, the contract from May 2, 1915, was terminated at the request of the Korean workers. The reason given in the document was that the recruitment agents were unable to arrange for timely payment and to explain to the workers how much was being withheld from their wages and for what, as well as how much they were entitled to for their labor [GASO. Fund 45. Case 274. Inv. 1. pp. 9–10]. Koreans who worked in the Bogoslovskii mining district were, for the first time, contracted directly by the district. Eventually, all Korean workers hired by the agents under the contract of May 2, 1915, were ceded to the Bogoslovskii Mining Company, and the obligations binding the recruitment agents to that department were terminated. The agents received a commission of six rubles for each worker, totaling 1,500 rubles (250 people). The remainder of the money was applied to settle the agents' debt to the County Administration, amounting to 26,098 rubles and 94 kopecks. The Korean recruitment agents left an outstanding debt of 45,000 rubles with the Bogoslovskii Society. According to the contract, this amount was to be withheld from the Korean workers [GASO. Fund 45. Case 274. Inv. 1. pp. 12–12ob.]. It appears that only the Far Eastern Korean recruitment agents Nikolai Kim, Ivan Kham, Mikhail Ogai, and Yakov Kim benefited from this business endeavor, making substantial profits. They were completely dishonest with their fellow countrymen, the mining company, and the local administration. Large sums of money were owed to the latter, while the Korean workers were also in debt, losing thousands of rubles of their hard-earned income.

Korean loggers could get a return ticket to Harbin in the 4th class train after two years of work, and only the top 10 percent of workers got it after one year. The directorate was obliged to give return tickets to everyone who cut 100 cubic fathoms in a year, thereby encouraging Koreans to work harder and return home sooner. Koreans were also paid extra money for cleaning logging sites and burning litter and branches at 5 kopecks per cubic meter cut, which was not introduced for other foreign workers [GASO. Fund 45. Case 274. Inv. 1. p. 11]. The district administration saw Koreans as hardworking, disciplined, and law-abiding workers and treated them fairly favorably.

Qualifications and Discipline of Korean Workers

Among the Koreans were many people who had not previously engaged in physical labor, much less logging. These included a graduate from a mining school in America, two paramedics, and several tradesmen and other professions. These people had nothing to do with laboring. Some Koreans had come from their homeland in search of easy profits and thought that in Russia they would be fully provided for and receive a salary in exchange for not doing much work. When they were forced to perform manual work, they turned out to be incapable of it, and began to agitate their comrades, inciting them to make all sorts of demands, urging them to stop working altogether if their demands were unsuccessful. Considering this circumstance and to prevent further misunderstanding with Koreans, the bailiff of the Nadezhdinskii plant was instructed to immediately begin identifying the instigators and agitators causing confusion among Koreans, and to arrest these Koreans one by one, under the guise of transferring them to other jobs, to protect order [GASO. Fund 45. Case 274. Inv. 1. pp. 12–20].

According to the terms of their contracts, at the end of the one-year term of work, Korean, Chinese, and Persian workers were entitled to a return fare of 30 rubles, 10 rubles travel money, and 4 rubles 50 kopecks for the days of awaiting remuneration to be sent home, for a total of 44 rubles 50 kopecks paid from the funds of the Bogoslovskii mining and processing society. At the same time, they were offered an alternative to stay and work in Russia as free workers. The archival documents reveal that most Korean workers who worked at the Bogoslovskii mining district preferred the second option. A document dated June 30, 1917, narrates how the 89 Korean workers of the Bogoslovskii mining district expressed a desire to stay in Russia and work as “free” laborers on an equal footing with the Russian workers. They were sent to the Novo-Spasskii workshops at the Nadezhdinskii plant. On July 15, 1917, forty-five Korean workers who labored at the Filkinskaia coal enterprise also expressed their wishes to stay in Russia. The same day, sixty-two Korean workers of the blast furnace shop at the Nadezhdinskii plant decided to become free workers in Russia [GASO. Fund 45. Case 1. Inv. 1099. p. 8]. Finally, on July 22, 1917, thirty-six Korean workers with their foreman-translator Kim Chan-bok of the Bogoslovskii mining district, after completing a year's stay, received return fares, board, and other payments, but chose to stay in Russia. The list with the names of 177 Korean workers who stayed in Russia is stored in the State Archive of the Sverdlovsk region [GASO. Fund 45. Case 1. Inv. 1099. p. 15, 15ob., 16, 18, 18ob., 19].

Conflicts Involving Korean Workers

However, the harsh working conditions did not suit Koreans everywhere. The working year was 350 days. Korean workers were given 15 days off per year—five obligatory non-working Russian holidays and, at their request, no more than 10 days for Korean holidays. The working day lasted 10.5 hours, plus time for lunch. A Korean laborer had to work 3,570 hours per year, an average of 1,000 hours longer than the work year in the Ural mining plants during the late 19th and early 20th centuries [Fund 621. Case 301. Inv. 301. pp. 88–88ob.]. It should be noted that the police of the Russian Empire were

instructed not to use force against the Eastern workers. This decision was made by the governor of the Verkhoturiskii district, who expressly demanded that all conflicts be resolved peacefully through persuasion and negotiation.

The report of the Verkhoturiskii district officer to the Governor of the Perm region details an incident where 588 Koreans, hired by the Morozovskii and Nadezhdinskii forestry, stopped working on June 1, 1916. They demanded their monthly wages for June and the abolition of timber-cutting norms. However, all Koreans were provided with shoes and clothes in lieu of their wages, which exceeded their monthly earnings. The monthly wood-cutting rate of nine cubic meters for Koreans proved too demanding due to the unfamiliar nature of the work. Additionally, the report notes that the stipulation to work for wages rather than piecework led them to believe that regardless of their output, they should be paid their wages in full according to the contract. For instance, Koreans from the Morozovskii forestry took goods worth 7,000 rubles from the first day of work and produced firewood worth only 2,500 rubles. Due to this significant expenditure and very low labor productivity, the forestry department refused to pay their salaries or release other products on account of their wages. This refusal caused dissatisfaction among the Koreans, leading to their demands for the abolition of the firewood chopping norms and the payment of wages [Fund 621. Case 301. Inv. 301. pp. 88–88ob.]. On June 19, 1916, 180 Koreans at the Nadezhdinskii forestry district did not report to work and demanded an increase in their wages, a revision of their wood-cutting rates, and better nutrition. The Koreans' mood was volatile and could have easily escalated into a riot. On June 20, foodstuffs (sea cabbage and chum salmon) were received from Vladivostok for the Korean workers, as ordered by the factory management. With these provisions supplied, the workers agreed to continue working under the same conditions [Fund 621. Case 301. Inv. 301. pp. 88–88ob.].

The bailiff of the Nadezhdinskii plant reported that on June 26, 27, and 30, 1916, forty-nine Korean workers from the Bogoslovskii mining district stopped working, demanded changes to the terms of their contracts, and became instigators among other Korean workers [Fund 621. Case 301. Inv. 301. pp. 88–88ob.]. On July 9, 1916, the main agitators were arrested and jailed under Article 21 of the Law of Order. The leader of this unrest was Filipp Son, a peasant from the Nikolsk-Ussuriskii district [Fund 621. Case 301. Inv. 301. pp. 90–90ob.]. According to a law passed on December 10, 1915, the arrested individuals were to be deported to Korea without the right of return to Russia. Unfortunately, it is impossible to trace the fate of this group of Koreans further through the Russian archives. Nevertheless, the arrest had an immediate pacifying effect on the remaining Korean workers, who became more compliant and resumed their work. It is instructive to note that the Korean workers were not afraid to fight for their rights, and the local government and imperial police refrained from using force. Instead, the authorities consistently pursued a policy of negotiation and reconciliation. As a result, Koreans were offered contract terms similar to those of Russian workers.

Conclusion

The thesis of the oppression of non-Russian nationalities in tsarist Russia and the accounts of the allegedly cruelly exploited Eastern workers, which were prolific in Soviet

historiography, are refuted by this research. The studied reasons and conditions of the immigration of Koreans as a labor force to the enterprises of the Urals during World War I allow us to draw the following conclusions: 1. The legal framework and the peculiarities of the Russian Empire's immigration policy for the use of Korean workers allowed them not only to obtain Russian domestic passports but also to work in any industry and in any region of the Russian Empire without returning to their homeland. 2. It is instructive to emphasize that the working and living conditions of Korean workers were comparable to those of Russian workers. 3. Among the Koreans who came to the Russian Empire were representatives of different social classes. Most were peasants without professional education, but there were also some educated Koreans, craftsmen, etc. The latter category had the most difficulty adapting to hard manual labor. 4. Conflicts primarily arose due to the employer transferring immigrant workers from one job to another lower-paying job. Additionally, recruitment agents often committed errors, perhaps even intentionally, in billing statements and did not properly instruct the workers about their rights and responsibilities. Nevertheless, Korean workers were successful in defending their rights, while the local government and the police refrained from using force.

This study reveals only a small part of the history of Korean immigrants in the Urals during the pre-revolutionary period. At that time, Yekaterinburg was one of the centers of the revolutionary labor movement. Korea was colonized by Japan, and Japanese authorities persecuted and brutally suppressed any attempts at resistance. Future research could explore how those Korean immigrants who voluntarily stayed in Russia became actively involved in the revolutionary struggle. In their memoirs, many Korean communists reflected that they became revolutionaries under the influence of local Russian revolutionaries in the Urals and actively participated in the 1917 Revolution and the anti-Japanese struggle in the Far East.

References

Aleksandra Petrovna Kim-Stankevich. Oчерки, dokumenty i materialy / Otv. red. Vanin Ju.V. [Alexandra Petrovna Kim-Stankevich. Essays, Documents and Materials / Ed. Vanin J.V.]. Moscow: In-t Vostokovedeniya RAN. 2008, 239 p. (In Russian).

Documents from Gosudarstvennyj arhiv Sverdlovskoj oblasti (*GASO*). (In Russian).

Documents from Rossijskij arhiv social'no-politicheskoj istorii (*RGASPI*). (In Russian).

Jose A. Cobas (1987). Ethnic Enclaves and Middleman Minorities: Alternative Strategies of Immigrant Adaptation? *Sociological Perspectives*, Vol. 30. No. 2: 143–161.

Kamenskikh M. (2014). Korejcy v Permskom krae. Oчерки po istorii i jetnografii [Kamenskikh M. Koreans in the Perm Territory. Essays on History and Ethnography]. St-Petersburg: Mamatov, 189 p. (In Russian).

Kim Syn Hva (1965). Oчерки po istorii sovetских korejcev [Kim Sünghwa. Sketches of the History of the Soviet Koreans]. Alma-Ata: Nauka, 251 p. (In Russian).

Kitajskie rabochie na Urale v gody Pervoj mirovoj vojny. Dokumenty i kommentarii (Rossijsko-kitajskij nauchnyj proekt) / Otv. red. Alekseev V.V. [Chinese Workers in the Urals during the First World War. Documents and Comments (Russian-Chinese scientific project) / Ed. Alekseev V.V.]. Ekaterinburg: UrO RAN, 2010. 324 p. (In Russian).

Mironov B.N. (2017). Ob jetnicheskoi diskriminacii v pozdneimperskoj Rossii [Mironov B.N. Ethnic Discrimination in Late Imperial Russia]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, Vol. 62. Issue 1: 164—185. (In Russian).

Pak B.D., Bugaj N.F. (2004). 140 let v Rossii. Oчерk istorii rossijskih korejcev [Pak B.D., Bugaj N.F. 140 Years in Russia. Essay on the History of the Russian Koreans]. Moscow: In-t Vostokovedeniia RAN, 462 p. (In Russian).

Petrov A.I. (2001). Korejskaja diaspora v Rossii, 1897—1917gg. [Petrov A.I. Korean Diaspora in Russia, 1897—1917]. Vladivostok: DVO RAN, 399 p. (In Russian).

Portes Alejandro, Manning Robert D. (2012). The Immigrant Enclave: Theory and Empirical Examples // *The Urban Sociology Reader* / Ed. Jan Lin, Christopher Mele. Routledge: 216—227.

Russkie v Koree i korejcy na Urale: istorija i sovremennost/ Red. Antoshina A.V., Smirnova S.V., Musinova I.A. [Russians in Korea and Koreans in the Urals: History and Modernity / Ed. Antoshina A.V., Smirnova S.V., Musinova I.A.]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural. un-t., 2021, 187 p. (In Russian).

Son Zh. (2023). Korean and Chinese Settlers and Migrant Workers in the Soviet Far East (1920—1930). *The Review of Korean Studies*, Vol. 26. No 1: 173—208.

Поступила в редакцию: 17.06.2024

Принята к публикации: 24.07.2024

Received: 17.06.2024

Accepted: 24.07.2024

К.В. Шуплецова

Распространение синтоизма в Корее в колониальный период

Аннотация. В данной статье рассматривается религиозная политика Японской империи в Корее в колониальный период 1910—1945 гг. Целью японского правительства являлась ассимиляция корейского населения и укрепление культа императора, что было необходимо для сохранения контроля над населением. С этой целью генерал-губернаторство начало проводить политику подчинения религиозных организаций и установления контроля над ними, и затем повышать роль синтоизма — «исконно японской религии» — в корейском обществе. Постепенно синто утратил свою религиозную значимость и стал играть идеологическую роль как на территории Японии, так и в колониальной Корее. С 1930-х годов начинается активное строительство синтоистских храмов; школьников привлекают к проведению церемоний. Политика сопровождалась достаточно жесткими мерами и не была принята корейской молодежью так, как ожидалось.

Ключевые слова: государственное синто, религиозная политика, колониальная Корея, синтоизм, Японская империя, японский император.

Автор: Шуплецова Ксения Васильевна, аналитик Центра «Государство и религия в Азии», Институт Китая и современной Азии РАН.
ORCID: 0000-0002-1056-4788. E-mail: k.shupletsova@iccaras.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шуплецова К.В. Распространение синтоизма в Корее в колониальный период // Корееведение. 2024. № 2 (7). С. 55—64.
DOI: 10.48647/ICCA.2024.59.42.005.

К. V. Shupletsova

Spread of Shintoism in Korea During the Colonial Period

Abstract. This article examines the religious policy of the Japanese Empire in Korea during the colonial period 1910—1945. The goal of the Japanese government was to assimilate the Korean population and strengthen the cult of the emperor, which was necessary to maintain control over the population. To this end, the General-Government began to pursue a policy of subordinating and establishing control over religious organizations in order to increase the role of Shintoism (the “original Japanese religion”) in the Korean society. Gradually, Shinto lost its religious significance and began to play an ideological role both in Japan and in colonial Korea. Since the 1930s construction of Shinto shrines begun, schoolchildren got involved in ceremonies. The policy was accompanied by quite harsh measures and was not accepted by Korean youth as expected.

Keywords: State Shinto, religious policy, colonial Korea, Shintoism, Japanese Empire, Japanese emperor.

Author: Kseniya V. SHUPLETSOVA, analyst of the Center “State and Religion in Asia”, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-1056-4788. E-mail: k.shupletsova@iccaras.ru

Conflict of Interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citations: Shupletsova K.V. Rasprostranenie sintoizma v Koree v kolonial'nyj period [Spread of Shintoism in Korea During the Colonial Period]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2024, 2 (7): 55—64. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2024.59.42.005.

Японское колониальное правительство проводило политику ассимиляции корейского населения с целью превращения их в подданных Японской империи наравне с японцами. Немаловажной частью данного политического курса являлась религиозная политика, которая изначально ставила перед собой цель достичь контроля над религиозными объединениями. К 1930-м гг. колониальное правительство сменило фокус и поставило задачу распространить синтоизм среди корейского населения. До этого времени синто распространялся спорадически, усилиями переезжающих японцев, которые часто сами строили храмы и сами же ходили в них.

Задачей данной статьи является изучение механизмов распространения синтоизма на территории Кореи в период 1910—1945 гг. и целей, которых стремились достичь японское правительство в своей религиозной политике.

Синтоизм появился на Корейском полуострове задолго до XX в. Первый синтоистский храм в Корее был построен в 1678 г. японскими торговцами из пров. Цусима. Изначально он носил название храм Котохира, в 1900 г. был переименован в храм Рю:то:сан. В 1882 г. построен храм Гэндзан (Вонсан), в 1890 г. — храм Дзинсэн (Инчхон). Храмы строились для японских переселенцев, следовательно, синтоизм не распространялся среди корейцев.

Важно отметить, что изначально на территории Корейского полуострова распространялся именно храмовый синто (*дзиндзя-синто:*) — совокупность религиозных практик, осуществляемых в храме, отделенных от государственно-политического контекста. В отличие от храмового, государственный синто (*кокка синто*) являлся религиозно-политическим концептом, направленным на укрепление идеи божественности императора.

После заключения японо-корейского договора о протекторате в 1905 г. японское правительство предприняло попытку систематизировать сведения о религиозных объединениях на полуострове. В 1906 г. были опубликованы Правила распространения религии, которые регулировали принципы регистрации религиозного объединения, предоставления необходимых сведений об их главе и деятельности, однако не выделяли синтоистские храмы в отдельную привилегированную категорию [Правила распространения религии].

Японский исследователь Ямагути Коити делит распространение синто в Корею на три периода:

1) *период поддержания государственного ритуала* (1910—1925) — плавного распространения синто в Корею, не имевшего строгой государственной поддержки;

2) *период установления ритуалов для национальных подданных* (1925—1936), характеризующийся формированием основ государственного синто в Корее и строительством главного синтоистского храма Тёсэн-дзингу;

3) *период обеспечения соблюдения ритуалов для подданных* (1936—1945), когда государственное синто как идеология достигает своего пика, так как требуется мобилизация духа и сил корейского населения в военных условиях [Ямагути, 2006, с. 192].

Религиозная политика генерал-губернаторства

После подписания Договора о присоединении Кореи к Японии в 1920 г. первый генерал-губернатор Тэраути Масатакэ начал политику модернизации, которая коснулась и религиозной сферы.

В 1911 г. был принят Указ о храмах (사찰령, 寺刹令) [Указ о храмах]. Он состоял из семи статей, регулирующих работу храмов на территории Кореи. Ст. 1 регулирует и контролирует деятельность храмов. Слияние, перемещение и закрытие храмов, а также изменение их названий требовали разрешения генерал-губернатора, т. е. фактически управление храмами передавалось колониальным властям. Ст. 2 ликвидировала свободу собраний на территории храмов, чтобы не допустить там развития антияпонского движения. Ст. 3 говорила о необходимости получения разрешения на проведение ритуалов со стороны генерал-губернатора. Также взаимодействие между храмами и распорядок в них должны были получить одобрение со стороны колониальных властей. Ст. 4 регулировала полномочия настоятеля. Статьи 5 и 6 лишали храмы права собственности и устанавливали наказания для монахов. Ст. 7 создавала «безопасную зону» для максимального расширения полномочий. Прочие вопросы должны были решаться постановлением генерал-губернатора. Таким образом, Указ о храмах полностью подчинил деятельность буддийских храмов колониальным властям и лишил их какого-либо самостоятельного управления.

Было выделено 30 главных храмов (с 1924 г. — 31 храм), над которыми устанавливался полный контроль. Это было воспринято корейским обществом особенно болезненно, так как с конца XIX в. корейский буддизм переживал свое возрождение, и государственный контроль затормозил процесс его расцвета. Во многом это повлияло на рост антияпонских настроений среди буддистов.

Также правительство Японии объединило все корейские традиционные верования в категорию «псевдорелигии», или «народные верования», сведя их до ранга «суеверий», таким образом понизив их статус и обезличив их. В 1912 г. японской администрации были даны полномочия по чистке «псевдорелигий и суеверий», и постепенно традиционные корейские верования утратили вообще категорию «религия», превратившись в социальную патологию, не признаваемую метрополией. В этом можно увидеть попытку подавления корейской самости. Более того, постепенно шаманы стали рассматриваться как угроза японскому правлению, так как они часто, находясь в трансе, могли позволить себе анти-

японские высказывания на широкую публику [Sørensen, 1993, p. 55]. Таким образом, японское правительство стремилось вытеснить корейские народные верования, тем самым отдалив корейцев от своих традиций и обычаев.

В 1915 г. был принят Указ о распространении религии, который также регулировал христианство. В ст. 1 было указано, что религиями признаются «буддизм, синто и христианство» (ни слова про народные религии и конфуцианство). К христианам японское правительство относилось настороженно. В их числе преобладали американские протестантские миссии, которые имели большое влияние среди корейского населения. Также было запрещено религиозное образование и справление религиозных обрядов в школах, что подрывало деятельность иностранных миссионеров [Sørensen, 1993, p. 56].

Колониальное правительство стремилось подчинить деятельность религиозных организаций в Корее, однако не придавало особого значения распространению синтоизма. Законодательство не давало никаких привилегий синтоистским храмам и контролировало их наравне с буддийскими и христианскими объединениями. К 1920 г. в Корее насчитывалось всего 36 синтоистских храмов, и корейцы едва ли их посещали.

Начало распространения государственного синто в Корее

Первомартовское движение 1919 г. спровоцировало изменения в колониальной политике: японцы стали стремиться сократить дистанцию с корейцами посредством культуры. В том же году появился проект построения главного синтоистского храма на Корейском полуострове — Тёсэн-дзингу.

Возведение храма, который имел статус *кампэй тайся*, т. е. храма, финансирование которого осуществлялось напрямую из императорской казны, должно было стать символом государственного синто на Корейском полуострове. Однако вокруг его строительства в метрополии разгорелись споры.

Часть синтоистских монахов, которые поддерживали идею государственного синто, считали, что главный синтоистский храм в Корее должен иметь сакральную и историческую связь с корейским народом.

Успех государственного синто в Японии во многом зависел от глубокой психологической связи японцев с храмовым синтоизмом. Для синтоизма крайне важна связь между божеством и местом, в Корее же синтоистских божеств не было. В связи с этим представлялось разумным посвятить храм исконно корейским историческим или мифологическим персонажам, которым корейцы сами захотят поклоняться. В их числе был Огасавара Сёдзо, который считал, что строительство храмов, посвященных японским божествам на новой территории, является искажением синто [Сёдзо, 1926, с. 13]. Предлагалось посвятить храм в том числе и Тангуну — легендарному основателю первого корейского государства.

Однако в Японии происходили процессы, направленные на укрепление власти императора. Укреплялся его культ, поддерживаемый идеей о божественном происхождении императора. В 1921 г. в Японии было построено синтоистское

святылище, посвященное покойному императору Мэйдзи. Поэтому было принято решение, что главный синтоистский храм в Корее также будет поддерживать и укреплять идею божественности японского императора, и в конечном результате его посвятили главной богине синтоистского пантеона Аматаэрасу и ее предку — императору Мэйдзи.

Храм Тё:сэн-дзингу располагался на горе Намсан и занимал огромную территорию — порядка 500 м длиной от первых ворот *тории* до ворот главного храма, к которым вела каменная лестница через площадь, территорию залов поклонения и средние ворота. Масштаб храма должен был показать величественность и могущество Японской империи.

После возведения храма Тёсэн-дзингу в Корее стали строиться новые храмы, и к 1945 г. их насчитывалось более тысячи [Ру, 2016, р. 609]. Таким образом, синтоизм получает поддержку от колониальных властей, и к 1930 г. в Корее формируется основа для последующей «синтоизации» общества.

В 1930-е годы наступает расцвет идеологии тэнноизма (культы императора) и государственного синто в метрополии. Токио требовалась максимальная мобилизация общества и объединение подданных для реализации наступательной политики в Азии и преодоления последствий экономического кризиса 1929—1932 гг.

Перед колониальными властями встала задача укрепления и распространения политического мифа об императоре. Политика ассимиляции корейского населения подразумевала превращение его в настоящих подданных Японской империи, приносящих пользу метрополии как в тылу, так и на фронте. Японская империя понимала патриотизм как религиозную преданность императорскому роду, чему должно было способствовать государственное синто [Andersen, 2017, р. 19].

Политический миф об императоре имел очень четкие религиозные корни. Император является потомком главной богини синтоистского пантеона — Аматаэрасу-оомиками — и человеком-божеством *арахитогами*.

Ярким примером того, как воспринималось возвышение фигуры императора извне, является статья английского японоведа и филолога Б.Х. Чемберлена «Изобретение новой религии», в которой он писал, что вокруг императора создавалась новая религия, формирующая культ императора. По словам автора, «они [члены правительства] настаивали на учении синто, что император является прямым наследником местной Богини Солнца и что Он сам является живым Богом на земле, который справедливо требует абсолютной верности своих подданных. Такие вещи, как законы и конституции, являются лишь бесплатными дарами с Его стороны, а не народными правами [...]. Синтоизм, связанный с императорской семьей, единственный заслуживает уважения» [Chamberlain, 1912].

Представляется, что распространение государственного синто на территории Корейского полуострова стало важной составляющей политики ассимиляции. Подтверждением этому могут служить материалы японского генерал-губернаторства, на которые ссылается отечественный японовед Л.В. Овчинникова [Овчинникова, 2015, с. 401]. Усиливается влияние синто именно в 1930-е гг., когда Корейский полуостров особенно был необходим Японии как плацдарм для даль-

нейшего продвижения в Азии. Спротивление корейского населения, подавляемое традиционными жесткими методами — репрессиями и полицейским произволом, — продолжало существовать, и тогда японское правительство приняло решение воздействовать идеологически [Овчинникова, 2016, с. 106].

Распространение синто на территории колонии подобно тому, как распространялось христианство в европейских колониях, должно было, *во-первых*, способствовать «японизации» корейцев; *во-вторых*, стать одним из вспомогательных ресурсов для развития паназиатских идей за пределами Японии. В центре так называемой Великой восточноазиатской сферы сопроцветания должна была стать Япония вместе с ее религиозным культом, а точнее — культом императора [Суга, 1999, с. 24].

Укрепление государственного синто в Корее

После инцидента выступления молодых офицеров 15 мая 1932 г.¹ начинается ужесточение государственного синто как в метрополии, так и в Корее.

В метрополии тридцатые годы стали периодом расцвета культа императора, утверждения *кокутай* — концепции «национальной сущности» японцев, закрепляющей идеи верховенства императорской власти и самобытности японской культуры [Анзай, 2020, с.78—98].

В Японии последовательно проводилась политика культа императора. В 1890 г. был принят Императорский рескрипт о народном воспитании, который наставлял учащихся всегда следовать законам империи и лелеять доблести, заложенные императорской семьей [Императорский рескрипт о народном воспитании]. Школьники заучивали его наизусть и каждое утро хором скандировали. Данный рескрипт занял важное место в пропаганде Японской империи. Колониальные власти приняли похожую модель воздействия на молодое корейское поколение.

В корейских школах перед уроками, как и в Японии, читались клятвы императору, размещались портреты императора. Клятвы императору представляли собой краткую версию Императорского рескрипта о народном образовании, в которой корейские школьники обещали «воспитать выносливость в трудностях и прославить путь императора» [Овчинникова, 2015, с. 401].

С 1935 г. посещение синтоистских храмов для школьников становится обязательным. Они не только присутствовали во время проведения ритуалов, но и принимали активное участие в них: танцевали ритуальные танцы, помогали синтоистским священникам и т. д. Это считалось важной составляющей распростра-

¹ Попытка военного переворота группой офицеров Императорского флота Японии и кадетом Императорской армии Японии. В результате экономического кризиса и партийной нестабильности в японском обществе появился запрос на политические перемены. По плану офицеров в результате убийства премьер-министра Инукаи Цуёси и совершения переворота император должен был быть наделен неограниченной властью. Данные события повлияли на политический фон в Японской империи, был взят курс на ультра национализм и укрепление позиций императора.

нения синто. С 1936 г. школы, отказывающиеся от посещения их учащимися храмов, оказались под угрозой закрытия.

Особенно важную роль играл храм Тёсэн-дзингу, настоятель которого Такамацу Сиро одним из первых начал работу с учащимися школ. Церемонии назывались *кангаку сай* — приобщения к синтоизму. На церемонии в честь поступления в школу учащиеся благодарили императора за его благодеяния и обещали прикладывать усилия, чтобы стать достойными подданными Японской империи. В сопровождении опекунов или классного руководителя школьники приходили в храмы на церемонии, на которых присутствовали также представители колониальных властей. Поднявшись по каменным ступеням, учащиеся давали клятвы верности императору и Японской империи, а затем получали амулет *о-мамори* [Ямагути, 2014, с. 45]. Подобные церемонии часто шли вразрез с целями колониального правительства, так как отходили от тезиса о нерелигиозности храмов и приобщали к традициям храмового синтоизма [Kawase, 2017, p. 32].

Со стороны корейского населения встречалось сопротивление таким порядкам. Историк Дэ Ён Рю в своем исследовании приводит пример. В 1932 г. в Пхеньяне преподаватели христианской миссионерской школы отказались вести группу студентов в синтоистский храм, ссылаясь на религиозные убеждения. Колониальные власти предприняли попытку урегулировать данный инцидент. Главным аргументом генерал-губернаторства стало объяснение, что посещение храмов является не религиозным действием, а исключительно патриотическим и государственным событием [Ryu, 2016, p. 610].

Фактическим подтверждением распространения синтоизма в Корею стало строительство синтоистских храмов — *кайгай дзиндзя* (синтоистские храмы за границей). С 1935 г. колониальное правительство начинает массовое строительство синтоистских святилищ с целью максимально охватить всю территорию Кореи. В каждой волости должен был быть свой храм. Так к 1940-м годам их число выросло почти в пять раз [Kim, 2013, p. 287].

Среди корейцев иногда отмечался запрос на проведение повседневных ритуалов в синтоистских храмах — таких как свадьбы или моления, однако для генерал-губернаторства было важнее распространить именно государственное синто. Любовь к императору и служба государству — таковы были главные цели распространения синто в последние годы колониального правления [Kawase, 2017, p. 30]. Несогласие посещать храмовые обряды могло рассматриваться как оскорбление Его Императорского Величества, что являлось серьезным преступлением.

В военный период посещение храмов стало контролироваться больше. Корейцы посещали синтоистские храмы группами соседей, сослуживцев или одноклассников. Очевидцы писали, что корейцам приходилось на заре с флагами отправляться в синтоистские храмы на церемонии, посвященные победе в войне. Если они отказывались участвовать в церемонии, им переставали выдавать талоны на питание. Некоторые корейцы признавались, что молились в синтоистских храмах о поражении Японии в войне [Ямагути, 2014, с. 46]. Таким образом, посещение храмов корейцами по большей части оставалось необходимой формальностью и синто не стал их истинной религией.

Заключение

В попытках ассимилировать корейцев японское правительство приняло ряд мер, направленных на приобщение корейцев к японскому укладу жизни. В том числе сформировало религиозную политику и начало идеологическую обработку корейцев посредством распространения синто.

Колониальные власти начали последовательную политику установления контроля над всеми религиозными объединениями, регулировали их деятельность на территории колонии, ущемляя в правах представителей корейских народных верований — шаманов. По мере продвижения политики ассимиляции генерал-губернаторство применило в Корее механизмы распространения идеологии тэнноизма, показавшие свою эффективность на Японских островах.

Однако политика «синтоизации» не стала успешной. Poleмика, развернувшаяся среди идеологов государственного синто и исследователей идей синто в Японии, показала неоднозначность и неэффективность политики метрополии. Применение инструментов укрепления государственного синто, которые имели эффект в Японии, не приносили такого же результата в колонии. Причинами этому могло стать: 1) отсутствие психологической связи корейцев с синтоизмом и, следовательно, с фигурой императора-бога; 2) меры контроля за действиями религиозных организаций, которые часто вызывали отторжение у корейцев.

Подтверждением провала политики распространения синто является волна разрушений и поджогов синтоистских храмов на территории Корейского полуострова. 15 августа 1945 г., сразу после капитуляции Японии, был сожжен синтоистский храм в Пхеньяне, а в период с 16 по 18 августа того же года было разрушено 136 храмов [Ямагути, 2014, с. 47].

В колониях, где изначально не было храмового синтоизма, государственный синто сталкивался с сопротивлением. Действуя через угрозы (закрытия школ, лишения продовольствия), колониальное правительство Японии не смогло добиться желаемых результатов, а синтоистские храмы стали символом колониального гнета на Корейском полуострове.

Библиографический список

Императорский рескрипт о народном воспитании, 1890. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Рескрипт_императора_Японии_\(1890\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Рескрипт_императора_Японии_(1890)) (дата обращения: 27.05.2024).

Овчинникова Л.В. Внедрение прояпонских настроений в колониальной Корее во второй половине 30-х гг. XX века. (По страницам служебных изданий японского генерал-губернаторства) // История и культура Японии. Материалы 17-й ежегодной конференции «История и культура Японии», 2015. С. 396—403.

Овчинникова Л.В. Политико-идеологическая обработка корейского населения японской колониальной администрацией // Корейский полуостров в эпоху перемен. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 104—113.

Chamberlain B.H. The Invention of a New Religion. 1912 URL: <https://www.gutenberg.org/files/2510/2510-h/2510-h.htm> (дата обращения: 10.02.2024).

Kim Kwang-Ok. Colonial Body and Indigenous Soul: Religion as a Contested Terrain of Culture // Colonial Rule and Social Change in Korea 1910—1945. University of Washington Press, 2013. Pp. 264—313.

Andersen E. Introduction: Empire of Religions: Exploring Belief and Practice in Imperial Japan and Colonial Korea // Belief and Practice in Imperial Japan and Colonial Korea. Palgrave Macmillan Singapore, 2017. Pp. 17—28.

Kawase Takaya. State Shinto Policy in Colonial Korea // Belief and Practice in Imperial Japan and Colonial Korea. Palgrave Macmillan Singapore, 2017. Pp. 19—37.

Ryu Dae Young. Missionaries and Imperial Cult: Politics of the Shinto Shrine Rites Controversy in Colonial Korea // Diplomatic History, Vol. 40, No. 4, 2016. Pp. 606—634.

Sørensen H.H. The Attitude of the Japanese Colonial Government Towards Religion in Korea (1910—1919) // Copenhagen Papers, Vol. 8, 1993. Pp. 49—69.

사찰령 (寺刹令) [Указ о храмах] // 한국민족문화대백과사전 [Энциклопедия корейской народной культуры]. URL: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0025985> (дата обращения: 10.02.2024). (На кор.).

安西 敏三. 昭和精神史における平生飢三郎 一機関説・学制改革・国体論— [Анзай Тосимицу. Хирао Хатисабуро в психоистории Сёва: теория органа, образовательная реформа, дискуссия о термине кокутай] // 甲南法学, 2020. 124 с. (На яп.)

山口 公一. 植民地朝鮮における神社政策と朝鮮社会. 博士論文 [Ямагути, Коити. Храмовая политика в колониальной Корее и корейское общество. Диссертация]. 一橋大学, 2006. 830 с. (На яп.)

山口 公一. 敗戦直後の海外神社—朝鮮の神社を例に— [Ямагути Коити. Храмы зарубежом сразу после поражения в войне: на примере храмов в Корее] // アジア学科年報, 2014. С. 43—51. (На яп.)

宗教ノ宣布ニ関スル規則 [Правила распространения религии], 1906. URL: <https://www.jrpkc.org/2c9q5bm96a51y/宗教ノ宣布ニ関スル規則@0069~0075> (дата обращения: 27.05.2024). (На яп.)

小笠原 省三. 朝鮮神宮を拝して内鮮両民族の将来に及ぶ. [Огасавара Сёдзо. Паломничество к храму Тё:сэн-дзингу и размышления о будущем народов Кореи и Манчжурии] // 顕彰日本社, 1926. 31 с. (На яп.)

菅 浩二. 朝鮮神宮御祭神論争」再解釈の試み: 神社の<土着性>とモダニズムの観点から [Суга, Кодзи. Попытка по-новому интерпретировать полемику по поводу закрепленных божеств Тё:сэн-Дзингу: взгляд на современные и коренные факторы синтоистских святыниц] // 宗教と社会 5 (0), 1999. С. 21—38. (На яп.)

References

Andersen E. (2017). Introduction: Empire of Religions: Exploring Belief and Practice in Imperial Japan and Colonial Korea. // Belief and Practice in Imperial Japan and Colonial Korea. Palgrave Macmillan Singapore: 17—28.

Chamberlain B.H. (1912). The Invention of a New Religion. URL: <https://www.gutenberg.org/files/2510/2510-h/2510-h.htm> (accessed: 10 February, 2024).

Imperatorskij reskript o narodnom vospitanii [Imperial Rescript on Public Education], 1890. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Рескрипт_императора_Японии_\(1890\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Рескрипт_императора_Японии_(1890)) (accessed: 27 May, 2024). (In Russian).

Kawase Takaya (2017). State Shinto Policy in Colonial Korea. *Belief and Practice in Imperial Japan and Colonial Korea*. Palgrave Macmillan Singapore: 19—37.

Kim Kwang-Ok (2013). Colonial Body and Indigenous Soul: Religion as a Contested Terrain of Culture. *Colonial Rule and Social Change in Korea 1910—1945*. University of Washington Press: 264—313.

Ovchinnikova L.V. (2015). Vnedreniye proyaponskikh nastroyeniy v kolonialnoy Koreye vo vtoroy polovine 30-kh gg. XX veka. (Po stranitsem sluzhebnykh izdaniy yaponskogo general-gubernatorstva) [The introduction of pro-Japanese sentiments in colonial Korea in the second half of the 30s. XX century. (According to the official publications of the Japanese General Government)]. *Istoriya i kultura Yaponii. Materialy 17-oy ezhegodnoy konferentsii "Istoriya i kultura Yaponii"* [History and Culture of Japan. Proceedings of the 17th Annual Conference "History and Culture of Japan"]. Moscow: Institut vostochnykh kul'tur i antichnosti RGGU: 396—403. (In Russian).

Ovchinnikova L.V. (2016). Politiko-ideologicheskaya obrabotka koreyskogo naseleniya yaponskoy kolonialnoy administratsiyey [Political and ideological indoctrination of the Korean population by the Japanese colonial administration]. *Koreyskiy poluostrov v epokhu peremen* [Korean Peninsula in the Epoch of Changes]. Moscow: IDV RAN: 104—113. (In Russian).

Sørensen H.H. (1993). The Attitude of the Japanese Colonial Government Towards Religion in Korea (1910—1919). *Copenhagen Papers*, Vol. 8: 29—69.

사찰령 (寺刹令) (Sachallyeong, jisatsurei) [Temple Decree]. 한국민족문화대백과사전 (Hanguk Minjok Munhwa Daebaekgwaja Sajeon). [Encyclopedia of Korean Culture]. URL: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0025985> (accessed: 10 February, 2024). (In Korean).

安西敏三(2022). 昭和精神史における平生鈞三郎一機関説・学制改革・国体論一 (Anzai Toshimitsu. Showa seishinshi-ni okeru Hirao Hachisaburo: kikansetsu, gakusei kaikaku, kokutairon) [Hirao Hachisaburo in Showa Psychohistory: Organ Theory, Educational Reform, Discussion on Kokutai]. *Konan hogaku*, 124 p. (In Japanese)

山口公一(2006). 植民地期朝鮮における神社政策と朝鮮社会. 博士論文. (Yamaguchi Kōichi. Shokuminchi-ki Chōsen ni okeru jinja seisaku to Chōsen shakai. Hakushironbun) [Shrine policy and society in colonial Korea, PhD diss.]. Hitobashi daigaku, 830 p. (In Japanese).

山口公一(2014). 敗戦直後の海外神社—朝鮮の神社を例に— (Yamaguchi Kōichi. Haisen chyokugo-no kaigai jinjya: Chosen-no jinjya wo rei ni) [Overseas shrines immediately after the Defeat in War: In the case of shrine in Korea]. *The annals of the Department of Asian Studies*: 43—51. (In Japanese)

宗教ノ宣布ニ関スル規則 (Shyukyō no senbu ni kansuru kisoku) [The rules of spreading religion]. URL: <https://www.jrpkc.org/2crq5bm96a51y/宗教ノ宣布ニ関スル規則@0069-0075> (accessed: 27 May, 2024). (In Japanese).

小笠原省三(1926). 朝鮮神宮を拝して内鮮両民族の将来に及ぶ (Ogasawara Shōzo. Chōsenjingū o hai shite naisen ryōminzoku no shōrai ni oyobu) [Pilgrimage to the Chosen-jingu Shrine and reflections on the future of the peoples of Korea and Manchuria]. *Kenshō Nihon-sha*, 31 p. (In Japanese).

菅浩二(1999). 朝鮮神宮御祭神論争」再解釈の試み：神社の<土着性>とモダニズムの視点から (Suga, Koji. Chōsenjingū gosaishin ronsō' sai kaishaku no kokoromi: Jinja no < dochaku-sei > to modanizumu no shiten kara) [An Attempt for Re-interpreting the Controversy on Enshrined Deities of Chosen-Jingu: A Perspective of Modern and Indigenous Factors of Shinto Shrines]. *Religion and Society*, Vol. 5, No.0: 21—38. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 10.02.2024
Принята к публикации: 20.04.2024

Received: 10.02.2024
Accepted: 20.04.2024

К. В. Асмолов

Комментарии по поводу заключения Договора о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между РФ и КНДР

Аннотация. По итогам визита президента России В. В. Путина в Северную Корею был заключен Договор о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между РФ и КНДР, значение которого выходит за рамки двусторонних отношений и оказывает влияние на архитектуру региональной безопасности. В представленной статье изложены события, предшествующие заключению Договора, проанализирована его суть, в первую очередь разделы о вероятном военном сотрудничестве, вызывавшие ажиотаж со стороны «международного сообщества». Показано, что новый Договор не столько потворствует напряженности на Корейском полуострове, сколько снижает ее.

Помимо этого, дана характеристика иных подписанных соглашений и оценка последующего сотрудничества двух стран, а также сотрудничества в треугольнике Москва—Пекин—Пхеньян, уделено внимание тому, как заключение Договора повлияет на межкорейскую политику КНДР. Рассмотрена реакция на Договор, включающая осложнение отношений РФ и РК, а также их дальнейшие перспективы.

Во-первых, Договор существенно укрепил сотрудничество между двумя ядерными державами, которых коллективный Запад стремится занести в «страны-изгои». *Во-вторых*, его опасность, о которой говорит коллективный запад, для существующей архитектуры безопасности преувеличена. Статья Договора о военном сотрудничестве двух стран скорее сдерживает напряженность, чем поощряет ее, а открытого игнорирования санкций СБ ООН не случилось. Теперь многое зависит от ответных действий США и РК, которые определяют, в какой мере региональная напряженность будет увеличиваться.

Ключевые слова: Договор о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве, отношения РФ и КНДР, отношения РФ и РК, безопасность в СВА.

Автор: Асмолов Константин Валерианович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр корейских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0003-1584-2748.
E-mail: asmolov@iccaras.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Асмолов К.В. Комментарии по поводу заключения Договора о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между РФ и КНДР // Корееведение. 2024. № 2 (7). С. 65—83. DOI: 10.48647/ICCA.2024.75.55.006.

K. V. Asmolov

Comments on the Conclusion of the Comprehensive Strategic Partnership Treaty between the Russian Federation and the DPRK

Abstract. Following the visit of Russian President Vladimir Putin to North Korea, a Comprehensive Strategic Partnership Treaty between the Russian Federation and the DPRK was signed. This event goes beyond bilateral relations and impacts the regional security architecture. This article examines the events leading up to the treaty's conclusion and analyzes its core aspects, especially sections on potential military cooperation, which have caused considerable concern within the “international community.” It demonstrates that the new Treaty reduces rather than exacerbates tensions on the Korean peninsula.

Additionally, the article outlines other agreements signed and assesses subsequent cooperation between the two countries, including within the Moscow—Beijing—Pyongyang triangle. It explores how the Treaty will affect the DPRK's policy towards South Korea. The reactions to the Agreement, including the complications in relations between the Russian Federation and the Republic of Korea and their future prospects, are also considered.

On one hand, the Treaty has significantly strengthened cooperation between the two nuclear powers, which the collective West seeks to label as “rogue states.” On the other hand, the perceived threat to the existing security architecture is overstated. The article on military cooperation between the two countries restrains tension rather than encourages it, and there was no blatant disregard for UN Security Council sanctions. Much now depends on the response of the United States and the Republic of Korea, which will determine the extent to which regional tensions will escalate.

Keywords: Comprehensive Strategic Partnership Agreement, relations between the Russian Federation and the DPRK, relations between the Russian Federation and the ROK, security in the NEA.

Author: Konstantin V. ASMOLOV, PhD (History), leading researcher, Center for Korean Studies, Institute of China and Contemporary Asia, RAS. ORCID: 0000-0003-1584-2748. E-mail: asmolov@iccaras.ru

Conflict of Interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citations: Asmolov K.V. Kommentarii po povodu zaklyucheniya Dogovora o vseob'emlyushchem strategicheskom partnyorstve mezhdu RF i KNDR [Comments on the Conclusion of the Comprehensive Strategic Partnership Treaty between the Russian Federation and the DPRK]. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2024, 2 (7): 65—83. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2024.75.55.006.

Заклученный в ходе визита президента РФ Владимира Путина в КНДР Договор о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между двумя странами стал важным событием не только в отношениях Москвы и Пхеньяна, но и с точки зрения формирования новой глобальной архитектуры безопасности. Представленный материал анализирует как содержание Договора, так и его предпосылки, и вероятные последствия.

Предыстория ситуации

Визит президента РФ в КНДР в 2000 г. был частью «поворота на Восток» и вместе с эпохальной встречей Ким Чен Ына и Ким Дэ Чжуна заложил основу для международного признания Северной Кореи. Однако в 2002—2003 гг. начался продолжающийся до сих пор второй виток ядерного кризиса, после чего отношения двух стран вынужденно охладели. Россия всегда понимала причины, которые побуждают Северную Корею вступить в ядерный клуб, однако тогда традиционный миропорядок был важнее, а он строился на авторитете ООН и на принципах ядерного нераспространения, когда атомное оружие формально должно быть только у «Большой пятёрки».

Поэтому концепция «если Северная Корея делает шаг в сторону развития ядерной программы, она получает дополнительные санкции СБ ООН» до определённого времени не подвергалась сомнению, хотя серьёзное ужесточение санкций случилось только в 2016—2017 гг., когда Северная Корея за два года провела три ядерных испытания, включая испытания водородной бомбы. На том этапе за санкции проголосовали все, включая Китай.

В 2018 г. случилось так называемое олимпийское потепление, следствием которого были определённые подвижки на межкорейском направлении и известные саммиты Ким Чен Ына и Дональда Трампа. Основой для данного движения навстречу друг другу во многом стал односторонний добровольный мораторий КНДР на ядерные испытания (который длится до сих пор) и пуски МБР (прекращены в 2022 г.).

Несмотря на протянутую руку Севера, адекватного ответа КНДР не получила, и в начале 2020-х Москва и Пекин начали говорить о том, что плохое поведение должно наказываться, но хорошее — вознаграждаться и уровень санкционного давления должен быть соразмерен поведению Пхеньяна. Однако Соединённые Штаты отвергли российские предложения: дескать, отсутствие плохого поведения не доказывает наличия хорошего.

Отметим и роль СВО. *Во-первых*, после ее начала очень многие приемы демонизации Северной Кореи начали применяться и в отношении России, ставя Москву и Пхеньян на одну доску. *Во-вторых*, Северная Корея, которая и ранее одной из первых признала Крым¹, стала одной из немногих стран, которые решительно поддержали Москву на украинском направлении. *В-третьих*, так называемая глобальная турбулентность началась существенно раньше СВО, но последняя прибавила ей амплитуды, окончательно обозначив возвращение к эпохе блоков. При этом складывающийся треугольник Вашингтон — Токио — Сеул после соглашений в Кэмп-Дэвиде осенью 2023 г. [Full text of 'Camp David Principles'...] вполне эволюционирует в азиатское НАТО, при том что договоренность о военной помощи между США и РК существует с Договора о взаимной обороне 1953 г. [Mutual Defense Treaty].

¹ КНДР назвала легитимным присоединение Крыма к России // РБК. 12.10.2017. URL: http://www.rbc.ru/politics/12/10/2017/59df8b1f9a794702b4d6bda2?from=materials_on_subject (дата обращения: 05.05.2020).

Для сравнения, в гипотетическом треугольнике Москва—Пекин—Пхеньян до визита Владимира Путина в КНДР договор, который предполагает военную помощь, существовал только между КНР и КНДР¹, причем трактовки этого договора варьировались в зависимости от состояния отношений двух стран. Аналогичный договор СССР и КНДР 1961 г. [Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи...] прекратил свое действие при Ельцине.

При этом складывание нового союза обосновывалось и оправдывалось тайным сотрудничеством Москвы и Пхеньяна, хотя в лучшем случае это были косвенные улики, в худшем — откровенная пропаганда, построенная на крайне сомнительных источниках.

В итоге благодаря дилемме безопасности мы получили то, что Роберт Мертон называет «эффектом самосбывающегося пророчества», согласно которому «публичные определения ситуации (пророчества или предсказания) становятся неотъемлемой частью ситуации и тем самым влияют на последующие события» [Merton, 1948, p. 195].

На этом фоне политика России начала меняться: на попытки увеличить уровень санкционного давления наложили вето², а в СМИ появились статьи российских экспертов, где говорилось, что присоединение России к санкциям, возможно, было ошибкой³. Репрессивные меры не остановили темп развития ядерной программы, но при этом существенно снизили уровень жизни рядовых граждан; впрочем, классическая цель санкций заключается обычно именно в этом — добиваться смены режима через ухудшение экономического положения масс.

Затем, в сентябре 2024 г., председатель государственных дел КНДР Ким Чен Ын приезжает в Россию и после встречи с президентом РФ устраивает тур по военным объектам в качестве серьёзной демонстрации того, как может развиваться сотрудничество Пхеньяна и Москвы, если западный курс продолжится.

Следующими важными шагами были предложения пересмотреть санкционный режим, не допуская его автоматического продления, и вето марта 2024 г. на продление мандата группы экспертов⁴, которая должна была следить за санкционным режимом, но к этому времени превратилась в команду ангажированных лиц, некритически использовавших сообщения желтой прессы.

¹ 中华人民共和国和朝鲜民主主义人民共和国友好合作互助条约 (Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Китайской Народной Республикой и Корейской Народной-Демократической Республикой) // Baidu. URL: <https://baike.baidu.com/item/中华人民共和国和朝鲜民主主义人民共和国友好合作互助条约/1282702> (дата обращения: 09.07.2024).

² Вето в Совете Безопасности — СССР/Российская Федерация. URL: https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/veto-ussr_russia; РФ и Китай наложили вето в СБ ООН на резолюцию о санкциях против КНДР. Известия, 26 мая 2022 г. URL: <https://iz.ru/1340667/2022-05-26/rf-i-ki-tai-nalozhili-veto-v-sb-oon-na-rezoliutciiu-o-sanktsiiakh-protiv-kndr> (дата обращения: 09.07.2024).

³ Жебин А.З. Москве пора решать, что делать с санкциями в отношении КНДР // Независимая газета. 12.03.2023. URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2023-03-12/9_8677_dilemma.html (дата обращения: 09.07.2024).

⁴ РФ в СБ ООН заветировала продление мандата группы экспертов по санкциям в отношении КНДР // ТАСС. 28.03.2024. URL: <https://tass.ru/politika/20384635> (дата обращения: 09.07.2024).

Одновременно между двумя странами усилилась дипломатическая и иная активность: делегации на уровне заместителей министров и выше (в том числе представители Министерства сельского хозяйства, МЧС и иных силовых структур) ездили в Россию практически каждую неделю. По-видимому, в ходе визитов и прорабатывались конкретные детали тех соглашений, которые были в итоге подписаны в Пхеньяне.

Во время визита в РФ Ким Чен Ын пригласил Владимира Путина посетить Северную Корею, однако было ясно, что визит состоится после переизбрания президента РФ, первым зарубежным визитом которого все-таки будет визит в Китай. Но второй страной стала КНДР.

В преддверии визита Владимир Путин опубликовал статью в центральной северо-корейской газете «Нодон синмун». Для КНДР это очень редкая практика, но куда важнее для автора содержание статьи: визит президента РФ был позиционирован как элемент построения не только двусторонних отношений, но и некоего нового мирового порядка, базирующегося на справедливости и противопоставленного американскому «порядку, основанному на правилах», который был назван «новым неокOLONиализмом». Пхеньян же был назван «убеждённым единомышленником и сторонником Москвы, готовым решительно противостоять стремлению коллективного Запада воспрепятствовать становлению многополярного миропорядка, основанного на справедливости, взаимном уважении суверенитета, учёте интересов друг друга»¹; отмечалось, что Россия поддерживала и будет поддерживать КНДР в борьбе с «коварным, опасным и агрессивным врагом»².

В целом обсуждаемые направления двух стран были интуитивно понятны по сопровождавшим президента России лицам: министр иностранных дел Сергей Лавров, первый заместитель председателя правительства Денис Мантуров, заместитель председателя правительства Александр Новак, министр обороны Андрей Белоусов, заместитель министра обороны Алексей Криворучко, министр здравоохранения Михаил Мурашко, глава Министерства транспорта Роман Старовойт, глава Роскосмоса Юрий Борисов, глава ОАО «Российские железные дороги» Олег Белозёров, министр природных ресурсов и экологии, председатель российской стороны межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству КНДР и РФ Александр Козлов, министр здравоохранения Михаил Мурашко, губернатор Приморья Олег Кожемяко и др.

Что касается хода визита, то, помимо высокого уровня приема, отметим несколько важных для автора моментов.

- Визит имел наиболее высокий статус «государственного».
- Хотя борт номер один прибыл в пхеньянский аэропорт Сунан на несколько часов позже, чем планировалось, Ким Чен Ын лично ожидал в аэропорту прибытия В.В. Путина.

¹ Россия и КНДР: традиции дружбы и сотрудничества сквозь года // ЦТАК. 18.06.2024. URL: <http://kcpa.kp/ru/article/q/904d568863da758180e721aee779e890.kcmsf> (дата обращения: 09.07.2024).

² Россия и КНДР: традиции дружбы и сотрудничества сквозь года // ЦТАК. 18.06.2024. URL: <http://kcpa.kp/ru/article/q/904d568863da758180e721aee779e890.kcmsf> (дата обращения: 09.07.2024).

- Официальная церемония встречи прошла на площади имени Ким Ир Сена в центре Пхеньяна при большом стечении народа.
- Переговоры лидеров один на один длились больше, чем общие.

Военно-политическая составляющая Договора о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве и межкорейская политика КНДР

Бессрочный Договор [Договор о всеобъемлющем стратегическом...] состоит из 23 статей, большая часть которых являются стандартными для подобных базовых соглашений между двумя странами. Речь идёт о сотрудничестве в области науки, техники и культуры, о поддержке изучения языков и культуры двух стран, сотрудничестве в деле обеспечения прав граждан, борьбе с общими угрозами и т. п.

В одной из статей, предшествовавших визиту, автор отметил, что одним из его итогов может быть подписание между двумя странами нового договора, в котором возможен военно-политический раздел¹, и реальность подтвердила его ожидания.

Ст. 4 Договора гласит: «В случае если одна из Сторон подвергнется вооружённому нападению со стороны какого-либо государства или нескольких государств и окажется таким образом в состоянии войны, то другая Сторона незамедлительно окажет военную и иную помощь всеми имеющимися в её распоряжении средствами в соответствии со статьёй 51 Устава ООН и согласно законодательству Корейской Народно-Демократической Республики и Российской Федерации». Кроме того, в ст. 8 указано, что «Стороны создают механизмы по проведению совместных мероприятий в целях укрепления обороноспособности в интересах предотвращения войны и обеспечения регионального и международного мира и безопасности». Ясный намёк на возможность как минимум совместных военных учений.

Как можно заметить, текст ст. 4 Договора-2024 почти идентичен ст. 1 Договора-1961: «В случае если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется вооружённому нападению со стороны какого-либо государства или коалиции государств и окажется таким образом в состоянии войны, то другая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет военную и иную помощь всеми имеющимися в ее распоряжении средствами» [Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи...].

На Западе это породило заявления о том, что статья «может рассматриваться как гарантирующая автоматическое военное вмешательство в случае агрессии против любой из стран. Это означало бы восстановление альянса времен холодной войны впервые за 28 лет»². Хотя в Договоре о взаимной обороне РК и США 1953 г. — точно такие же гарантии.

¹ Асмолов К.В. Северная Корея ждёт Путина. // Независимая газета. 03.06.2024. URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2024-06-02/9_9020_visit.html (дата обращения: 09.07.2024).

² N. Korea opens party plenary meeting with leader Kim in attendance // Yonhap News. June 29, 2024. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240629000400315> (дата обращения: 09.07.2024).

На Западе и в РК распространено мнение, что заключение Договора увеличит чувство вседозволенности Пхеньяна и, чувствуя за спиной поддержку Москвы, он увеличит «количество и масштаб провокаций». Тем более что незадолго до подписания Договора в 2024 г. вышла книга американского аналитика Энни Якобсен *Nuclear War: A Scenario* [Jacobsen, 2024], где описывается следующий сценарий ядерной войны: Ким Чен Ын по неустановленной причине (автора книги это откровенно не волнует) внезапно атакует США своими МБР, Соединенные Штаты отвечают, но ракеты летят через Полярный круг и потенциально через территорию России; Россия, отметив ракеты, летящие в ее сторону, воспринимает это как нападение, наносит свой удар. Итог: третья мировая война с 2 млрд жертв и непригодным для жилья Северным полушарием. Звучит кинематографично, но у автора остался вопрос: что же должно случиться до того, чтобы Северная Корея атаковала континентальную территорию США? Руководство Северной Кореи, несмотря на агрессивную риторику и стиль дипломатических заявлений, состоит из достаточно прагматичных политиков.

Автоматического вмешательства Договор, однако, не гарантирует, ибо, *во-первых*, помощь осуществляется не по щелчку пальцев первого лица, а в соответствии с законодательством двух стран, а *во-вторых*, для нее требуется «состояние войны», и это довольно важный момент. Потому что военный конфликт и объявленная война, как показывает опыт СВО, — не тождественные ситуации. Затем, между Северной и Южной Кореей действует соглашение о прекращении огня, и, если он возобновится, — об этом нужно будет объявлять. Понятно, что это открывает определенную серую зону, но с формальной точки зрения ст. 4 касается именно ситуации объявленной войны.

А для преддверия конфликта существует ст. 3: «Стороны сотрудничают друг с другом в целях обеспечения прочного регионального и международного мира и безопасности. В случае возникновения непосредственной угрозы совершения против одной из Сторон акта вооружённой агрессии Стороны по требованию одной из Сторон незамедлительно задействуют двусторонние каналы для проведения консультаций с целью координации своих позиций и согласования возможных практических мер по оказанию помощи друг другу для содействия устранению возникшей угрозы». Таким образом, в случае гипотетического желания пойти на более решительные действия, Пхеньян должен будет согласовать их с Москвой.

И здесь у нас есть важный пример из прошлого в виде реакции СССР на ситуацию с захватом КНДР американского шпионского судна «Пуэбло» и последующим обострением (желающим узнать об этом инциденте подробнее рекомендуем статью В.П. Ткаченко в журнале «Проблемы Дальнего Востока» [Ткаченко, 2008, с. 82—102]): после того как 30 января 1968 г. КНДР официально обратилась с предложением немедленно оказать ей военную и иную помощь сообразно Договору, МИД СССР выставил четыре ограничения на вмешательство:

1) КНДР должна быть объектом агрессии, не спровоцированной ее собственными действиями (т. е. СССР готов защищать ее, но не потворствовать «второй попытке объединить нацию»);

2) нападение не должно иметь отношение к проблеме объединения страны интересами (т. е. Москва четко дистанцировалась от участия в межкорейском конфликте);

3) помощь оказывается не мгновенно, а после проведения консультаций (т. е. предварительного расследования);

4) вмешательство не является следствием действий третьей страны (т. е. если КНДР начинает войну во исполнение обязательств по отношению к Китаю, СССР ни при чем) [История Кореи..., с. 377]. В результате отношения двух стран ухудшились, но эскалация напряженности тоже прекратилась.

Что же до поставок оружия, то Советский Союз стремился поставлять КНДР только такое вооружение, которое позволяло бы успешно сопротивляться агрессии, но не начинать ее самим [Ткаченко, 2000, с. 152—153].

В результате для ситуации на Корейском полуострове заключение Договора является не обостряющим, а сдерживающим фактором с учетом того, что для быстрой и решительной победы по военно-стратегическим соображениям каждая из сторон будет использовать ЯО. Северной Корее надо нанести врагу неприемлемый урон, атаковав ядерным оружием крупнейшие логистические узлы в Южной Корее и Японии, а также нанести демонстративный удар по континентальной территории США, после которого при любом последующем итоге Вашингтон не сможет заявить о «чистой победе». Соединенным Штатам тоже проще уничтожить подземные коммуникации и военные объекты Севера ядерным оружием, потому что даже крылатых ракет может не хватить.

Допустить эскалацию до третьей мировой не хотят обе стороны конфликта, и потому ситуация на полуострове скорее будет развиваться сообразно паттерну холодной войны: гонка вооружений, демонстрация силы и воинственные заявления, но не более. Возможны мелкие инциденты из-за неверно интерпретированных сигналов, но красную линию не рискнет переходить никто.

Тем более что заключение Договора сформировало своего рода равновесную конструкцию. Соединённые Штаты имеют похожие договоренности с Японией и РК. Теперь аналогичные обязательства существуют и между Пхеньяном и Москвой, и между Пхеньяном и Пекином в соответствии с китайско-северокорейским Договором 1961 г.

К этому следует добавить и изменение политики Пхеньяна на межкорейском направлении. До 1972 г. согласно Конституции столицей КНДР считался Сеул, находящийся на временно оккупированной территории [Конституция..., с. 28]. Но уже к 1980 г. в КНДР понимали, что силового объединения не будет, предлагая концепцию так называемой Демократической Конфедеративной Республики Корё под лозунгом «Одна страна, одна нация, две системы». В РК же всегда говорили не про объединение, а про воссоединение. Ст. 3 современной Конституции РК указывает, что территория страны распространяется на Корейский полуостров и принадлежащие ему острова [Constitution of the Republic of Korea], а в структуре государственного управления существует «управление пяти провинций», которое формально осуществляет юрисдикцию на отторгнутых территориях¹.

¹ 이북5도위원회 [Управление пяти северных провинций]. URL: <http://www.ibuk5do.go.kr> (дата обращения: 08.04.2024).

«Олимпийское потепление» 2018 г., по мнению автора, окончательно показало, что даже у прогрессивной администрации Мун Чжэ Ина нет реального желания идти навстречу¹, и их формально более мягкая позиция по северокорейскому направлению во многом определяется логикой фракционной борьбы. Если консерваторы декларируют жесткий курс в отношении Севера, демократы должны вести себя иначе.

В результате на декабрьском пленуме 2023 г. лидер КНДР заявил, что КНДР и Республика Корея окончательно стали друг для друга «враждебными государствами», их отношения перестали определяться принадлежностью к одному народу и мирное объединение Корейского полуострова больше не считается возможным. Тренд получил развитие на январской сессии ВНС КНДР 2024 г, где, по словам Ким Чен Ына, «положили конец 80-летним межкорейским отношениям и по-новому законодательно закрепили политику по делам с Южной Кореей на основе признания двух государств, сосуществующих на Корейском полуострове»². С точки зрения автора, таким образом КНДР убрала онтологическую причину для силового объединения со своей стороны.

Более того, если мы посмотрим на военные приготовления северян на текущий момент, то видно, что они возводят минные поля и оборонительные сооружения³, разбирают железные дороги⁴, ведущие к ДМЗ, — это подготовка к оборонительной, а не наступательной войне, что подтверждает предположения автора.

Останется лишь проблема, которая запускает порочный круг в рамках дилеммы безопасности. Северокорейская ракета с гиперзвуковым глайдером долетает от Пхеньяна до Сеула за минуту, да и в целом арсенал средств доставки (свой аналог «Искандера», свой аналог АТАСМС, боевой железнодорожный ракетный комплекс, крупнокалиберное РСЗО, которое фактически стреляет ракетами малой дальности, и т. д.) не позволяет ПРО РК эффективно перехватывать большинство ракет. В результате южнокорейские военные резонно делают ставку на превентивный удар, что на Севере обоснованно воспринимают как подготовку к агрессивной войне, а связанную с этим риторику — исключительно как оправдание агрессивных замыслов. Тем более что в случае удара формально конфликт инициирует именно та сторона, которая его нанесла.

Но и здесь военное сотрудничество Москвы и Пхеньяна может сыграть сдерживающую роль, если благодаря российской помощи у Пхеньяна будет возможность более квалифицированно наблюдать за действиями противника.

¹ См. подробнее: *Асмолов К.В.* Изменения межкорейской политики КНДР и РК и перспективы развития ситуации на полуострове // Проблемы Дальнего Востока (готовится к печати).

² Уважаемый товарищ Ким Чен Ын выступил с программной политической речью на X сессии ВНС КНДР четырнадцатого созыва // ЦТАК. 16 января 2024 г. URL: <http://kcna.kp/ru/article/q/f4bf631617198851f067bd66d7f48d18.kcmsf> (дата обращения: 09.07.2024).

³ N. Korean military's construction activities spotted inside DMZ: source// Yonhap News. 15.04.2024. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240615000900320>(дата обращения: 09.07.2024).

⁴ Север демонтирует восточный участок межкорейской железной дороги // Международное радио Кореи. 05.06.2024. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=78220 (дата обращения: 09.07.2024).

Невоенные аспекты Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве и иных подписанных соглашений

Неверные интерпретации коснулись на Западе и ст. 5: «Каждая из Сторон обязуется не заключать с третьими государствами соглашения, направленные против суверенитета, безопасности, территориальной неприкосновенности, права на свободный выбор и развитие политической, социальной, экономической и культурной систем и других ключевых интересов другой Стороны, а также не принимать участие в таких действиях. Стороны не допускают использования своей территории третьими государствами в целях нарушения суверенитета, безопасности, территориальной неприкосновенности другой Стороны» [Договор о всеобъемлющем стратегическом...]. Как видно из текста, это не означает разрыва отношений Москвы и Сеула, хотя на антипхеньянскую пропаганду на территории РФ действительно накладывается запрет. Южнокорейские «правозащитники» перестанут читать лекции в российских университетах об «инфернальном режиме КНДР», но никаких более серьёзных последствий быть не должно.

Взволновала «международное сообщество» и ст. 16, которая была воспринята как отказ Москвы исполнять санкционные резолюции СБ ООН: «Стороны противодействуют применению односторонних принудительных мер, в том числе экстерриториального характера, и считают их введение незаконным и противоречащим Уставу ООН и нормам международного права. Стороны координируют усилия и взаимодействуют в целях поддержки многосторонних инициатив, направленных на исключение практики применения таких мер в международных отношениях. <...>

Стороны воздерживаются от присоединения к односторонним принудительным мерам или поддержки таких мер любой третьей стороны, если такие меры затрагивают или направлены прямо или косвенно на одну из Сторон, физических и юридических лиц такой Стороны или их собственность, находящуюся под юрисдикцией такой третьей стороны, товары, происходящие из одной Стороны, предназначенные для другой Стороны, и (или) работы, услуги, информацию, результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них, предоставляемые поставщиками другой Стороны.

В случае если в отношении одной из Сторон вводятся односторонние принудительные меры любой третьей стороной, Стороны предпринимают практические усилия для снижения рисков, устранения или минимизации прямого и косвенного воздействия таких мер на взаимные экономические связи, физических или юридических лиц Сторон или их собственность, находящуюся в юрисдикции Сторон, товары, происходящие из одной Стороны, предназначенные для другой Стороны, и (или) работы, услуги, информацию, результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них, предоставляемые поставщиками Сторон. Стороны также предпринимают шаги по ограничению распространения информации, которая может быть использована такой третьей стороной для введения и эскалации таких мер» [Договор о всеобъемлющем стратегическом...].

В статье российского лидера также отмечалось, что «планируется развивать альтернативные, неподконтрольные Западу механизмы торговли и взаимных расчетов, совместно противостоять нелегитимным односторонним ограничениям, выстраивать архитектуру равной и неделимой безопасности в Евразии», а равно «развивать гуманитарное взаимодействие — активизировать академические обмены, нарастить взаимные туристические поездки, культурные, молодёжные, образовательные и спортивные обмены»¹.

На взгляд автора, речь идет об «односторонних» мерах, под которыми понимаются санкции, вводимые третьими странами в дополнение к международным. Прямого указания на то, что Договор отменяет санкции СБ ООН, за которые Россия голосовала в 2016—2017 гг., в тексте нет: президент России неоднократно (как сам², так и вместе с председателем КНР³) заявлял, что нынешний уровень санкций несправедлив и должен быть пересмотрен, сравнивая уровень лишений народа КНДР с блокадой Ленинграда во время Великой Отечественной войны⁴.

Однако заявления класса «санкции несправедливы, их надо пересмотреть» не тождественны фразе «мы считаем санкции несправедливыми и не будем их выполнять».

Судя по тому, какие направления сотрудничества двух стран были «подсвечены» в статье Путина в «Нодон синмун» и иных подписанных документах, Москва не отказывается от соблюдения санкционного режима, хотя будет прилагать максимальные усилия по его пересмотру и тем более недопущению его дальнейшего развития. Москва будет соблюдать существующие санкции по принципу «что не запрещено — то разрешено», но пока не намерена открыто нарушать запреты.

Отдельное внимание автора привлекает ст. 20: «Стороны содействуют широкому сотрудничеству в медиасфере в целях повышения уровня знаний о жизни народов двух стран, продвижения в глобальном медиапространстве объективной информации о Корейской Народно-Демократической Республике и Российской Федерации и двустороннем сотрудничестве, дальнейшего формирования благоприятных условий для взаимодействия между национальными средствами массовой информации, укрепления координации в деле противодействия дезинформации и агрессивным информационным кампаниям» [Договор о всеобъемлющем стратегическом...]. Она указывает на насущную необходимость повышения осведомленности о том, что являет собой современная Северная Корея, так как представления о ней в массовом сознании и части лиц, принимающих решения сформированы идеологическими фильтрами.

¹ Россия и КНДР: традиции дружбы и сотрудничества сквозь года // ЦТАК. 18.06.2024. URL: <http://kcna.kp/ru/article/q/904d568863da758180e721aee779e890.kcmsf> (дата обращения: 09.07.2024).

² Путин призвал пересмотреть санкции против КНДР с учетом «развития человечества» // Интерфакс. 20.06.2024. URL: <https://www.interfax.ru/russia/967406> (дата обращения: 09.07.2024).

³ Путин и Си Цзиньпин отметили практику несправедливых санкций // РИА Новости. 21.03.2023. URL: <https://ria.ru/20230321/sanktsii-1859581131.html> (дата обращения: 09.07.2024).

⁴ Путин сравнил санкции против КНДР с блокадой Ленинграда // ТАСС. 20.06.2024. URL: <https://tass.ru/politika/21156875> (дата обращения: 09.07.2024).

Помимо Договора, было подписано Соглашение о строительстве автодорожного моста через пограничную реку Туманган и Соглашение о сотрудничестве в сферах здравоохранения, медицинского образования и науки, в рамках которого северокорейские студенты могут учиться в таких вузах инженерно-технической направленности, как Физтех, МИРЭА и др., а российские специалисты примут участие в создании новой клиники в Северной Корее.

По мнению автора, учитывая связанные с санкциями проблемы развития здравоохранения в КНДР, российское участие очень важно. Формально не нарушая санкций, Россия может или построить в Пхеньяне медицинский центр, оснащенный современным оборудованием, либо использовать для этого здание центральной больницы, которая в настоящее время уже построена, но не введена в эксплуатацию из-за санкций, не пропускающих определенные виды медицинской техники. В данном же случае речь пойдет о формально российском заведении на территории КНДР, где российские врачи будут лечить северокорейских граждан на российском оборудовании.

Не менее важным моментом является строительство автомобильного моста, потому что «мост» — это не просто «мост сам по себе». Он предполагает создание качественных подъездных путей и обслуживающей их инфраструктуры, включая, например, таможенные пункты. Это привлекает инвестиции в регион, развивая приграничные территории России и создавая площадку для увеличения потенциального числа совместных проектов, в том числе — трёхсторонних.

Перспективы дальнейшего сотрудничества КНДР и РФ и сотрудничества в треугольнике Москва—Пекин—Пхеньян

Договор подписан, что дальше? Понятно, что на данный момент сотрудничество в гуманитарной сфере уже начало развиваться, а экономическое и военно-техническое сотрудничество сдерживается санкциями СБ ООН. Однако мы можем сделать некоторые прогнозы относительно того, как будет развиваться военно-техническое сотрудничество, если все то, в чем долго обвиняли Москву и Пхеньян, наконец-то станет правдой.

Российско-северокорейское сотрудничество в военной или технической областях может иметь несколько уровней вовлеченности, связанных с тем, насколько Кремль примет решение игнорировать или обходить антисеверокорейские санкции СБ ООН. Это связано с тем, что пока на одной чаше весов выгоды от экономического сотрудничества с Севером и потенциальная помощь фронту, на другой — риски, связанные с возможным блоком дополнительных репрессивных действий против Москвы, нарушающей санкции, за принятие которых она голосовала. Другие факторы, влияющие на процесс, — развитие или ослабление тренда на конфронтацию между Россией и КНДР, с одной стороны, и коллективным Западом — с другой; изменения военно-политической ситуации в зоне СВО; позиция Южной Кореи по поводу прямых поставок в зону конфликта оружия и боеприпасов.

Каждый из этих уровней вовлеченности включает в себя действия по нескольким направлениям, но мы рассмотрим то, что можно делать уже сейчас, используя размытые формулировки некоторых санкционных резолюций.

- Совместные учения по спасению на море, которые не противоречат санкциям СБ ООН, либо совместные учения по борьбе с терроризмом, которые теоретически могут включать в себя нечто большее, чем нейтрализацию малой группы.

- Контакты между военными, не имеющие институционального характера. Например, группа российских военных может совершить туристическую поездку на Север и среди прочего посетить Музей вооружений, высказав там свои соображения о текущем моменте.

- Расширение образовательного сотрудничества между военными, точнее — обмен языковыми стажировками между студентами военных вузов двух стран.

- Среди иностранных военных корреспондентов в зоне СВО могут быть и северокорейские военные корреспонденты, соблюдающие все правила неучастия в военных действиях, характерные для военкоров, и/или военные специалисты, имеющие возможность ознакомиться с американской трофейной техникой, вывезенной из зоны боевого соприкосновения.

Перспективы для военно-технического сотрудничества связаны с тем, что Северная Корея проводит перевооружение своего артиллерийского парка с калибра 152 мм на калибр 155 мм. Это означает, что излишки артиллерийских снарядов, которые десятилетиями копились на складах, могут быть отправлены в ту страну, где этот калибр до сих пор используется. Как отмечает российский военный эксперт Владимир Хрусталёв, в КНДР в большом количестве есть версии советских 122-мм 53-ОФ-462 и 152-мм 53-ОФ-540, подходящие для гаубиц Д-30/Д-20 и аналоги снаряда М-21ОФ и т. п. И если Север начинает определенную реновацию артиллерийских систем, снаряды старого типа можно и передать в РФ¹.

Сейчас северокорейские снарядные заводы работают на полную мощность, однако, учитывая региональную напряженность, они будут заполнять склады, которые освобождаются за счёт снарядов старого калибра, а не работать на внешнего заказчика.

Если же будет принято решение в той или иной мере не соблюдать санкции СБ ООН, то первым признаком этого будет появление в РФ северокорейских рабочих. Таковые отличаются хорошим сочетанием цены, качества и безопасности, отчего еще в августе 2022 г. вице-премьер РФ Марат Хуснуллин не исключал вариант привлечения северокорейских строителей к восстановительным работам на «новых территориях», еще не вошедших официально в состав РФ².

Напоследок о том, когда ждать следующего визита Ким Чен Ына в Москву. С учетом времени на подготовку такого мероприятия это будет либо декабрь 2024 г., либо май 2025 г., когда Ким приедет на парад Победы. Не исключено, что

¹ Хрусталев В.В. Чучхе для Донбасса // Мост. Репорт. URL: <https://most.report/chuchhe-dlya-donbassa/> (дата обращения: 19.04.2024).

² Хуснуллин не исключил, что строителей из КНДР привлекут к восстановлению Донбасса // Газета.ру. 19 августа 2022. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/08/19/18367892.shtml> (дата обращения: 09.07.2024).

парад станет демонстрацией союзнических отношений не только между Россией и КНДР, но и с иными странами, которые твердо поддерживают российский курс на создание «миропорядка, основанного на справедливости».

Второй важный вопрос — как на такие темпы сближения Москвы и Пхеньяна будет реагировать Пекин. Тема соперничества РФ и КНР за Корею хорошо «продавалась» на Западе, но открытых выражений недовольства со стороны Пекина не было.

Вообще, координация Москвы и Пекина по корейскому вопросу была всегда и является весьма плотной. Достаточно посмотреть совместные заявления по корейской проблематике, сделанные в ходе визита Путина в КНР. Так, в совместном заявлении по итогам встречи было указано¹, что Москва и Пекин выступают против военного запугивания Севера со стороны США и их союзников, что способствует эскалации конфронтации с КНДР и может привести к вооруженным инцидентам и росту напряженности на Корейском полуострове. Это может означать, что основное содержание договоренностей Москвы и Пхеньяна с Пекином обсуждалось заранее.

К тому же, в отличие от договора КНДР и СССР, действие договора КНР и КНДР не прекращалось, и так как последний включает в себя механизм консультаций в случае угрозы агрессии, теоретически Ким координирует свою активность и с Пекином, и с Москвой.

Реакция на Договор коллективного Запада и будущее отношений России и Республики Корея

Официальные представители как Кремля², так и МИД РФ³ неоднократно подчеркивали, что союз РФ и КНДР не направлен против третьих стран, а министр иностранных дел РФ С. Лавров прямо подчеркнул, что против Договора могут выступать только те страны, которые планируют агрессию в адрес России или Северной Кореи⁴. Однако результаты визита соответствовали худшим прогнозам сеульских аналитиков, и это не могло не заставить руководство РК как-то ответить, причем многие высказывания были, скажем так, очень эмоциональны. Президент Юн Сок Ёль назвал заключение Договора «анахронизмом, идущим вразрез с историческим прогрессом»⁵ (видимо, забыв про Договор о взаимной

¹ 중립 "미국이 북한 위협"...미 "중 양손에 떡 못 쥐어" (Китай и Россия: США угрожают Северной Корее) // Yonhap News. 17.05.2024. URL: https://www.ytn.co.kr/_ln/0104_202405170700333561 (дата обращения: 09.07.2024).

² Песков заявил, что сотрудничество РФ и КНДР не направлено против третьих стран // Известия. 19.06.2024. URL: <https://iz.ru/1714769/2024-06-19/peskov-zaiavil-chto-sotrudnichestvo-rf-i-kndr-ne-napravleno-protiv-tretikh-stran> (дата обращения: 09.07.2024).

³ Захарова: договор РФ и КНДР не направлен против третьих стран // ТАСС. 26.06.2024. URL: <https://tass.ru/politika/21211311> (дата обращения: 09.07.2024).

⁴ Лавров: против договора РФ и КНДР может возражать лишь потенциальный агрессор // ТАСС. 19.06.2024. URL: <https://tass.ru/politika/21144967> (дата обращения: 09.07.2024).

⁵ Корейской войне ищут продолжение // Коммерсант. 25.06.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6790880> (дата обращения: 09.07.2024).

обороне), а представители США, Южной Кореи и Японии, курирующие северокорейскую проблематику, «самым решительным образом осудили углубление военного сотрудничества между Россией и КНДР», назвав его нарушением резолюций Совета Безопасности ООН и угрозой безопасности Северо-Восточной Азии и Европы¹.

Что же до конкретных действий, то 20 июня 2024 г. советник президента РК по национальной безопасности Чан Хо Чжин объявил о расширении санкций против РФ и заявил о планах «пересмотреть вопрос военной поддержки Украины, поскольку до сих пор правительство придерживалось позиции, что оно не будет поставлять этой стране летальное оружие»². Впрочем, после того как Владимир Путин практически сразу заявил, что поставки летального оружия Украине станут «очень большой ошибкой», ибо в этом случае Москва примет «соответствующие решения, которые вряд ли понравятся сегодняшнему руководству Южной Кореи»³. Чан «сделал шаг назад». 23 июня 2024 г. он отметил, что Южная Корея будет поставлять летальное оружие Украине, если Россия начнет отправлять Северной Корее высокоточное современное оружие⁴.

Произошел и естественный обмен репримандами. 21 июня 2024 г. первый заместитель министра иностранных дел РК Ким Хон Гюн вызвал посла России Георгия Зиновьева, чтобы передать официальную позицию Сеула, призвав Россию «немедленно прекратить военное сотрудничество с Северной Кореей и соблюдать резолюции Совета Безопасности ООН»⁵. В ответ российский дипломат повторил, что сотрудничество между РФ и КНДР не направлено против третьих стран, соответствует принципам и нормам международного права, отметив «недопустимость угроз и попыток давления на Россию».

Таким образом, поставок оружия в ответ на собственно факт подписания соглашения Москвы и Пхеньяна все-таки не будет. По сути, стороны формально озвучили друг другу давно известные неформально красные линии: Южная Корея не занимается прямыми поставками вооружения и военной техники на Украину, а Россия не занимается развитием северокорейского военного потенциала. Для Сеула важно не допустить поставки Северу опасного современного воо-

¹ США, Южная Корея и Япония осуждают углубление военного сотрудничества между Россией и КНДР // Интерфакс. 24.06.2024. URL: <https://www.interfax.ru/world/967764> (дата обращения: 09.07.2024).

² 정부 "북러 군사협력 강화 규탄...우크라 무기 지원 재검토" (Правительство «Укрепление военного сотрудничества Северной Кореи и России... Пересмотр вопроса о военной поддержке Украины») // Yonhap News. 20.06.2024. URL: <https://m.yna.co.kr/view/AKR20240620154900001?section=politics/index> (дата обращения: 09.07.2024).

³ Путин предупредил Южную Корею о мерах в случае поставок ею летального вооружения Киеву // Интерфакс. 20.06.2024. URL: <https://www.interfax.ru/russia/967413> (дата обращения: 09.07.2024).

⁴ Russia's provision of precision weapons to N.K. would leave no line for Seoul's aid to Ukraine: official // Yonhap News. 23.06.2024. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240623001100315?section=national/diplomacy> (дата обращения: 09.07.2024).

⁵ РК призвала Россию прекратить военное сотрудничество с КНДР // Международное радио Кореи. 21.06.2024. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=78386 (дата обращения: 09.07.2024).

ружения и технологий, а северокорейские снаряды, которые якобы уходят на СВО, — неприятность, но все же не катастрофа.

При этом у автора есть сомнения относительно того, что, если ситуация не станет форс-мажорной, красная линия Сеула будет перейдена. Речь идет как о поставке Северу новейших российских вооружений, так и о прямой военной помощи. Вопрос, зачем Северу новейшие российские вооружения, а не технологии, сопряжен с неясным целеполаганием, и значительно проще выдать северокорейцам технологии, на основании которых они сделают что-то свое, тем более что использование заимствованного вооружения вместо локализации противоречит идеологии *чучхе*.

Что же до «КНА и ВС РФ в одном окопе», то, *во-первых*, появление иностранного контингента вызовет многочисленные управленческие, логистические и языковые проблемы.

Во-вторых, интернационализация войны будет воспринята российским общественным мнением как окончательное доказательство того, что для победы на Украине у Москвы не хватает собственных сил. Это вызовет много громких вопросов к военному руководству страны, особенно с учетом того, что в массовом сознании россиян образ Северной Кореи остается довольно одиозным.

В-третьих, интернационализация СВО с российской стороны открывает аналогичную возможность и для украинской, после чего ответом на северокорейских добровольцев может стать не менее многочисленный контингент представителей стран НАТО, при том что в условиях жесткой межкорейской конфронтации мобилизационный ресурс КНДР с точки зрения отправки добровольцев ограничен, а аналогичный ресурс со стороны условного НАТО может оказаться значительно больше.

В-четвёртых, участие КНДР в украинском конфликте станет для США и их союзников поводом для целой серии ответных действий в Восточной Азии — от дополнительной стигматизации КНР и РФ до окончательного формирования азиатского НАТО либо распространения НАТО на Восток, поскольку с появлением КНА в СВО северокорейская угроза миру будет легко позиционирована как глобальная и, в свою очередь, требующая глобального ответа.

Серьезнее иной вопрос: когда Сеул перейдет красную линию Москвы. На данный момент руководство Южной Кореи последовательно выдерживает давление Запада по поводу поставок на Украину летального оружия и боеприпасов: солидаризируясь со Штатами по северокорейскому направлению, Сеул старался обеспечить себе максимально возможную свободу рук на российском и китайском направлениях.

Однако заключение Договора будет подталкивать Сеул к интеграции с НАТО, плюс режим Юн Сок Ёля оказался в ловушке: в ответ на сближение Москвы и Пхеньяна он не может не принять ответных мер, и при этом меры эти должны быть демонстративно значительными (и не всегда разумными). Давление Вашингтона на Сеул при этом усиливается, и рассуждения о военно-техническом сотрудничестве РФ и КНДР являются основным аргументом в пользу «ответного» сотрудничества Украины и РК.

Заметим, в 2023 г. в Сеуле были почти готовы не удержаться, косвенным свидетельством чего был скандал с отставкой советника по национальной безопас-

ности Ким Сон Хана, который, похоже, в порядке личной инициативы прорабатывал варианты прямых поставок снарядов на Украину при посредничестве Польши¹.

Важным элементом новой напряженности для автора было интервью Юн Сок Ёля агентству Рейтерс 8 июля 2024 г., в котором он фактически предложил России выбрать, с кем она теперь — с Пхеньяном или с Сеулом. «Северная Корея доставляет беспокойство мировому сообществу, и я надеюсь, что Россия в конечном итоге решит, какая Корея — Северная или Южная — для неё более важна и необходима»².

Это породило представление о том, что во время посещения США Юн может объявить о смене политики на украинском направлении, и вызвало отповедь пресс-секретаря МИД РФ Пескова, который заявил, что Москва старается проводить с государствами Корейского полуострова равно ориентированную политику, но враждебную позицию в последнее время занимает именно Сеул³.

Такие формулировки отражают некоторое изменение тона Москвы по отношению к Сеулу, и хотя в публичном поле Юн не пошел дальше осуждения сближения Москвы и Пхеньяна, в какой мере РК и НАТО договорились о неформальном сотрудничестве — малопроверяемый, но дискуссионный вопрос. Важнее то, что взаимное недоверие в отношениях двух стран будет накапливаться, и те или иные действия будут интерпретироваться как признак недружественного поведения. Поэтому, хотя Сеул будет стараться оттянуть принятие данного решения, в стратегической перспективе автор настроен пессимистически. Точка невозврата в отношениях Москвы и Сеула не пройдена, но близка к этому, так как смена политики, естественно, вызовет цепную реакцию обострения отношений. РК может потерять свой статус «самого дружественного из недружественных государств».

Заключение

С одной стороны, Договор стал важным шагом в формировании нового миропорядка. Он существенно укрепил сотрудничество между двумя ядерными державами, которых коллективный Запад стремится занести в «страны-изгой». В его тексте и итогах визита президента РФ Владимира Путина в целом отразились многочисленные рекомендации российских ученых. С другой стороны, его опасность для существующей архитектуры безопасности преувеличена. Статья о военном сотрудничестве двух стран скорее сдерживает напряженность, чем поощряет ее, а открытого игнорирования санкций СБ ООН не случилось. «Мяч на

¹ *Асмолов К.В.* Южная Корея и скандал с утечкой секретных документов США // Новое Восточное обозрение, 14.04.2023. URL: <https://journal-neo.su/ru/2023/04/14/yuzhnaya-koreya-i-skandal-s-utechkoy-sekretnyh-dokumentov-ssha/> (дата обращения: 09.07.2024).

² Юн Сок Ёль: Россия должна решить, какая Корея для неё важнее // Международное радио Кореи, 08.06.2024. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=78526 (дата обращения: 09.07.2024).

³ Кремль не согласен с Сеулом, что РФ должна выбирать «одну из двух Корей» // ТАСС, 08.07.2024. URL: <https://tass.ru/politika/21307287> (дата обращения: 09.07.2024).

стороне» США и РК, и именно их ответные ходы определяют, в какой мере региональная напряженность будет увеличиваться.

Таким образом, Договор о всеобъемлющем сотрудничестве и партнерстве между КНДР и РФ оказал существенное влияние на региональную архитектуру безопасности. Он выступает в качестве сдерживающего фактора применительно к вероятности вооруженного конфликта, он увеличивает в регионе тренд на появление двух политических, а в перспективе и военно-политических союзов.

Библиографический список

Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Корейской Народно-Демократической Республикой и Российской Федерацией // ЦТАК. 19.06.2024. URL: <http://kcpa.kp/ru/article/q/848b072d48dcc965d89ce5f716e78e71.kcmsf> (дата обращения: 10.07.2024).

Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Корейской Народно-Демократической Республикой. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Договор_о_дружбе,_сотрудничестве_и_взаимной_помощи_между_СССР_и_КНДР (дата обращения: 10.07.2024).

История Кореи (Новое прочтение) / под ред. А.В. Торкунова. М.: Московский государственный институт международных отношений (университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 337 с.

Конституция Корейской Народно-Демократической Республики. Пхеньян: Издательство «Новая Корея». 1956. 30 с.

Ткаченко В.П. Корейский полуостров и интересы России. Российская академия наук, Институт Дальнего Востока. М.: Восточная литература РАН, 2000. 207 с.

Ткаченко В.П. Уроки корейского кризиса 1968 года // Проблемы Дальнего Востока. № 1. 2008. С. 82—102.

Constitution of the Republic of Korea. URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?lang=ENG&hseq=1 (дата обращения: 08.04.2024).

Full text of 'Camp David Principles' agreed by leaders of S. Korea, U.S., Japan // Yonhap News. 19.08.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230819000400315?section=news> (дата обращения: 10.07.2024).

Jacobsen, Annie. Nuclear War: A Scenario. Dutton, 2024. 400 p.

Merton R. The Self-Fulfilling Prophecy // The Antioch Review. Vol. 8. No. 2, 1948. Pp. 193—210.

Mutual Defense Treaty Between the United States and the Republic of Korea; October 1, 1953. URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/kor001.asp (дата обращения 10.07.2024).

References

Constitution of the Republic of Korea. URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?lang=ENG&hseq=1 (accessed: 08 April, 2024).

Dogovor o druzhbe, sotrudnichestve i vzaimnoj pomoshchi mezhdru Soyuzom Sovetskih Socialisticheskikh Respublik i Korejskoj Narodno-Demokraticheskoj Respublikoj (1961) [Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance between the Union of Soviet Socialist Republics and the Democratic People's Republic of Korea]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Договор_о_дружбе,_сотрудничестве_и_взаимной_помощи_между_СССР_и_КНДР (accessed: 10 July, 2024). (In Russian).

Dogovor o vseob"emlyushchem strategicheskom partnerstve mezhdu Korejskoj Narodno-Demokraticheskoj Respublikoj i Rossijskoj Federaciej [Comprehensive Strategic Partnership Agreement between the Democratic People's Republic of Korea and the Russian Federation] // KCNA. 19.06.2024. URL: <http://kcna.kp/ru/article/q/848b072d48dcc965d89ce5f716e78e71.kcmsf> (accessed: 10 July, 2024). (In Russian).

Full text of 'Camp David Principles' agreed by leaders of S. Korea, U.S., Japan // Yonhap News. 19.08.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230819000400315?section=news> (accessed: 10 July, 2024).

Istoriya Korei (Novoe prochtenie) / Pod red. Torkunova A.V. [History of Korea (New reading)] / Ed. Torkunov A.V.]. Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj institut mezhdunarodnyh odnoszenij (universitet); «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSSPJeN), 337 p. (In Russian).

Jacobsen, Annie (2024). Nuclear War: A Scenario. Dutton, 400 p.

Konstituciya Korejskoj Narodno-Demokraticheskoj Respubliki [Constitution of the Democratic People's Republic of Korea]. Pyongyang: New Korea Publishing House. 1956. 30 p. (In Russian).

Merton R. (1948). The Self-Fulfilling Prophecy. *The Antioch Review*. Vol. 8. No. 2: 193—210.

Mutual Defense Treaty Between the United States and the Republic of Korea; October 1, 1953 // URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/kor001.asp (accessed: 10 July, 2024).

Tkachenko V.P. (2000). Korejskij poluostrov i interesy Rossii [The Korean Peninsula and the interests of Russia]. Moscow: Eastern Literature of the Russian Academy of Sciences, 207 p. (In Russian).

Tkachenko V.P. (2008). Uroki korejskogo krizisa 1968 goda [Tkachenko V. P. Lessons of the Korean crisis of 1968]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. No. 1: 82—102. (In Russian).

Поступила в редакцию: 15.07.2024

Received: 15.07.2024

Принята к публикации: 18.07.2024

Accepted: 18.07.2024

E.G. Ivanov, A.V. Solovyov

The Erosion of the UN Security Council Sanctions Regime Against the DPRK

Abstract. This article seeks to examine the rationale behind the decision of the United States, China, and Russia to impose sanctions against North Korea together with the incentives to comply with the principles of the sanctions regime or not to comply with them. The convergence of their initial self-interests allowed the establishment of the UNSC Sanctions Regime. However, this institution was unable to ensure compliance with its norms and principles. Consequently, primarily due to the intensification of great-power contradictions, China and Russia appeared to lose interest in maintaining the Regime, particularly in light of their rivalry with the US. Conversely, the US demonstrated a tendency to exploit the Regime.

Keywords: DPRK, WMD related programs, UNSC Sanctions Regime, USA, China, Russia, threat perception, incentives to comply, security.

Authors: Egor D. IVANOV, Ph.D student, Doctoral School of International Relations and Regional Studies, National Research University Higher School of Economics. ORCID: 0009-0000-5343-9365. E-mail: edivanov_1@edu.hse.ru

Alexander V. SOLOVYOV, “Russia in Global Affairs”, Deputy Editor-in-Chief. ORCID: 0000-0003-2897-0909. E-mail: a.soloviev@globalaffairs.ru

Conflict of Interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citations: Ivanov E.G., Solovyov A.V. The Erosion of the UN Security Council Sanctions Regime Against the DPRK. *Koreevedenie [Koreanology]*, 2024, 2 (7): 84–99. DOI: 10.48647/ICCA.2024.62.66.007.

From 2006 to 2017, the United Nations Security Council (UNSC) adopted a series of resolutions establishing and maintaining the sanctions regime against the Democratic People’s Republic of Korea (DPRK) and its nuclear and weapons of mass destruction (WMD) related programs (hereinafter—the Sanctions Regime). As has become evident in recent years, the restrictions failed to achieve their primary objective: preventing North Korea from obtaining and developing nuclear capabilities, which would have a detrimental impact on peace and security in the Asia-Pacific region, as well as on the principles of the Non-Proliferation Treaty and, to some extent, on the framework of global governance. Moreover, increasing tensions between major veto-wielding members of the UNSC, namely Russia, China, and the US, have hindered the efficiency of the adopted measures and significantly decreased the probability of future consensus on this matter. The further escalation of the Ukrainian crisis in 2022, which had a profound impact on Russia-US relations, contributed to Moscow’s firm stance against further enforcement of the anti-North Korean sanctions. It became evident that the initial unani-

mity among the veto-wielding members of the Security Council had dissipated: Russia and China expressed their opposition to the extension of the mandate of the Panel of Experts 1874, a significant supporting institution within the UNSC, which served as an overseeing body of the regime. In these circumstances, the discrepancy between the positions of UNSC members towards the Regime deepened, resulting in an almost unbreakable stalemate that hindered the maintenance and even the existence of the Regime. The primary objective of this research is to determine why the major veto-wielding states started to undermine or continue to support the Sanctions Regime against the Democratic People's Republic of Korea by analyzing changes in their perception of the North Korean issue and the Regime itself.

Theoretical Framework: Threat Perception

As sanctions (both unilateral and collective) have become an increasingly common foreign policy practice, their academic conceptualization has been refined. Gary Hufbauer defined economic sanctions as “deliberate, government-inspired withdrawal, or threat of withdrawal, of customary trade and financial relations,” and explained them as actions taken by the sender aimed at compelling the target to undertake actions that the latter is typically disinclined to perform by reducing and limiting economic collaboration [Hufbauer, 2007, p. 10]. Usually, through sanctions, the sender tries to effect specific foreign policy goals: modest changes in the target’s policy; the target’s regime changes or destabilization; disruption of the target’s military adventures; impairment of military potential, limiting the target’s capability to advance weaponry; and other major policy changes [Hufbauer, 2007, pp. 66–73].

The sheer scale and variety of restrictions imposed on the DPRK by the UNSC, together with the elaborate institutionalization of those restrictions, prompt the use of another well-established research framework, namely, the theory of international regimes designed by Stephen D. Krasner. He introduced the concept of international regimes to facilitate an understanding of cooperation in areas where formal institutions are insufficient and defined regimes as “sets of implicit or explicit principles, norms, rules, and decision-making procedures around which actors’ expectations converge in a given area of international relations” [Krasner, 1982, p. 186]. Principles are fundamental goals or objectives of a regime, norms are shared expectations and standards of participants’ behavior, rules are proscriptions for actions of regime members, and decision-making procedures refer to the mechanisms and processes that are used to make and implement collective decisions within the regime [Krasner, 1982, p. 186]. Principles and norms (P&N) represent the fundamental variables of any regime and should remain constants for a regime to function according to its original goals. Any alteration to P&N may alter the regime and render it dysfunctional.

We assume here that it is possible to detect the erosion of the Sanctions Regime if it can be proven that its participants deviate from the original principles and norms. Additionally, Krasner identified a set of causal variables that can explain changes within a regime. Among them, two are particularly important: egoistic self-interest and political power. The convergence of independent states’ egoistic self-interest leads to regime cre-

ation, where each state abandons independent decision-making in favor of joint decision-making [Krasner, 1982, p. 196]. In other words, the regime as an international institution may influence the behavior of states, providing strong incentives for them to work toward 'common good' goals even if these goals differ from or contradict their national interests. Alternatively, these 'common good' goals may in fact become the states' national interests.

However, if self-interests change, states' willingness to comply with a regime's rules can diminish, altering their behavior and attitude towards the regime. Oran Young proposed the idea that a more powerful state can impose a regime as a means of reinforcing its hegemony by inducing others to conform to the requirements of this regime through a combination of coercion, cooptation, and the manipulation of incentives [Young, 1982, p. 284]. However, such regimes are prone to decay if the effective power of a dominant actor diminishes (or, as in our case, if a dominant actor — be it the US relative to Russia and China, or the UNSC relative to other states — does not possess the effective capability to coerce others to comply with the norms and rules). He assumed that changes within such a regime can occur due to shifts in the underlying structure of power and its redistribution among regime actors.

Outlining the basic framework, we can employ Hufbauer's and Krasner's definitions of sanctions and international regimes to describe and highlight the principal characteristics of the UN sanctions. In the case of the UNSC Sanctions Regime against North Korea, the sender is the UN Security Council, while the target is North Korea. Here, we must highlight an important feature: the Security Council is not a homogeneous entity; it consists of states with different approaches to security issues. Thus, the political objectives of its sanctions represent a middle ground reached via consensus and unanimous voting, diverging from the initial goals of the states involved. These "averaged" goals were mentioned in the preamble of Resolution 1718, outlining the principles of the Sanctions Regime. It can be argued that the UN Security Council primarily aimed at major changes in the DPRK's policy and tried to force Pyongyang to comply with the NPT, stating that "the international regime on the non-proliferation of nuclear weapons should be maintained" and recalling that "the DPRK cannot have the status of a nuclear-weapon state" [Resolution 1718, 2006, p. 1]. Moreover, the resolution noted that the North Korean nuclear test had "generated increased tension in the region and beyond" and that it had become "a clear threat to international peace and security" [Resolution 1718, 2006, p. 1]. Thus, the Security Council invoked Chapter VII of the UN Charter, which is devoted to responding to peace-threatening actions, to justify the establishment of sanctions against the military capabilities of the North. Therefore, it can be posited that the Sanctions Regime was also aimed at impairing Pyongyang's military potential in order to curb North Korean activities endangering regional and global stability. As for the norms of the Regime, the UN Resolutions explicitly indicated that all member states shall comply with the imposed sanctions and maintain the Regime. Initially, all members sought to comply with its norms and objectives, as they were created as a result of the convergence of their interests, but later their positions towards the Regime altered, leading to its erosion.

Besides states' self-interest and power, there is yet another variable that can impact the sender's attitude towards the regime: the perception of threat from the target. While

the balance of power theory draws a direct correlation between a state's power and the threat it can pose, the balance of threat theory assumes that even a powerful state can cause no alarm among its competitors if it does not pose a threatening intent. Conversely, a smaller and less powerful nation may be perceived as more threatening if its government is considered to have threatening intentions [Walt, 1987]. Stephen Walt identified four major variables that can influence states' perception of the level of threat: aggregate power, geographic proximity, offensive capabilities, and the perception of other nations' intentions. The combination of these factors can incentivize a state to cooperate with another to retaliate against or balance a possible threat. Since survivability is the main interest of a state, we assume that by assessing how VWMs perceive the threat from North Korea, we will be able to determine whether they have preserved incentives to support the Regime or, alternatively, to withdraw their support.

As stated in the UNSC 1718 Resolution, "proliferation of nuclear, chemical, and biological weapons, as well as their means of delivery, constitutes a threat to international peace and security" [Resolution 1718, 2006, p. 1]. Thus, this threat was perceived not as a direct threat to the national security of a given state, but as a common threat to the existing world order. Therefore, we add this indirect threat to Walt's four-factor 'threat mix' that would ultimately impact VWMs' attitude towards the Regime.

Country-specific Threat Perception

The US's Perception of Threat

Prior to the establishment of the Sanctions Regime in 2006, successive US administrations did not seem to perceive the DPRK's nuclear program as an existential threat to national security, but rather as a threat to international peace and security. Such an attitude followed the logic of Charles Krauthammer's lasting 'Unipolar Moment' [Krauthammer, 2002], which implied that the US was the absolutely dominant (if not the sole) power in international politics and thus was capable of "advancing not just American, but global ends" while others would do America's bidding since "no one wants to be left at the dock when the hegemon is sailing" [Krauthammer, 2002, p. 17]. In other words, in the eyes of American policymakers, the US's national interests (and, thus, threat perception) constituted the world's interests.

Yet, neither Bill Clinton's administration's engagement with the DPRK, which culminated in the "Agreed Framework" in 1994, nor the post-9/11 'global war on terror' declared by George W. Bush's administration (which was preceded by an infamous 'Axis of Evil' speech in which the newly elected president publicly blamed Pyongyang for "arming with missiles and weapons of mass destruction while starving its own citizens" [Bush, 2002]) could counter that threat. The "Agreed Framework" effectively broke down in 2003, and while the White House's demands for the 'complete, verifiable, irreversible dismantlement' of all nuclear activity in North Korea under the Bush administration did establish the rhetorical framework for a possible solution (the abbreviation CVID would gradually transform into the 'complete, verifiable, irreversible denuclearization' and was partly reproduced in Resolution 1718, which demanded that the DPRK should "abandon all nuclear weapons and existing nuclear programs in a complete, veri-

fiable, and irreversible manner” [Resolution 1718, 2006, p. 2]), it did not provide for such dismantlement. Over time, Washington politicians adopted a policy of “wait and see,” believing that North Korea would collapse in a manner similar to the Soviet Union [Ogden & Anderson, 2008, p. 74].

However, following the successful demonstration of the DPRK’s nuclear capabilities and the continued development of intercontinental ballistic missiles, the possibility of a nuclear conflict on the Korean Peninsula and a subsequent nuclear threat to the US (as well as to its regional allies) became a real concern.

At this stage, all the direct threat factors except intentions had a “low impact” on the perception of threat level. The power and offensive capabilities of the DPRK, which had suffered economically after the end of the Cold War and several years of famine, were no match for the US-led military forces in the region. Geographic proximity, or in this case geographical remoteness, in the absence of a long-range ICBM, remained an insurmountable obstacle. Regarding intentions, the DPRK openly positioned its nuclear development as targeted against the US and its allies. Consequently, Washington could not ignore this factor and was forced to counter the DPRK’s actions, thus this variable can be labeled as having a “high impact” on the threat level.

Besides, the indirect threat to the world’s peace and security was further fueled by concerns over the development of WMD technologies among rogue states that might have transferred them to terrorist organizations [US NSS, 2002]. An overall assessment of the threat perception mix is provided in Table 1.

Table 1. Influence of variables on the level of perceived threat — US, prior to 2006

Aggregated strength	Offensive capabilities	Geographic proximity	Intentions	Indirect threat
Low	Low	Low	High	High

The establishment of the UNSC Sanctions Regime in 2006, initiated by the United States, represented a significant triumph of American foreign policy. The principles and norms of the newly imposed Sanctions Regime partially aligned with the United States’ foreign policy objectives. As the Bush administration shifted from unilateral and multilateral engagement towards international economic pressure, the Sanctions Regime became an important tool for the United States in its efforts to eliminate the North Korean threat. However, at the dawn of the Sanctions Regime, the hawkish stance of the United States laid the groundwork for its future erosion. The United States made no secret of its desire to destroy North Korea’s ruling system and hoped to use international sanctions for this purpose. Repeatedly, the United States attempted to empower the Regime to strangle the North Korean economy, but these initiatives were consistently rejected by the PRC and the Russian Federation, who perceived the possible dissolution of the DPRK as a threat to their security.

The eighteen-year duration of the sanctions regime has yielded no benefits for the United States, as the imposition of sanctions on North Korea has not resulted in any meaningful change in that country’s behavior. B. Obama, D. Trump, and J. Biden, who succeeded G. Bush as presidents of the USA, were unable to devise a comprehensive strategy towards North Korea. Obama’s approach, which he termed “strategic patien-

ce,” emerged in the aftermath of the global economic crisis. It involved a reduction in diplomatic engagement with Pyongyang in response to its provocations and an intensification of pressure and isolation of Pyongyang by the international community [Obama, 2010]. However, this approach failed to generate sufficient pressure to compel Pyongyang to abandon its WMD development. Furthermore, in the 2010s, the United States and China engaged in a rivalry that compelled Washington to adopt a policy of “Rebalance to Asia and the Pacific.” This policy aimed to counterbalance China’s growing influence, thereby diverting attention from North Korea.

D. Trump, who employed a rather flamboyant approach to North Korea, also failed to find a solution to the stalemate. Against the backdrop of the 2017 escalation, Trump simultaneously expressed a willingness to personally negotiate a way out of the nuclear crisis directly with Kim Jong-un and used verbal threats against North Korea and China. At the same time, he called for “maximum pressure” and advocated a rejuvenation of diplomatic talks [Huxley, Schreer, 2017]. Moreover, he aspired to “strike a great deal” and resolve the nuclear issue at once [Kim, 2020], but the United States was not prepared to discuss the preemptive withdrawal of sanctions, which the DPRK considered a cornerstone for future negotiations. As a result, four turbulent years of his presidency failed to improve the situation, likely convincing North Korea to accelerate its WMD development.

The outbreak of the COVID-19 pandemic and the change in the US administration stalled all activities on the US-DPRK track. By the beginning of 2021, Biden’s administration formulated a “calibrated, practical, measured” policy towards the DPRK. It encompassed maintaining pressure on North Korea while being open to engagement, aiming for denuclearization yet accepting step-by-step agreements, and incorporating and leading alliance partners on the nuclear issue [Richey, 2021]. Nevertheless, it became evident that the US lost interest in bilateral negotiations with the DPRK, as growing tensions with Russia and China became a more important challenge to American foreign policy.

Despite the change in priorities, the United States has consistently demonstrated its support for the UNSC Sanctions Regime, as the DPRK’s nuclear programs remained an existential threat to the US and the US-led world order. On several occasions, they have tried to implement additional sanctions, but these attempts were blocked by Russia and China. At the same time, proposals by Russia and China to partially lift sanctions on humanitarian grounds have been roundly rejected by the US. Furthermore, since the outbreak of the active phase of the Ukrainian crisis in February 2022, the United States has repeatedly blamed Russia for undermining the Sanctions Regime and breaking its limits, due to alleged weapon trade between Moscow and Pyongyang. In March 2024, the US blamed Russia for vetoing the prolongation of the Panel of Experts 1874 and sought to create a new international group with more than 50 countries to coordinate intelligence, counter-proliferation efforts, and relevant legislation to enforce sanctions policy.

For the past 18 years, North Korea has persisted in its military development despite the imposition of international sanctions and restrictions. The threat from the DPRK to the US has undergone a rapid transformation. The balance of threat model posits that four main variables impact threat perception. In the recent year, Pyongyang demonstrated the existence of newly created conventional and nuclear weaponry that could pose a

significant threat to South Korean and American forces deployed in the region [Council on Foreign Relations, 2022]. Additionally, it has significantly expanded its cyberwarfare capabilities, which can be employed to fund illicit WMD-related programs and used as an offensive tool [Manyin, Nikitin, Rennack, 2024]. While the overall aggregated strength of North Korea is currently of a “low” impact on the perceived level of threat, it is important to recognize that its offensive capabilities have undoubtedly increased, with a correspondingly “high” threat to the US.

As for geographic proximity (remoteness), which has precluded the DPRK from attacking the US using conventional weapons, North Korea has partially overcome this obstacle by developing new ICBMs. Currently, the DPRK has the capacity to target the US mainland, as well as its overseas bases, including Guam, and all of Japan and South Korea. Consequently, we assess the impact of proximity to be of a “medium” level. With regard to hostile intentions, the DPRK continues to present its nuclear arsenal as primarily defensive. However, given its harsh rhetoric towards the United States and South Korea, these actions have a significant impact on the level of threat. Moreover, North Korea has declared that it would consider the use of nuclear weapons as a preemptive response to any attack on the Kim regime [Issuing a Decree..., 2022]. Given that the DPRK lacks the capacity to verify the possibility of an attack on North Korea, it can be assumed that Pyongyang would be willing to use nuclear weapons even in the event of credible rumors of an attack [Asmolov, 2024a].

In conclusion, the intensifying threat posed by the DPRK forces the US to endorse the sanctions regime as the sole means of influencing Pyongyang, given the failure of different unilateral and multilateral formats (overall changes in threat perception are provided in Table 2).

Table 2. Influence of variables on the level of perceived threat — US, 2024

Aggregated strength	Offensive capabilities	Geographic proximity	Intentions	Indirect threat
Low	High	Medium	High	High

The PRC’s Perception of Threat

The People’s Republic of China has consistently demonstrated a profound interest in the Korean Peninsula. As one of its closest allies, North Korea has been regarded as a vital asset for Chinese security, serving as a bulwark against U.S. military forces deployed on the Korean Peninsula. Therefore, the importance of a stable and allied DPRK was always paramount, and the maintenance of the status quo was one of the main objectives of Chinese foreign policy towards Korea.

In the mid-1990s, the PRC openly expressed its strong opposition to a nuclear North Korea. The development of weapons of mass destruction programs could lead to heightened tensions between North Korea and the United States, potentially drawing China into a military conflict [Ji, 2001]. To forestall such scenarios, Beijing sought to position itself as a pivotal actor capable of addressing the DPRK’s nuclear program. China succeeded in persuading the United States, Japan, and South Korea that its role is important for the peaceful resolution of the ongoing crisis [Yi, 1995]. Moreover, Chinese ambitions to display its ‘international responsibility’ and to improve bilateral relations

ons with the United States encouraged Beijing to play a more proactive role regarding the nuclear issue [Shulong & Xinzhu, 2008].

At an early stage, China’s involvement in the resolution of the North Korean nuclear issue was mainly connected to geographic proximity, which had a “high” impact on the threat perception. Nuclear advancement of the DPRK could have led to a nuclear war near Chinese borders, and in the case of an incident, Chinese territory might have been exposed to radioactive fallout. With regard to the aggregated strength and characteristics of capabilities, China has never assumed that the North Korean nuclear arsenal could be aimed at China, and it is clear that the DPRK’s conventional capabilities were inferior to the Chinese.

As for the intentions, China perceived North Korean actions, including nuclear tests and aggressive rhetoric towards the United States, Japan, and South Korea, as a threat to the status quo in the region. However, the DPRK has never demonstrated any hostile intentions towards the PRC, which were backed up by any military action. Nevertheless, the DPRK has undoubtedly posed a threat to Chinese relations with other regional actors. Consequently, we posit that the intentions of the DPRK have a “low to medium” impact on the threat level, while the indirect threat has a “medium to high” level of impact (see Table 3).

Table 3. Influence of variables on the level of perceived threat — PRC, prior to 2006

Aggregated strength	Offensive capabilities	Geographic proximity	Intentions	Indirect threat
Low	Low	High	Low to Medium	Medium to High

From 2006 to 2024, relations between China and the DPRK have fluctuated. By 2009, China had likely concluded that it had no possibility of averting North Korean nuclear programs, as the DPRK had repeatedly expressed their importance for the Kim regime. Following several rounds of economic sanctions and the collapse of the Six-Party Talks due to the inability of parties to reach any kind of agreement, China became much more interested in the preservation of Pyongyang’s regime rather than in helping the international community, namely the US and its allies, to solve the nuclear issue [Lee, 2014].

A short shift towards a more hardline policy can be traced after the inauguration of Xi Jinping in 2012. During his first visit to the Korean Peninsula, Xi met with South Korean officials but did not visit the North. Simultaneously, Beijing started to characterize its relationship with Pyongyang as “normal relations between states” rather than a “blood alliance” [Kim, 2018]. Furthermore, at about the same time, Jang Song-Thaek, a significant intermediary between China and North Korea, was executed, which, according to some assessments, could have also contributed to the deterioration of China-DPRK relations [Jiang, 2019]. Most importantly, the nuclear tests of 2013 and 2016 were perceived by the Chinese side extremely negatively, as they undermined regional stability. The development of the DPRK’s WMD programs has encouraged the US and its allies to strengthen their military capabilities in the region, undermining China’s security. As a result, Beijing has increasingly cooperated within the Sanctions Regime, trying to punish the DPRK for its reckless behavior.

The situation underwent a significant transformation in 2018, with China becoming marginalized in the political détente on the Korean Peninsula. The rapid de-escalation of US-DPRK relations and Trump's approach of "maximum engagement" may have instilled concerns in Beijing that it might be excluded from the settlement of the Korean issue. Consequently, the PRC actively engaged with North Korea, resulting in a series of high-level meetings between Xi and Kim. Additionally, Xi provided Kim with a state-owned Boeing 747—400 to travel to the Singapore summit, which Xi had used himself [Frohman, Rafaelof, Dale-Huang, 2022].

The failure of the US-DPRK negotiations ultimately led to a deeper integration of North Korea into the Chinese sphere of influence. Concurrently, the intensification of the US-China trade conflict eliminated any motivation for Beijing to support Washington's position in the UNSC. Prior to this, China had attempted to enhance its regional image and improve relations with the US, but by the late 2010s, the prospect of political normalization had been lost. As a result, the PRC became more reluctant to maintain the Sanctions Regime.

The restrictions imposed by the UN resolutions were abided by (with reservations) state-owned and large private Chinese companies wary of becoming the target of secondary US (not UNSC) sanctions. However, Beijing was much less eager to control the mass of small businesses engaged in barely licit or overtly illicit activities [Leshakov, Solovyov, 2023, p. 24]. The PRC's official response to the request of the Panel of Experts under the UNSC Sanctions Committee 1718 (on the DPRK) regarding the brands of alcoholic beverages supplied from June to October 2022 for the amount of more than \$3.2 million is indicative. Specifically, China responded that "alcoholic beverages are not on the list of items prohibited for export to the DPRK, and the Resolution didn't authorize the Panel to interpret the scope of luxury goods" [Report, 2023, p. 74]. China's official response, cited verbatim in the Report of the Panel, strongly rejected all wrongdoing on Beijing's behalf and consistently rebuked experts for using "unreliable information" [Report, 2023, pp. 227—234].

In May 2022, China and Russia vetoed U.S. proposals to strengthen sanctions against the DPRK. China has also suggested that the DPRK's missile tests occurred as a response to the U.S.-Korean military exercises [United Nations, 2022]. Furthermore, China's decision to abstain from the vote to extend the mandate of the Panel of Experts 1874 exemplifies its opposition to the Sanctions Regime. This signals a significant shift in Beijing's stance on the North Korean nuclear issue, indicating that it no longer sees the Regime as aligned with its interests.

As for the balance of threat model, eighteen years have slightly affected the Chinese perception of threat from North Korea. Geographic proximity is a constant, always having a "high" level of impact on the threat perception. Aggregated strength and state of offensive capabilities have remained at a "low" impact. Due to the comprehensive UN sanctions, North Korea can obtain scarce commodities only from China, which accounts for over 90 % of its foreign trade, making it dependent on Beijing. Regarding the DPRK's offensive capabilities, there is no evidence that its armed forces have been positioned for conflict with China. As for the intentions, they had a relatively "low" impact. The dissolution of U.S.-Korean accords and the deterioration of inter-Korean relations have compelled Pyongyang to maintain its alliance with Beijing, which has the effect of

reducing the perceived threat. At the same time, the DPRK's aggressive rhetoric toward the United States and South Korea may lead to another deterioration of the situation and have a negative impact on China's relations with the USA. Therefore, it can be concluded that currently, the level of perceived threat is determined only by geographic proximity and indirect threat factors (see Table 4).

Table 4. Influence of variables on the level of perceived threat — PRC, 2024

Aggregated strength	Offensive capabilities	Geographic proximity	Intentions	Indirect threat
Low	Low	High	Low	Medium to High

Russia's Perception of Threat

The profound political and economic crises in the final years of the Soviet Union significantly influenced the evolution of Russia's stance on the North Korean nuclear issue and its subsequent approach to the Sanctions Regime. The Russia-DPRK relations were predominantly driven by political and ideological motivations and subsequently diminished as the Soviet Union, and later Russia, faced economic difficulties. By the time of the first North Korean nuclear crisis, Russia had largely distanced itself from the political settlement and was mainly left outside of political processes in the 1990s.

Prior to the creation of the Regime in 2006, Moscow actively reengaged in negotiations on the nuclear issue. The Russian Foreign Ministry proposed a “package solution,” calling for the denuclearization of the Korean peninsula and the provision of security guarantees to the DPRK. In the Six-Party Talks format, Russia focused on reaching a consensus with all parties involved to find a peaceful solution. However, when the DPRK conducted a nuclear test, Moscow supported the establishment of the UNSC Sanctions Regime, despite previously opposing sanctions, as such pressure, if unsuccessful, would leave no other options but the use of military force.

Russia's willingness to endorse the Sanctions Regime was influenced by a number of factors. Moscow explicitly declared that it would not consider the DPRK a nuclear power, as this would contribute to the destruction of the NPT. The preservation of the NPT regime remained a priority for Moscow [Putin, 2000], as the continuation of North Korea's nuclear program could theoretically lead to a military conflict. By voting for the Regime, Russia expressed its concern regarding Pyongyang's provocative actions. Additionally, it was a direct consequence of Russia's desire to strengthen its international image and improve relations with the United States.

As for the model of balance of threat, the major incentive for addressing the nuclear issue was its geographic proximity to the DPRK. Possible malfunctions of North Korean nuclear sites near Russia's border could cause an ecological crisis in the Russian Far East, while a military conflict, which might have arisen as a consequence of North Korean brinkmanship diplomacy, could have resulted in a humanitarian catastrophe. Consequently, this variable consistently exerted a “high” level of influence. Regarding aggregated strength and offensive capabilities, the Russian side did not consider these to be significant concerns, attributing them a relatively “low” impact. Given the overall poor conditions of the DPRK economy and the chronic lack of modern weaponry, North Korea was unable to pose a significant threat to Moscow's interests. With regard to hos-

tile intentions, the DPRK has never positioned its nuclear arsenal as directed towards Russia. However, the possibility of escalation in the region could have resulted in a deterioration of security, and the DPRK's actions provided the US-led alliances with a rationale for enhancing their military presence in the region, thereby reducing Russia's security. For the overall assessment of the balance of threats for Russia prior to 2006, see Table 5.

Table 5. Influence of variables on the level of perceived threat — Russia, prior to 2006

Aggregated strength	Offensive capabilities	Geographic proximity	Intentions	Indirect threat
Low	Low	High	Medium	Medium to High

By the early 2010s, Russia seemingly lost interest in the resolution of the North Korean issue. During the presidency of D. Medvedev, Moscow sought to enhance its diplomatic ties with Western countries and considered North Korea's provocations detrimental [Toloraya, 2014]. Consequently, it tried to distance itself from Pyongyang. A source in the Kremlin even referred to North Koreans as “crooks and swindlers” and blamed them for using “bluffing, threatening, and blackmailing” in an interview with the Russian news agency Ria Novosti. As a result, Russia repeatedly supported the implementation of the UNSC Resolution. However, following the temporary stabilization of the situation on the Korean Peninsula and the onset of the Ukrainian Crisis, Russia's approach to North Korea underwent a notable shift.

The significant deterioration of Russia's relations with Europe and the US, which had been trying to influence Moscow's policy towards Ukraine, led to Russia's much more active pursuit of the “pivot to the East” policy. This shift resulted in a visible intensification of Russia-DPRK relations and a series of visits and meetings between official representatives of the two countries [Asmolov, Zakharova, 2020]. Nevertheless, the harsh response to the nuclear test indicated that Moscow still placed greater value on its international obligations than on improvements in political relations and the development of economic ties.

The most significant shift in Russia's approach to the DPRK and the Sanctions Regime began in 2022. The deterioration of relations with the United States prompted Moscow to reconsider its position toward Pyongyang. The U.S. policy of exerting maximum pressure on Russia through sanctions and the inconclusive Putin-Biden summit in Geneva led to a substantial breakdown in diplomatic ties between the countries and eventually to the launch of Russia's special military operation in Ukraine. Russian officials have indicated that Moscow is becoming increasingly disinclined to adhere to the norms of the regime: Marat Khusnullin, Russia's deputy prime minister, has publicly discussed the possibility of engaging North Korean construction workers in Donbass; other senior Russian officials, including Oleg Kozhemyako, governor of the Primorsky Krai, and former Defense Minister S. Shoigu, have presented Kim Jong-un with various weapons, including rifles, swords, body armor, and a reconnaissance UAV [Panel of Experts..., 2024]. It is evident that these actions are not comparable to Chinese circumventions of sanctions, but they should be acknowledged as explicit violations of the established Regime.

Overall, the development of Russia-North Korean relationships has significantly affected the threat level perceived by Russia. In the framework of the balance of threat theory, only geopolitical proximity remains a significant contributor, having a “high” level of impact on threat perception. Aggregated strength, offensive capabilities, and hostile intentions have lost their influence and now have a “low” level of impact. Even the indirect threat has diminished in importance due to comprehensive rivalry with the Collective West, now exerting a “medium to low” impact (see Table 6 for the overall assessment). This assumption is supported by the removal of a paragraph devoted to the Korean peninsula from the latest edition of the Concept of the Foreign Policy of Russia, indicating that solving the North Korean nuclear issue is no longer a significant objective [The Concept of the Foreign Policy..., 2023].

In these circumstances, it is less likely that the Russian Federation will comply with the limitations of the Sanctions Regime. It remains debatable whether Russia will openly dismantle the Regime. While it seems probable that the Russian government will continue to abide by major UNSC restrictions and will not support North Korea’s WMD programs, there is little chance that it will return to discussions regarding additional sanctions [Asmolov, 2024b]. Nevertheless, should Moscow’s relations with the “collective West” normalize in the near future, it is possible that Russia may once again sacrifice its bilateral ties with North Korea for the sake of potential political concessions from the U.S. and the EU.

Table 6. Influence of variables on the level of perceived threat — Russia, 2024

Aggregated strength	Offensive capabilities	Geographic proximity	Intentions	Indirect threat
Low	Low	High	Low	Medium to Low

Structural Threats as the Key Factors of Regime’s Erosion: in Lieu of Conclusion

An analysis of the perceived direct threat is not sufficient to describe all the incentives that may have led veto-wielding states to join the Sanctions Regime initially. The main reason for the erosion of the regime appears to be the aggravation of great-power contradictions. In other words, the regime as an institution was unable to irreversibly subordinate the egoistic aspirations of states to the proclaimed principles and norms intended to ensure the “common good” (i.e., Pyongyang’s compliance with the NPT and the denuclearization of the Korean peninsula). The DPRK merely created a structural prerequisite for the manifestation of such aggravation by demonstrating the regime's inability to ensure the achievement of these goals even in the context of maximum consensus among the UN Security Council members.

Compared to direct threats to UNSC member states from the DPRK’s nuclear program, structural and strategic factors that do not directly depend on the DPRK’s conduct—such as the danger of nuclear weapons proliferation, the formation of the “strategic confrontational triangle” involving the US, PRC, and RF, and the sharp aggravation of the confrontation between the Russian Federation and the “collective West”—now have a much greater impact on the veto-wielding members’ attitudes towards the sancti-

ons regime. These factors have influenced the attitude of each UN Security Council member towards the regime to varying extents.

This is especially true for the People's Republic of China, which is North Korea's most important partner and is widely recognized as a crucial actor in the eventual denuclearization of the Korean peninsula. Over the years, Beijing has developed a rather ambiguous stance on the DPRK nuclear issue. On one hand, it has consistently sought to promote the denuclearization of North Korea, repeatedly voting in favor of new sanctions packages. On the other hand, China has maintained close economic ties with Pyongyang, ultimately undermining the Sanctions Regime. This ambiguity may be linked to a possible indirect threat stemming from the development of the DPRK's nuclear programs.

North Korean actions have posed a significant challenge to the Non-Proliferation Treaty (NPT) since the early 1990s, undermining not only the treaty's core objective of preventing the proliferation of nuclear weapons but also the image and credibility of nuclear-armed states. One potential consequence of such illicit actions could have been the proliferation of nuclear weapons in the region. Pyongyang's actions might have served as a catalyst for other states to pursue similar pathways, leading to an increase in the number of nuclear-armed nations.

In such a scenario, the most significant threat would likely come from Taiwan, which, by acquiring nuclear weapons, could guarantee its independence from the People's Republic of China. Similarly, South Korea and Japan might begin pursuing nuclear capabilities, given their demonstrated capacity to develop military nuclear programs in a relatively short period. It is evident that such arsenals would significantly diminish Chinese security, as they would likely be integrated into the U.S. military presence in the region.

Furthermore, other states with weaker economic capabilities compared to Tokyo, Seoul, or Taipei might seek to obtain weapons of mass destruction (WMDs). As regional rivalry between the Chinese and American governments intensifies, an increasing number of countries may be motivated to follow the DPRK's example to ensure their survival in the event of a military conflict. Given that China has territorial and maritime disputes with neighboring countries such as Vietnam and the Philippines, the latter might pursue nuclear weapons as a means of deterring Beijing. It can be reasonably presumed that China's initial decision to align with the United States on the North Korean nuclear issue and support the Sanctions Regime was motivated by a desire to avoid such a scenario.

However, as the Chinese-American rivalry began to emerge in the 2010s, the PRC became less inclined to continue supporting the American-led Sanctions Regime, which directly contributed to U.S. security. Support for the Regime proved to be a useful political bargaining chip, allowing China to gain some leverage over the U.S. In 2017, the Trump administration appeared to adopt a more flexible stance on trade issues between the United States and China in response to Beijing's cooperation on the DPRK issue [Huxley, Schreer, 2017]. In recent years, the significance of the DPRK as a buffer state between Chinese and U.S. forces in South Korea has increased considerably. In the context of the geopolitical turbulence that began following the escalation of the Ukrainian crisis in February 2022, China appears to be providing tacit support to Russia, which

has proclaimed itself engaged in a conflict with American neocolonialism and the “collective West.” This has introduced a new ideological dimension to the Sino-U.S. rivalry, further diminishing Chinese commitment to the Regime.

As tensions within the “strategic triangle” of the U.S., China, and Russia intensify [Asmolov, Babaev, 2024], significant shifts in the balance of threats are occurring. The recent signing of the Comprehensive Strategic Partnership Treaty between Russia and the DPRK will likely be perceived by the U.S. and its partners in Northeast Asia (especially the ROK) as a strategic threat and a direct challenge to the Sanctions Regime.

Currently, all VWMs addressed in this research are in violation of the principles and norms of the Regime. The United States has used the Regime as an offensive tool with the intention of dismantling the North Korean ruling regime, which exceeds the Regime's proclaimed political objectives. In contrast, China and Russia view this intent as inconsistent with their current self-interests and as a breach of the Regime's norms. Comparing the current levels of threat perception among the United States, China, and Russia reveals that only the United States is interested in maintaining the UNSC Sanctions Regime against North Korea. It seems plausible to suggest that this is due to the perceived existential threat posed by the North Korean nuclear program to the United States and its allies. Despite the DPRK's previously demonstrated willingness to prioritize survival over conflict with the United States, its proclivity for brinkmanship diplomacy and the destructive potential of its WMD programs on the regional security of U.S. allies necessitate a response from Washington. Additionally, due to the geopolitical rivalry between the United States, Russia, and China, the North Korean nuclear arsenal is becoming an increasingly influential factor. American scholars view this as a significant threat to the United States' position in the region, which could undermine Washington-led world order [Mastro, 2024]. If the three major powers continue with their mutually augmented deterrence, they may inadvertently contribute to the risk of mutually assured destruction.

References

- Asmolov, K. (2024a). Jadernyj potencial KNDR [DPRK' nuclear capability]. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/yadernyy-potensial-kndr/?sphrase_id=727015 (accessed: 12 May, 2024). (In Russian).
- Asmolov, K. (2024b). Russia and North Korea: Current State and Prospects of Relations. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytiks-and-comments/analytiks/russia-and-north-korea-current-state-and-prospects-of-relations/> (accessed: 02 June, 2024).
- Asmolov, K.V., Zakharova, L.V. (2020). Otnosheniya Rossii s KNDR v XXI veke: itogi dvadcatiletija [Russia' Relations with the DPRK in the 21st Century: Results of the First 20 Years]. *Vestnik RUDN. International Relations*, Vol. 20, No. 3: 585–604. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-585-604. (In Russian).
- Asmolov, K.V., Babaev, K.V. (2024). The Tripolar World and the Bloc Triangles of East Asia. *Russia in Global Affairs*, Vol. 22, No. 3: 142–158. DOI: 10.31278/1810-6374-2024-22-3-142-158.
- Beal, T. (2020). US imperialism, the Korean Peninsula and Trumpian Disruption. *International Critical Thought*, Vol. 10, No. 1: 89–112. DOI: 10.1080/21598282.2020.1741961.

Biden, J. (2020). Why America Must Lead Again. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-01-23/why-america-must-lead-again> (accessed: 11 April, 2024).

Bush, G. (2002). State of the Union Address. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html> (accessed: 23 March, 2024).

Cha, V. D., Kang, D. C. (2004). The Debate over North Korea. *Political Science Quarterly*, Vol. 119, No. 2: 229–254.

Frohman, B., Rafaelof, E., & Dale-Huang, A. (2022). The China–North Korea Strategic Rift: Background and Implications for the United States. U.S.–China Economic and Security Review Commission. No place, 21 p.

Huxley, T., Schreer, B. (2017). Trump' missing Asia strategy. *Survival*, Vol. 59, No. 3:81–89. DOI: 10.1080/00396338.2017.1325599.

Ji, Y. (2001). China and North Korea: A fragile relationship of strategic convenience. *Journal of Contemporary China*, Vol. 10, No. 28: 387–398. DOI: 10.1080/10670560120067090.

Jiang, Y. (2019). Concerns over nukes have been growing in Beijing: Sanctions are an Important Tool in China' North Korea Diplomacy. Danish Institute for International Studies, 4 p.

Kim, P. (2018). How China Sees North Korea: Three Critical Moments in History and Future Directions. Chicago Council on Global Affairs, 7 p.

Kim, S. H. (2020). The Assessment of President Donald Trump' North Korean Policy. *North Korean Review*, Vol. 16, No.2: 121–128.

Krauthammer, C. (2002). The Unipolar Moment Revisited. *The National Interest*. No. 70: 5–18.

Lee, J.-S. (2014). China—North Korea Relations in the Post–Cold War Era and New Changes in 2009. *The Chinese Historical Review*, Vol. 21, No. 2: 143–161. DOI: 10.1179/1547402X14Z.00000000036.

Leshakov P.S., Solovyov A.V. (2023). KNDR kak strukturnyj faktor regional'noj i global'noj bezopasnosti [DPRK as a Structural Factor of Regional and Global Security]. *Problemy dalnego vostoka*, No. 4: 20–35 DOI: 10.31857/S013128120027132-6. (In Russian).

Manyin, M., Nikitin, M.B., & Rennack, D. (2024). U.S.-North Korea Relations. URL: <https://crsrports.congress.gov/product/pdf/IF/IF10246> (accessed: 23 March, 2024).

Mastro, O.S. (2024). The next tripartite pact? URL: <https://www.foreignaffairs.com/china/next-tripartite-pact> (accessed: 10 June, 2024).

Niksich, L. (2003). North Korea' nuclear weapons program (Order Code IB91141, 4). URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB87/nk24.pdf> (accessed: 23 March, 2024).

Ogden, R.F., Anderson, D.A. (2008). US Foreign Policy toward North Korea: A Way Ahead. *Strategic Studies Quarterly*, Vol. 2, No. 3: 72–119.

Report (2023). Report of the Panel of Experts established pursuant to resolution 1874 (2009), S/2023/171. UN Security Council. 7 March 2023. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n23/037/94/pdf/n2303794.pdf?token=Pj6ut454zHTCmbqsap&fe=true> (accessed: 19 June, 2024).

Richey, M. (2021). The Biden Administration' North Korea Policy Review: Old Wine in New Wineskins? Brussels School of Governance, 6 p.

Sigal, L. V. (2020). Paved with good intentions: Trump' nuclear diplomacy with North Korea. *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*, Vol. 3, No. 1: 163–182. DOI: 10.1080/25751654.2020.1751549.

The Concept (2000). Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii [Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901764263> (accessed: 13 May, 2024). (In Russian).

The Concept (2023). Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii [The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?lang=en> (accessed: 13 May, 2024). (In Russian).

Toloraya, G. D. (2014). Rossija i problemy Korejskogo poluostrova na sovremennom jetape [Russia and the problems of the Korean Peninsula at the present stage]. *Vestnik MGIMO Universiteta*, No. 4 (37): 82–91. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-4-37-82-91. (In Russian).

United Nations (2022). Democratic People's Republic of Korea's Ballistic Missile Launch over Japan A «Reckless Act», Assistant Secretary-General Tells Security Council. Meeting coverage SC/15052. URL: <https://press.un.org/en/2022/sc15052.doc.htm> (accessed: 15 May, 2024).

US NSS (2002). The National Security Strategy of the United States of America. URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/> (accessed: 23 March, 2024).

Walt, S. M. (1987). *The Origins of Alliances*. Cornell University Press. 336 p.

Yi, X. (1995). China's Korea Policy: From "One Korea" to "Two Koreas". *Asian Affairs*, Vol. 22, No. 2: 119–140.

Young, O. R. (1982). Regime Dynamics: The Rise and Fall of International Regimes. *International Organization*, Vol. 36, No. 2: 277–297.

조선민주주의인민공화국 핵무력정책에 대한 법령 발표 (Joseonminjujuuinmingonghwaguk haengmuryeokjeongchaegedachan beomnyeong balpo) [Issuing a Decree on the Nuclear Weapons Policy of the Democratic People's Republic of Korea]. *KCNA*. 09.09.2022. URL: <http://kcnk.kp/kp/article/q/5f0e629e6d35b7e3154b4226597df4b8.kcmsf> (accessed: 13 May, 2024). (In Korean)

Научное издание

Корееведение
№ 2(7), 2024

Редактор:	Иванова Надежда Ивановна
Редактор английских текстов:	Шкатов Данил Евгеньевич
Технический редактор:	Ширикалова Алиса Алексеевна
Верстка:	Тарасов Сергей Юрьевич
Источник иллюстрации для обложки:	Freepik

Дата публикации электронной версии	Июль 2024 г.
Подписано в печать	27.08.2024
Тираж	100 экз.

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. Институт Китая и современной Азии РАН.

E-mail: cks@iccaras.ru

Scientific edition

Koreanology
No. 2(7), 2024

Editor:	Ivanova N.
Editor (English articles):	Shkatov D.
Technical editor:	Shirikalova A.
Layout:	Tarasov S.
Source of picture on the cover:	Freepik

Date of issue	July, 2024
Posted in Press	
Circulation	100 copy

Address: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: cks@iccaras.ru